

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316+929

ЗНАНИЕ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается идея Н.Г. Чернышевского о знаниях как движущей силе общественного развития. Особое внимание уделяется механизму влияния знаний на общественный прогресс.

Ключевые слова: взгляды Н.Г. Чернышевского, социальный прогресс, общественная мысль России.

Knowledge as a Creative Force of Social Progress in the Work N.G. Chernyshevsky

Y.A. Nikiforov

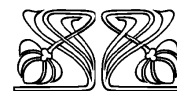
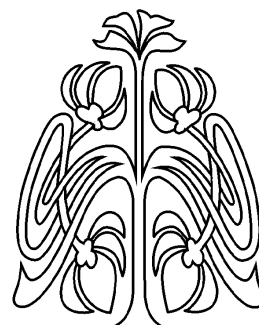
In article N.G. Chernyshevsky's idea on knowledge as a social development motive power is considered. The special attention is given to the mechanism of knowledge influence on public progress.

Key words: N.G. Chernyshevsky's sights, social progress, public thought of Russia.

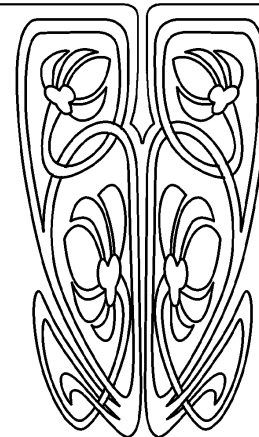
Несмотря на то что в своих статьях Чернышевский достаточно скептически высказывался в адрес идей Конта, вопрос, в частности, относительно движущих сил прогресса он решал в духе одной из парадигм основателя социологии.

Чернышевский рано проникся убежденностью во всеилии знаний. В семинарском сочинении он писал: «Знание – это неисчерпаемый рудник, который доставляет владельцам своим тем большие сокровища, чем глубже будет разработан...»¹. И в 1888 г., через многие десятилетия, он вновь писал, что «основной силой, возвышающей человеческий быт и производящей прогресс в жизни народов, является умственное развитие людей»². Чтобы понять суть его концепции социального прогресса, необходимо разобраться, как, по Чернышевскому, знания оказывают воздействие на ход общественного развития.

Сторонники признания материалистических основ его мировоззрения, прежде всего, обращали внимание на представление им человека как части природы с присущими ему определенными врожденными потребностями и в первую очередь с потребностями материальными. Потребности же нравственные – думать, чувствовать, желать, стремиться к улучшению своей жизни и проявлять любознательность³, тоже врожденные, считались как производные от материальных. Однако сам Чернышевский, говоря о взаимодействии этих потребностей, на первое место ставил нравственные. «Сам по себе человек очень слаб; всю свою силу заимствует он только от знания действительной жизни и умения пользоваться силами неразумной природы и врожденными, не зависящими от человека качествами человеческой природы»⁴. Врожденное стремление к улучшению жизни и врожденную любознательность он и называл двумя первыми «из основных сил, производящих прогресс»⁵. В жизни существовала дисгармония между «устройством» природы и потребностями человека, что выражалось в недостаточности у него средств для удовлетворения его потребностей. Отсюда возникла «вражда между людьми». Для

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ликвидации этой дисгармонии потребовалось вмешательство рассудка. Под воздействием разума природа стала постепенно подчиняться человеку. Побуждаемый врожденной любознательностью, он все более познавал ее и только благодаря этому выжил в борьбе с ее грозными силами. По мнению Чернышевского, справедливо утверждение, «что умнее взять в руки камень или толстую палку и бить этим оружием по врагу увеличило безопасность людей, дало им возможность улучшить свою материальную жизнь и, благодаря ее улучшению, получить большее развитие умственных способностей». Он всегда считал нравственный и материальный прогресс результатом «улучшения умственных и нравственных сил». Обратим внимание на отмеченную им взаимозависимость ума, который помогает человеку улучшить свое материальное положение, и последнего, становящегося условием дальнейшего умственного развития. «Всякий результат, – писал он по этому поводу, – имеет свойство становиться в свою очередь действующей силой, каждое последствие бывает причиной новых последствий». Итак, чтобы жить и развиваться, человек должен мыслить, познавать, открывать. Причина улучшения положения народа в последние столетия имела, говорил он, коренным источником «развитие знаний и улучшение понятий»⁶. Ум и знания обещают и дальнейший прогресс человечества. Сказанное не оставляет сомнений в приверженности Чернышевского нравственному приоритету как в развитии самого человека, так и общества. Наука, писал он, чернорабочий, однако ее трудами «живет все: и государство и семейство, и политика и промышленность; только оплодотворенные знаниями стремления человека получают характер, совместный с общим и частным благом, силы человека производят полезные действия»⁷. Несмотря на свое скромное положение в жизни и в истории, наука творит тихо и медленно, но «творит все: создаваемое ею знание ложится в основание всех понятий и потом всей деятельности человечества, дает направление всем его стремлениям, силу всем его способностям... Пусть политика и промышленность шумно движутся на первом плане в истории, история все-таки свидетельствует, что знание – основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни»⁸. В одной из работ «О причинах падения Рима» он показал «механизм» воздействия знаний на производственную деятельность людей. Отметив, что прогресс «основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний», Чернышевский писал: «Приложением лучшего знания к разным сторонам практической жизни производится прогресс и в этих сторонах. Например, развивается математика, от этого развивается и прикладная механика; от развития прикладной

механики совершенствуются всякие фабрикация, мастерства и т.д. Развивается химия; от этого развивается технология; от развития технологии всякое техническое дело идет лучше прежнего. Разрабатывается историческое знание; от этого уменьшаются фальшивые понятия, мешающие людям устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успешнее прежнего. Наконец, всякий умственный труд развивает умственные силы человека, и чем больше людей в стране выучивается читать, получает привычку и охоту читать книги, чем больше в стране становится людей грамотных, просвещенных, тем больше становится в ней число людей, способных порядочно вести дела, какие бы то ни было, значит, улучшается и ход всяких сторон жизни в стране. Стало быть, заключал он, основная сила прогресса – наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространенности знаний. Вот что такое прогресс – результат знаний»⁹.

Ум, помогая создавать материальные ценности, одновременно улучшает и материальные условия для своего развития. Как первобытный человек, проявляя любознательность, усилиями ума добывал первые крупинки познания природы и тем самым становился сильнее в борьбе за существование, так и человек развитого общества, создавая машину, значительно улучшает свой материальный быт и условия нравственного развития.

С другой стороны, недостаток знаний, например, в вопросах сельского хозяйства, по мнению Чернышевского, объяснял отставание этого производства от промышленного. Если же теперь, при «нынешнем состоянии знаний», когда механика и химия дают сельскому хозяйству необходимые средства для производства изобилия продовольствия, когда люди научились легко и быстро создавать новые породы домашних животных, прогресс земледелия совершается медленнее фабричного, то это, говорил он, происходит лишь потому, «что знания и силы людей слишком мало заняты этой задачей». Следовательно, надо, «чтобы люди сознали возможность и надобность энергически устремиться к этой цели». Сами же землевладельцы, живущие рентой, не заинтересованы в экономических улучшениях¹⁰.

Критическая мысль, по Чернышевскому, определяет смену и политических режимов и политических направлений. Умственная история общества, говорил он, состоит из постоянной смены, чередования умеренно-либерального, радикального и реакционного «настроений» людей.

Причины июньских кровавых событий 1848 г. в Париже Чернышевский объяснял господством отсталой экономической теории. «Народные массы были взволнованы и оказалось, что нечем укротить их, кроме физической силы». Это произошло потому, «что для удо-

влетворения их требований нужно было энергическое вмешательство западных правительств в экономические отношения, а теория отсталой экономической школы, господствовавшая в образованных классах, не допускала этого вмешательства». И теперь, продолжал Чернышевский, эта теория «отсталой экономической школы» «ведет к подавлению личности, к заменению законного порядка произвольными мерами, к превращению всей законодательной и административной силы в полицейский и военный надзор для усмирения и наказания»¹¹. Теория, по Чернышевскому, способствует или затрудняет развитие даже поэзии. Прежде чем ввести в поэзию жизнь, по его мнению, надо было также «теоретически разрушить теоретические представления, сбивавшие с толку поэтов», создать «ясную теорию поэзии»¹².

Обращаясь к другим областям жизни, каждую из них он оценивал с точки зрения разумности ее устройства. «Никакая важная новость, – писал он, – не может утвердиться в обществе без предварительной теории... Нет ни одной части общественного устройства, которая утвердилась бы без теоретического объяснения...»¹³. Теория, таким образом, представляется им венцом деятельности человеческого разума и силой, предопределяющей всякое изменение в общественной жизни людей. И в то же время в каждой новой теории, а отсюда и в каждом новом шаге общественного развития, он видел не отрицание, не отвержение всего старого, но развитие их лучших, еще сохранявших свое значение сторон. В связи с этим он писал, что «в развитии теории позднейшая школа обыкновенно берет существенный вывод, к которому пришла прежняя школа, и развивает его, отбрасывая противоречившие ему понятия, несообразность которых не замечались прежнюю теорию»¹⁴.

Итак, все успехи народной жизни обуславливаются воздействием на нее ума, знаний, воплощающихся в разумных теориях, «поэтому, – делал вывод Чернышевский, – только просвещенный народ может работать успешно». Это относится и к отдельному человеку. «Без образования люди и грубы, и бедны, и несчастны... три качества: обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова»¹⁵. Значит, только образованные люди могут активно и сознательно участвовать в общественном прогрессе и обеспечивать его. Человек, общественное сословие, класс и в целом народ, не будучи просвещенными, остаются вне сознательного участия в жизни общества, в истории. Этот вывод составляет одно из главнейших положений концепции социального прогресса Н.Г. Чернышевского.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1939–1950. Т. XVI. С. 382, 383.
- ² Там же. Т. X. С. 909.
- ³ Там же. Т. X. С. 920.
- ⁴ Там же. Т. III. С. 228.
- ⁵ Там же. Т. X. С. 920.
- ⁶ Там же. Т. IX. С. 628.
- ⁷ Там же. Т. IV. С. 5, 6.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Т. VII. С. 645.
- ¹⁰ Там же. Т. VII. С. 266, 267.
- ¹¹ Там же. Т. V. С. 592.
- ¹² Там же. Т. I. С. 151.
- ¹³ Там же. Т. VII. С. 45.
- ¹⁴ Там же. Т. VII. С. 49.
- ¹⁵ Там же. Т. III. С. 311, 312.

УДК 378 (100)

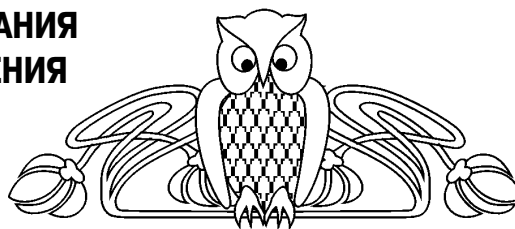
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ (по материалам социологического опроса)

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье анализируются результаты социологического опроса студентов и выявляются основные типы профессионального самоопределения современных студентов, их потенциальные стратегии поведения в сфере занятости.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение студентов, вторичная занятость студентов, профессиональные стратегии учащихся вузов.

Modern Problems of the Formation of Professional Self-determination of Students (by our Survey Data)

I.G. Malinsky

The paper analyzes the results of our sociological survey of students and brings to light basic types of modern students' professional self-determination, their potential behavior in the sphere of looking for a job.

Key words: professional self-determination of students, secondary student employment, professional strategies of students.

влетворения их требований нужно было энергическое вмешательство западных правительств в экономические отношения, а теория отсталой экономической школы, господствовавшая в образованных классах, не допускала этого вмешательства». И теперь, продолжал Чернышевский, эта теория «отсталой экономической школы» «ведет к подавлению личности, к заменению законного порядка произвольными мерами, к превращению всей законодательной и административной силы в полицейский и военный надзор для усмирения и наказания»¹¹. Теория, по Чернышевскому, способствует или затрудняет развитие даже поэзии. Прежде чем ввести в поэзию жизнь, по его мнению, надо было также «теоретически разрушить теоретические представления, сбивавшие с толку поэтов», создать «ясную теорию поэзии»¹².

Обращаясь к другим областям жизни, каждую из них он оценивал с точки зрения разумности ее устройства. «Никакая важная новость, – писал он, – не может утвердиться в обществе без предварительной теории... Нет ни одной части общественного устройства, которая утвердилась бы без теоретического объяснения...»¹³. Теория, таким образом, представляется им венцом деятельности человеческого разума и силой, предопределяющей всякое изменение в общественной жизни людей. И в то же время в каждой новой теории, а отсюда и в каждом новом шаге общественного развития, он видел не отрицание, не отвержение всего старого, но развитие их лучших, еще сохранявших свое значение сторон. В связи с этим он писал, что «в развитии теории позднейшая школа обыкновенно берет существенный вывод, к которому пришла прежняя школа, и развивает его, отбрасывая противоречившие ему понятия, несообразность которых не замечались прежнюю теорию»¹⁴.

Итак, все успехи народной жизни обуславливаются воздействием на нее ума, знаний, воплощающихся в разумных теориях, «поэтому, – делал вывод Чернышевский, – только просвещенный народ может работать успешно». Это относится и к отдельному человеку. «Без образования люди и грубы, и бедны, и несчастны... три качества: обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова»¹⁵. Значит, только образованные люди могут активно и сознательно участвовать в общественном прогрессе и обеспечивать его. Человек, общественное сословие, класс и в целом народ, не будучи просвещенными, остаются вне сознательного участия в жизни общества, в истории. Этот вывод составляет одно из главнейших положений концепции социального прогресса Н.Г. Чернышевского.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1939–1950. Т. XVI. С. 382, 383.
- ² Там же. Т. X. С. 909.
- ³ Там же. Т. X. С. 920.
- ⁴ Там же. Т. III. С. 228.
- ⁵ Там же. Т. X. С. 920.
- ⁶ Там же. Т. IX. С. 628.
- ⁷ Там же. Т. IV. С. 5, 6.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Т. VII. С. 645.
- ¹⁰ Там же. Т. VII. С. 266, 267.
- ¹¹ Там же. Т. V. С. 592.
- ¹² Там же. Т. I. С. 151.
- ¹³ Там же. Т. VII. С. 45.
- ¹⁴ Там же. Т. VII. С. 49.
- ¹⁵ Там же. Т. III. С. 311, 312.

УДК 378 (100)

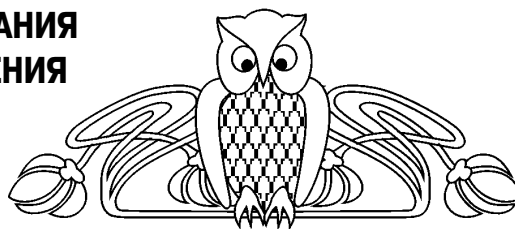
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ (по материалам социологического опроса)

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье анализируются результаты социологического опроса студентов и выявляются основные типы профессионального самоопределения современных студентов, их потенциальные стратегии поведения в сфере занятости.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение студентов, вторичная занятость студентов, профессиональные стратегии учащихся вузов.

Modern Problems of the Formation of Professional Self-determination of Students (by our Survey Data)

I.G. Malinsky

The paper analyzes the results of our sociological survey of students and brings to light basic types of modern students' professional self-determination, their potential behavior in the sphere of looking for a job.

Key words: professional self-determination of students, secondary student employment, professional strategies of students.

Современное российское общество находится в состоянии сложного длительного периода модернизации государства и экономики. Новые потребности общества невозможно удовлетворить без существенной перестройки структуры выпуска высшей школы, подготовки современного педагогического корпуса страны, обеспечения ему существенно более высокого социального и материального статуса. Сегодня, когда в развитой части современного мира решающим фактором развития стал человеческий капитал, отставание в этом процессе исторически становится предельно опасным. Привлекательность учебных заведений для молодежи, ее устремления в сфере образования, доступность получения знаний во многом определяют завтрашний уровень образования населения, численность и качество квалифицированных работников, весомость потенциала ученых и специалистов для наукоемких отраслей, от этого во многом зависит, какое место займет Россия в быстроменяющемся мире. Об актуальности мониторинга профессионального самоопределения и проблемах в данной сфере свидетельствует тот факт, что в 2010 г. в ходе совместного заседания Госсовета и Комиссии при Президенте РФ, которое было посвящено вопросам комплексного развития образования России, Д. Медведев подчеркнул, что подготовка специалистов должна вестись с учетом реальных потребностей экономики в условиях ее модернизации, и заявил, что для этого нужны «регионально-отраслевые прогнозы потребностей в кадровых ресурсах, то есть нужен четкий заказ»¹.

В настоящее время на рынке труда именно молодежь как активная и творческая часть общества составляет группу социальной напряженности. В условиях постоянно меняющейся ситуации на рынке труда, когда одни профессии теряют свою актуальность, а их место занимают другие, рынок пополняется в основном рабочей силой, либо не пользующейся спросом, либо не способной выдержать конкуренцию. В то же время многие вакантные места на предприятиях не заполняются. Зачастую одной из причин сложности трудоустройства среди молодежи является отсутствие опыта работы у молодых специалистов, закончивших вузы и техникумы, спрос на профессии которых практически отсутствует, а также у молодежи после окончания средней школы, впервые ищущей работу и не имеющей профессии. Следует также помнить, что Саратов – город университетов. Это особенно актуализирует вопрос занятости и профессионального самоопределения молодежи, впервые выходящей на рынок труда после окончания вуза.

Анализ результатов социологического исследования СГУ позволил выявить особенности профессиональной ориентации и трудовой заня-

тости молодежи². Выяснилось, что большинство выпускников работают не по специальности. Рейтинг престижности профессий среди выпускников вузов распределился следующим образом: менеджер, экономист и инженер, администратор и дизайнер. В большинстве случаев молодежь выбирает более престижные и высокооплачиваемые специальности, к тому же позволяющие расширить свои социальные связи, обеспечить карьерный рост.

Рейтинг реальных сфер вторичной занятости студентов возглавляют экономические профессии (26%). На втором месте – торговля и гуманитарные специальности (по 14%), на третьем – физика, математика и сфера услуг. Наименее популярными оказались юриспруденция и рекламная деятельность. Все это свидетельствует о том, что сегодня на рынке труда экономическая сфера, а также торговля и гуманитарные направления в большей степени открыты для студенческой молодежи. Специалисты именно этих отраслей в большей степени востребованы на современном рынке труда.

Одним из индикаторов профессионального самоопределения является отношение к работе. Модель «идеальной» работы для молодого специалиста представлена рядом слагаемых: высокая оплата труда, наличие перспектив карьерного роста, хорошие условия труда. Кроме того, работа должна быть престижной и приносить моральное удовлетворение. Для большинства опрошенных студентов работа является способом самореализации – 35%; «способ достичь самостоятельности» и «способ заработать деньги» упомянули соответственно 24% и 21%. Четвертым по популярности был ответ – «средство сделать карьеру» – 17%, и последнее место в иерархии популярности разделили такие варианты ответов, как «развлечение», «способ заработать на квартиру». Таким образом, работа для молодежи – это, прежде всего, деятельность, приносящая духовное удовлетворение, дающая возможность профессиональной реализации и достижения самостоятельности.

Рейтинг мнений об условиях получения хорошего места работы определяет ряд позиций: стаж работы по данной специальности (50,8%), диплом об окончании вуза (44,9%), инициативность и творчество (38,1%), наличие дружественных отношений с начальством (14,6%). Менее значимы такие условия, как диплом, владение иностранными языками, умение налаживать деловые связи и свободное владение ПК, связи и деньги, умение реализовать полученные в вузе знания. Наличие опыта работы по специальности, безусловно, является актуальным запросом на рынке труда. Анализ мнений студентов о значимости высшего образования для получения престижной высокооплачиваемой работы выявляет высокую согласованность мнений большинства. Однако,

как показал дальнейший опрос, 70% считают, что высшее образование никак не влияет на получение в дальнейшем престижной работы. 12% респондентов согласны с мнением о важности наличия высшего образования для будущей работы. Это противоречие можно трактовать как важность не столько самого образования, как способа получения профессиональных знаний и компетенций, сколько важность факта получения, наличия диплома о высшем образовании, что не может не вызывать настороженности.

Большинство работающих студентов трудятся по специальности или «близко к ней» (53,1%). Из числа работающих по специальности 34,2% имеют общий стаж работы – 1–2 года; 26,8% – 3–4 года общего стажа; 19,5% – 5–6 лет и столько же (19,5%) респондентов имеют общий стаж работы более 7 лет. 39% студентов указали, что стаж работы на последнем рабочем месте – от 6 месяцев до 1 года; столько же (39%) респондентов ответили «от 2 до 3 лет» и 21,9% респондентов ответили «от 4 до 5 лет». В среднем общий стаж работы опрошенных студентов профессиональных учебных заведений равен 4 годам, что свидетельствует об их вторичной занятости практически с первых лет обучения в вузе.

Отношение человека к работе влияет на формирование профориентаций. Восприятие работы как способа хорошего заработка или возможности карьерного роста, как правило, аргумент в пользу выбора места работы не по специальности. Так, из числа тех, кто считают, что работа – это способ заработка, 40% работают не по специальности. 80% из числа тех, для кого работа – это средство карьерного роста, также работают не по специальности. Не по специальности работают все, для кого работа – это средство развлечения. Из числа тех, кто определил работу, как средство достижения самостоятельности и возможности реализоваться, в равных долях работают как по специальности, так и не по специальности.

Большинство работающих студентов (60%) заняты в частных фирмах, акционерных обществах; остальные же 40% работают на госпредприятиях, в учреждениях. Как показал дальнейший анализ, уровень оплаты труда в частных фирмах выше, чем на госпредприятиях. Иными словами, профессиональные стратегии большинства студентов определены желанием работать в частном секторе экономики. Менее 20% респондентов высказали желание иметь работу на государственном предприятии.

Профильная занятость большинства респондентов, как показал анализ, зависит от места работы. Так, из числа тех, кто работает на госпредприятии, большинство устроены по специальности. В частной фирме по специальности работают лишь треть занятых. Вероятно, речь идет о группах работающих студентов,

имеющих различную мотивацию. Госучреждения, как оказалось, дают больше возможности трудоустроиться по специальности, однако со значительно меньшим уровнем оплаты труда, чем в частной фирме. Непрофильная занятость в частном секторе в большей степени характерна для тех, кто ориентирован на получение более высокого дохода. Большинство из числа опрошенных указали на то, что являются специалистами на предприятии. Вероятно, к этой группе отнесли себя студенты старших курсов, имеющие опыт работы.

Что касается субъективных характеристик места работы студентов, к числу положительных были отнесены: возможности расширения круга общения (55%), возможность реализации своих профессиональных качеств (35,8%), получение новых профессиональных знаний и навыков (32,5%), возможность реализации личных качеств и возможность почувствовать свое место в жизни. Заработок, как положительная сторона студенческой занятости, оказался лишь на 6-й рейтинговой позиции. Данные свидетельствуют о высокой значимости профессиональной реализации для современного молодого человека.

Дальнейший анализ позволил выявить особенности субъективного представления сложности трудоустройства будущих специалистов. Лишь 20% респондентов считают, что устроиться на работу по специальности будет легко, так как она востребована на рынке труда. 37% указали на ожидание ряда сложностей, чуть меньше (34%) предполагают, что этот процесс достаточно непросто. Лишь 4% считают, что их специальность никому не нужна. Вероятно, подобные предположения основаны на информации о реальной ситуации на рынке труда, что, безусловно, вызывает интерес у будущих участников этого рынка. Из числа тех, кто считают, что по их специальности легко найти работу, большинство работают именно по специальности. Предполагающие возможность трудоустройства, но с рядом сложностей, также в основном работают по специальности. Респонденты, указывающие на большие сложности, чаще трудоустроены не по специальности. Таким образом, чем критичнее мнение о сложности трудоустройства по специальности, тем меньше реальных случаев подобной занятости. Вероятно, именно реальный опыт трудоустройства формирует представление студентов о степени сложности профильной занятости в будущем.

Престиж специальности, как важная характеристика работы для молодого человека, значим при трудоустройстве. Чем важнее престиж специальности, тем больше студентов работают не по специальности. 66,7% респондентов, считающих престиж специальности важным, работают не по специальности. Из тех, кто счи-

тает, что одним из главных качеств, которыми должна обладать работа, является перспектива сделать карьеру, работают по специальности 45,5%, а работают не по специальности с таким же мнением 54,5%; те, кто считают данное качество работы не главным, работают по специальности 50% на 50%. Чем выше значимость перспективы построить карьеру на работе не по специальности, тем меньше людей работают по специальности. Иными словами, представления студента о престиже специальности и возможности карьерного роста не адекватны ситуации на рынке труда и его профессиональному потенциалу.

Основными требованиями молодежи при устройстве на работу являются высокая современная оплата труда (83,2% респондентов отметили как очень важное требование при поступлении на рабочее место), дружный коллектив, интересная работа и возможность общаться с интересными людьми. Наличие полного социального пакета очень важно для половины опрошенных. Также упоминались удобное месторасположение, работа по специальности. Вероятно, особенностью вторичной занятости студентов является непрофильность их работы.

Большинство студентов, имеющих работу, в определенной степени испытывают удовлетворенность от выбранной специальности. Студенты, не имеющие работу, чаще указывали на неудовлетворенность от выбора своей специальности. Вероятно, речь идет именно о тех специальностях, которые на сегодняшний день в меньшей степени востребованы на рынке труда, следствием чего является малая вероятность желаемого трудоустройства.

На вопрос о том, каким образом было получено то или иное рабочее место, большинство респондентов (33,9%) ответили «с помощью друзей или родственников», это и явилось модальным значением по данному вопросу. 19% опрошенных нашли работу по объявлению в СМИ, Интернете. 17,4% ответили – самостоятельно, предлагая свои услуги разным организациям. Не достаточно эффективно работает в настоящее время агентство по трудоустройству. Респондентов, ответивших, что нашли работу через агентство по трудоустройству, всего 11,6%. Все это свидетельствует о высокой значимости социальных сетей в процессе поиска работы. Отсутствие системы обязательного распределения выпускников вузов в достаточной степени усложняет процесс их трудоустройства. СМИ и Интернет выступают в этом случае информационной базой.

При оценке желания респондента работать по своей специальности получены данные о том, что 64,9% студентов не хотят продолжать в дальнейшем работу по полученной ими специальности, мотивируя это отсутствием интереса (56%), непристижностью (14,9%), низкой

оплатой труда (14,8%), невостребованностью на рынке труда (3,7%). 31% студентов указали на желание работать по профилю получаемой специальности, аргументируя это престижностью (72%), интересом к данной специальности (14,7%), перспективностью (10,1%), востребованностью (57%), высокой оплатой (чуть менее 2%). Вероятно, следует говорить о недостаточной эффективности функционирования довузовской и вузовской подсистем профориентации молодежи. Таким образом, престижность оказывает существенное, хотя и противоречивое влияние на желание работать по выбранной специальности. Наличие интереса можно отнести к главному фактору, влияющему на желание работать в дальнейшем по той или иной специальности.

Успешность в жизни, по мнению студенческой молодежи, помогают обрести личные качества. Так ответили почти 50% опрошенных. Положение семьи, наличие связей и знакомств также оказались значимы в достижении успеха (28%). Качественное образование как значимый фактор назвали 14% опрошенных. Все слагаемые успеха детерминированы субъективными характеристиками личности. Как показывает анализ, свой успех при трудоустройстве по специальности респонденты чаще всего рассматривают как личную заслугу. Именно этим объясняют свое трудоустройство 35,5% респондентов. Каждый третий, работающий не по специальности, ссылается на объективные препятствия при трудоустройстве. Данное явление может быть объяснено как эффект экстраполяции – склонность людей обвинять в собственных неудачах других людей или социальную среду, а свой успех приписывают своим личным качествам (субъективное мнение).

По мнению опрошенных респондентов, актуальными проблемами профессионального самоопределения на сегодняшний день являются следующие: перенасыщение рынка труда, недостаток знаний и практических навыков при устройстве на работу, негативные тенденции в развитии экономики страны, недостаток материальных средств. Однако, как показал анализ, именно помощь бирж труда наиболее эффективна в случае трудоустройства по специальности. Так, из числа обратившихся на биржу труда 80% получили работу по специальности. Помощь родственников, самостоятельный поиск и объявления в СМИ в большинстве случаев имели результат непрофильного трудоустройства.

В ходе дальнейшего анализа выявлен ряд гендерных особенностей использования при поиске работы различных источников. Женщины чаще обращаются за помощью к коллегам и знакомым, мужчины – к родственникам. Самостоятельно ищут работу значительно больше женщин, чем мужчин (23% женщин и лишь 4% мужчин). Газеты и журналы в поиске работы для

мужчин более популярны, чем для женщин. Таким образом, для мужчин большую значимость, чем для женщин имеет близкое социальное окружение в процессе поиска работы. Способ самопрезентации чаще определяет стратегии женщин на рынке труда.

Исследование показало, что выпускники вузов в достаточной мере владеют фундаментальными знаниями в профессии и способностью осуществлять исследовательскую деятельность, но чаще не готовы к выполнению профессиональных обязанностей, эффективным действиям в конкретной профессиональной ситуации. Большое влияние на удовлетворенность работой респондентами оказывает сфера их деятельности, и наличие работы по специальности.

По мнению большинства студентов, для того чтобы иметь хорошее место работы, нужно, во-первых, иметь стаж работы по данной специальности, что, безусловно, соответствует запросам современного рынка труда. Именно для получения опыта сегодняшний студент пытается начать работать уже с младших курсов. Во-вторых, необходимым условием является наличие диплома вуза, что говорит об увеличении значимости высшего образования в настоящее время. В-третьих, нельзя не обратить внимание на мнения, выражающие высокую степень значимости социальных сетей, родственных и дружественных связей. Студент мало обеспечен как общей информацией о связи обучения и основных профессиональных задач, которые ему предстоит решать в профессиональной деятельности, так и частной – о содержании и формах профессиональной самоподготовки, об организации компетентной профессиональной самопрезентации своей специальности на рынке труда.

Результаты исследования продемонстрировали расхождение между образовательными и профессиональными ориентациями студентов, с одной стороны, и действительными возможностями их реализации – с другой. Эти расхождения обусловлены развитием инфляционных процессов в сфере высшего образования, девальвацией целого ряда дипломов на рынке труда, ростом безработицы среди молодых дипломированных специалистов. Все эти процессы вызывают появление, по крайней мере, нескольких типов социально-профессиональной самореализации студентов. В ходе исследования были выявлены три типа студентов в зависимости от отношения к профессиональному становлению.

Первый тип – «студенты – трудоголики». Их примерно 19%. Они все имеют постоянное место работы. В этой группе в равной степени присутствуют представители обоих полов, преобладают студенты старших курсов. Именно среди этой группы наибольшее число женатых и замужних студентов и студенток. Предста-

вители данного типа достаточно обеспечены в материальном плане, но самостоятельно осуществить некоторые покупки в виде квартиры, машины пока не в состоянии. В основном живут на самостоятельно заработанные деньги, хотя материальная поддержка родителей им оказывается, но в незначительном объеме. Работу находили по личным связям при помощи друзей и родственников, находятся на должности рабочего и специалиста. Их доход колеблется от 3 до 10 тыс. руб. в месяц. Большая часть студентов работает не по специальности (76%). При этом выявилась следующая закономерность: удовлетворены своей работой все студенты гуманитарных наук, работающие по специальности (100%), и студенты естественных наук, работающие в других сферах (86%). Успеваемость работающих студентов высока (учатся на «4» и «5»), хотя пропуски занятий имеются. Причем самый большой процент обучающихся на оценку «отлично» именно среди этой группы. Среди ценностных ориентаций главенствующими выступают материальное благополучие, самореализация себя как личности, теплые и заботливые отношения с людьми.

Самый распространенный второй тип – «студенты – рабочий потенциал» (63%). Они стремятся в ближайшем времени трудоустроиться. Это самая большая группа, в которой преобладают девушки. Представители этого типа в основном обучаются на младших курсах. Они малообеспечены, что и является главным стимулом к поиску работы. Им оказывается постоянная материальная поддержка родителей, но в минимальном размере. Успеваемость высока, наличие пропусков незначительно. Большинство желает работать по специальности. Среди жизненных ценностей также преобладают самореализация себя как личности, материальное благополучие и теплые отношения с окружающими людьми. В СГУ представителей данной категории учится 38%, в СГАУ – 28%.

Третий тип – «студенты – потребители» (18%). Данная группа студентов не работает и не желает трудоустроиваться. В ней преобладают парни в возрасте 20–21 года, которые живут обеспеченно и могут позволить себе в материальном плане практически все. Им постоянно оказывается материальная поддержка родителей в размере 1000 – 2000 руб. в неделю. При этом учатся они на «3» и «4», хотя у них 100%-ная посещаемость. Главными жизненными ценностями выступают материальное благополучие и высокое социальное положение. При этом ценность теплых, заботливых отношений с людьми, которая является одной из основных у двух предыдущих типов студентов, находится на последнем месте. В СГУ представителей данного типа 36%, в СГСЭУ – 30%.

Молодежь не отказывается от поступления в вуз, однако стремится привести в соответствие

количество усилий, вкладываемых в получение образования, с теми реальными преимуществами, которые может дать диплом в будущем. Длительные усилия и упорный труд, состояние материальной зависимости, необходимость финансовой поддержки, достаточно обременительной для семьи учащегося на протяжении всех лет обучения, – все эти условия, обязательные для успешного окончания вуза, не вполне оправдываются с точки зрения тех действительных перспектив, которые открывает наличие большинства дипломов. Сокращая усилия на учебу, переходя на «бакалавриат», студент «выигрывает» время и энергию, которые могут быть употреблены на разнообразные эксперименты в сфере трудовой деятельности с целью установления и расширения различного рода контактов, позволяющих найти работу, которая наиболее совпадает с личными представлениями о призвании и адекватном вознаграждении за труд. Нетрудно предположить, что получение такой работы связано не столько с наличием соответствующего диплома, сколько с неформальными

контактами и связями. Необходимо также иметь в виду, что пора учебы в вузе связана не только с получением профессии и трудоустройством, но и с самоопределением в более широком плане, что требует разностороннего и глубокого подхода к формированию профессионального и социального самоопределения студентов.

Примечания

- 1 Совместное заседание Госсовета и Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России, август 2010. URL: <http://newsland.ru/News/Detail/id/553007/cat/42/>.
- 2 Социологическое исследование «Профессиональная ориентация и трудовая занятость студентов» было проведено Центром региональных социологических исследований СГУ при участии автора в 2010 году. Было опрошено более тысячи студентов всех саратовских вузов. В их числе: СГУ – 36% респондентов от общего числа выборочной совокупности; СГАУ – 23%; СГТУ – 15%; ПИСГУ – 10%; ПАГС – 6%; РГОТУПС – 5%, СГСЭУ – 8%, СГМУ – 2%; СГАВМ – 1%.

УДК 316.653

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЙТИНГИ КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

С.В. Везиницына

Саратовский государственный университет
E-mail: vezinicasv@rambler.ru

В статье рассматривается возможность использования электоральных и политических рейтингов в качестве инструмента политического манипулирования, анализируются способы фальсификации рейтингов, а также способы защиты от данного вида манипулирования.

Ключевые слова: электоральный рейтинг, политический рейтинг, избирательная технология, манипулирование.

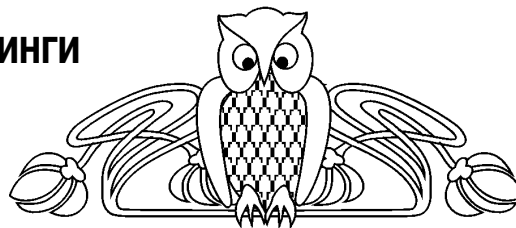
The Political and Electoral Ratings as Manipulative Technologies

S.V. Vezinitsyna

This article discusses the possibility of using electoral and political ratings as a tool for political manipulation and we analyze different ways of ratings rigging as well as the ways of protecting from this type of manipulation.

Key words: electoral rating, political rating, election technology, manipulation.

Электоральные и политические рейтинги, являясь, по сути, цифровым отражением результатов опросов общественного мнения, стали сегодня одним из способов передачи определенных знаний, инструкций, информации со стороны общества каждому из его членов. Степень влия-

ния рейтингов политиков и политических партий на поведение избирателей является предметом многочисленных исследований, однако, несмотря на всю актуальность и значимость, до сих пор продолжает оставаться неопределенной. Однако политтехнологи активно используют рассматриваемый инструмент социологического арсенала в качестве манипулятивной избирательной технологии.

В последние годы, к сожалению, участились случаи, когда в средства массовой информации в результате политического заказа попадают сознательно сфабрикованные рейтинги. Речь идет не о случайных ошибках социологов, а о сознательных искажениях социальной действительности. Целью подобных информационных вливаний является создание так называемой псевдосреды, которая является опосредующим звеном между человеком и реальной окружающей средой¹. Руководствуясь методологией У. Липпмана, можно отметить, что человек, даже самый активный, не может быть участником всех имеющих место в обществе событий. Поэтому чаще всего мы выстраиваем свою эмоциональную реакцию и мнение о событии на основе мысленного образа об этом событии или

количество усилий, вкладываемых в получение образования, с теми реальными преимуществами, которые может дать диплом в будущем. Длительные усилия и упорный труд, состояние материальной зависимости, необходимость финансовой поддержки, достаточно обременительной для семьи учащегося на протяжении всех лет обучения, – все эти условия, обязательные для успешного окончания вуза, не вполне оправдываются с точки зрения тех действительных перспектив, которые открывает наличие большинства дипломов. Сокращая усилия на учебу, переходя на «бакалавриат», студент «выигрывает» время и энергию, которые могут быть употреблены на разнообразные эксперименты в сфере трудовой деятельности с целью установления и расширения различного рода контактов, позволяющих найти работу, которая наиболее совпадает с личными представлениями о призвании и адекватном вознаграждении за труд. Нетрудно предположить, что получение такой работы связано не столько с наличием соответствующего диплома, сколько с неформальными

контактами и связями. Необходимо также иметь в виду, что пора учебы в вузе связана не только с получением профессии и трудоустройством, но и с самоопределением в более широком плане, что требует разностороннего и глубокого подхода к формированию профессионального и социального самоопределения студентов.

Примечания

- 1 Совместное заседание Госсовета и Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России, август 2010. URL: <http://newsland.ru/News/Detail/id/553007/cat/42/>.
- 2 Социологическое исследование «Профессиональная ориентация и трудовая занятость студентов» было проведено Центром региональных социологических исследований СГУ при участии автора в 2010 году. Было опрошено более тысячи студентов всех саратовских вузов. В их числе: СГУ – 36% респондентов от общего числа выборочной совокупности; СГАУ – 23%; СГТУ – 15%; ПИСГУ – 10%; ПАГС – 6%; РГОТУПС – 5%, СГСЭУ – 8%, СГМУ – 2%; СГАВМ – 1%.

УДК 316.653

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЙТИНГИ КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

С.В. Везиницына

Саратовский государственный университет
E-mail: vezinicasv@rambler.ru

В статье рассматривается возможность использования электоральных и политических рейтингов в качестве инструмента политического манипулирования, анализируются способы фальсификации рейтингов, а также способы защиты от данного вида манипулирования.

Ключевые слова: электоральный рейтинг, политический рейтинг, избирательная технология, манипулирование.

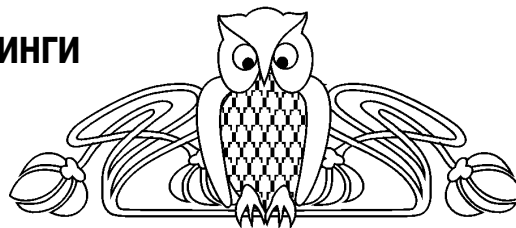
The Political and Electoral Ratings as Manipulative Technologies

S.V. Vezinitsyna

This article discusses the possibility of using electoral and political ratings as a tool for political manipulation and we analyze different ways of ratings rigging as well as the ways of protecting from this type of manipulation.

Key words: electoral rating, political rating, election technology, manipulation.

Электоральные и политические рейтинги, являясь, по сути, цифровым отражением результатов опросов общественного мнения, стали сегодня одним из способов передачи определенных знаний, инструкций, информации со стороны общества каждому из его членов. Степень влия-

ния рейтингов политиков и политических партий на поведение избирателей является предметом многочисленных исследований, однако, несмотря на всю актуальность и значимость, до сих пор продолжает оставаться неопределенной. Однако политтехнологи активно используют рассматриваемый инструмент социологического арсенала в качестве манипулятивной избирательной технологии.

В последние годы, к сожалению, участились случаи, когда в средства массовой информации в результате политического заказа попадают сознательно сфабрикованные рейтинги. Речь идет не о случайных ошибках социологов, а о сознательных искажениях социальной действительности. Целью подобных информационных вливаний является создание так называемой псевдосреды, которая является опосредующим звеном между человеком и реальной окружающей средой¹. Руководствуясь методологией У. Липпмана, можно отметить, что человек, даже самый активный, не может быть участником всех имеющих место в обществе событий. Поэтому чаще всего мы выстраиваем свою эмоциональную реакцию и мнение о событии на основе мысленного образа об этом событии или

явлении. Именно этот образ является отправной точкой формирования общественного мнения. При этом совершенно не важно, соответствует ли этот образ действительности или является фикцией. Конечный результат для многих вполне предсказуем – пробудить в стане «неопределившихся» стремление не остаться в одиночестве, не стать маргиналом, присоединившись к известному большинству, аргументируя это тем, что идти против течения могут себе позволить единицы, но значительная часть людей не видит смысла вырабатывать собственную позицию, когда верит, что «большинство» ее уже нашло. В последние годы все чаще встречаются мнения, что социология в целом и социологические опросы в частности являются одним из наиболее удобных способов создания мифов, так называемых «информационных вирусов». В результате мы наблюдаем не только существенный подрыв авторитета социологической науки, но и возникновение угроз информационно-психологической безопасности, как для отдельной личности, так и для общества в целом.

Целесообразно определить истинные мотивы, побуждающие политтехнологов осуществлять подобные манипуляции при помощи рейтингов, поскольку проблема не столь очевидна, как это может показаться на первый взгляд. Некоторые исследователи отмечают, что значительная часть российской политической элиты склонна почитать рейтинги не как произведенную социологической компанией оценку состояния общественного мнения, а скорее как воплощенное в цифрах отношение нации к власти и ее представителям, «как нечто вроде фондового индекса, который образуется простым арифметическим сложением стоимости акций тех или иных компаний»². Более того, если речь идет о власти, то необходимо отметить, что любой современный политический режим стремится создать иллюзию включенности общественного мнения в реальные процессы принятия властных решений, старается заигрывать с ним. Высокий рейтинг для представителей властных структур – еще один показатель их легитимности, гарантия стабильности и устойчивости существования. Рейтинг начинает выполнять неспецифичную для него функцию подтверждения имиджа политика в его собственных и массовых представлениях. Поэтому использование рейтинговых данных вполне может рассматриваться в качестве одного из инструментов влияния на общественное мнение.

Если рейтинг свидетельствует не в пользу той или иной политической силы, можно обрести некую свободу от общественного мнения, скрывая результаты опросов. Данный тезис подтверждается порой явно преувеличенным, демонстративным вниманием средств массовой информации, чиновников к результатам рейтинговых замеров. Такой подход, безусловно, позволяет рассматривать рейтинг в качестве манипулятивной избирательной

технологии, инструмента управления обществом.

Проанализируем возможные технологии и пути появления подобных псевдорейтингов. Чаще всего применяется фальсификация факта проведения исследования. В таких случаях заказчики создают свои собственные службы, состоящие из одного-двух человек, которые, как правило, не являются профессиональными практическими социологами, и осуждение коллег для них особого значения не имеет. Правда, такие технологии (во всяком случае на национальном уровне) недостаточно действенны. Сегодня можно говорить о том, что рынок социологических исследований как в России в целом, так и на уровне регионов уже достаточно сложился. Многие исследовательские социологические центры работают не один десяток лет и зарекомендовали себя с наилучшей стороны. Да и избиратели уже имели возможность приспособиться, адаптироваться к новой информационной среде, научились выделять из множества источников социологической информации наиболее надежные и достойные доверия. Поэтому, когда средства массовой информации со ссылкой на некий недостаточно проверенный источник публикуют сомнительные данные, они, естественно, подвергаются сомнениям и уже в силу этих обстоятельств не способны оказать сколько-нибудь значительное влияние на общественное мнение.

Более сложной и неоднозначной является ситуация, когда осуществляется манипулирование реальными рейтингами. Прежде всего, такое манипулирование возможно при помощи искажений при публикации. Часто бывает, что журналисты выбирают из рейтингов только нужную им строчку и публикуют именно ее, искажая общую картину. В частности, могут публиковаться данные опроса относительно доверия к политикам, и не публиковаться – относительно желания за них голосовать (или наоборот). Часто высокий уровень доверия не является достаточным стимулом для голосования. Но журналистов, как и социологов, много, и все они разные. Социологических опросов в последние годы проводится много, всегда можно сравнить их результаты. И если у кого-то они существенно отличаются от других, то на такой рейтинг, естественно, все смотрят с подозрением.

Искажения показателей также могут возникнуть вследствие разработки исследователями такого инструментария, который позволяет получить практически точно предопределенный результат. Здесь уместно было бы привести высказывание П. Бурдьё: «... тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, то есть согласия, что вопросы заслуживают быть заданными»³. В этом случае могут возникать такие искажения, которые обнаруживаются, даже если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и

анализа данных. Существует множество различных способов преднамеренного видоизменения вопросов, например, исключение из перечня вариантов ответа одной или нескольких возможных позиций, маскировка одной и той же позиции под несколькими различными формулировками, содержание явной или заретушированной позитивной или негативной оценки в самом вопросе. При таком раскладе заказчикам исследований истина, по сути, и не нужна, так как основной целью является не выяснение, а формирование общественного мнения.

Во-вторых, и эта ситуация является достаточно типичной, особенно на региональном и местных уровнях, псевдосоциологами используется сознательное искажение выборки и в результате – перенесение результатов опроса какой-то специальной группы на весь массив. Естественно, если опросить только пенсионеров, то рейтинг КПРФ будет заведомо завышенным. Такими «рейтингами» часто грешат предвыборные агитационные материалы самых различных политических сил. Иногда встречается манипулирование датой проведения опроса.

Возможность для манипуляций посредством рейтингов заложена и в специфике обработки и анализа социологических данных. Так, исключение или, напротив, включение в перечень вариантов ответа при публикации результатов «затруднившихся ответить», «неопределившихся» способно предоставлять получателям рейтинговой информации совершенно различную картину. Разное впечатление оставляют рейтинги, основой которых является процент от всех избирателей и от тех, кто намеревается принять участие в голосовании.

Еще один манипулятивный прием – публикация данных ответов на вопрос о том, кто победит. Для общенациональных рейтингов партий такая постановка не имеет особого смысла. Обычно такой вопрос используется для определения устойчивости электората, анализируется при помощи двойных связей и, таким образом, для прямой публикации не предназначен. А вот для выборов политиков этот ход применяется часто.

Иногда оказывает определенное влияние разница в характере вопросов. В опросных методиках используются открытые вопросы, где респондент должен сам назвать ответ, и закрытые, где респонденту предъявляется список возможных ответов, вопросы. Естественно, результаты будут отличаться, что и было продемонстрировано таким авторитетным исследовательским центром, как ВЦИОМ при использовании различных методик построения опросного инструментария⁴.

Более того, параметр, который в сознании большинства людей называется «рейтингом» политика, на самом деле делится на три составляющих – положительная оценка деятельности, рейтинг как кандидата и рейтинг доверия. В первом случае респонденты опроса отвечают на

вопрос «Одобряете ли вы деятельность такого-то человека?», во втором их спрашивают, – «За кого бы вы проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье?», а в третьем – «Кому из российских политиков вы доверяете?». Принципиальная разница между первым и остальными двумя вопросами заключается в их «закрытом» и «открытом» типах. То есть в первом случае фамилия политика звучит в вопросе, а во втором и третьем респондент сам их вспоминает и называет. Естественно, первая цифра всегда будет выше второй. Особенно низкой третья цифра получится, если сначала задавать вопрос об одобрении деятельности президента, а потом предлагать назвать политиков, которым человек доверяет – тогда противоречие понятий «президент» и «политик» заложено в самой последовательности вопросов.

Известно, что безопасность может создаваться тремя путями: прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз, упреждающей нейтрализацией источников опасности, развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих защищаемых объектов. Первые два пути предполагают внешнее вмешательство по устранению опасностей или перемещение человека в безопасную среду. Это «ограждающий», или объектный, подход, поскольку сам человек выступает как объект безопасности, для которого создаются необходимые условия. Здесь безопасность – устранение опасности. Третий подход базируется на том, что фактором, обеспечивающим безопасность, выступает способность к этому самого человека. Его безопасность обеспечивается, в частности, тем, что он как целостная самоопределившаяся личность устойчив к негативным информационно-психологическим воздействиям. Очевидно, что в нашем случае применимы все три способа защиты от манипулятивных воздействий, однако основной акцент все же следует сделать на третьем, способствующем формированию самостоятельной личности, способной оценивать поток обрушивающейся на нее информации, формировать собственную точку зрения по наиболее важным вопросам. В этой связи одним из способов минимизации угроз личной и общественной информационной безопасности путем манипуляции рейтингами может стать широкое применение социальных технологий информирования электората о возможностях и способах подобных манипуляций, о природе и действительных значениях рейтингов, о значениях статистических погрешностей, поскольку только в той области, в которой человек действительно хорошо разбирается, он сможет противостоять мнению мифического «большинства». Противодействовать любым социальным законам можно, нужно лишь вооружиться их знанием⁵.

Еще одним очевидным способом ограничения манипулятивных воздействий подобного

рода должно стать создание высококонкурентной среды на рынке социологических исследований. Конкуренция за качество между социологическими службами является главной гарантией объективности данных, полученных каждой из них. Причем решающим является не только сам факт присутствия на рынке социологических услуг множества субъектов выявления общественного мнения, но и плюрализм источников их финансирования. Оптимальна ситуация, когда параллельно функционируют как государственные или зависящие от властных институтов органы изучения общественного мнения, так и независимые службы и институты.

И, наконец, все рейтинги должны публиковаться по определенным стандартам с указанием основных данных об организации, проводившей замеры, ее руководителях, о дате исследований, объеме и репрезентативности выборочной совокупности, допустимых пределах погрешности.

УДК 316.334.2

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ИНДИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

А.М. Нагимова

Казанский государственный финансово-экономический институт
E-mail: nagais@mail.ru

В статье рассматривается проблема использования индикативной модели управления социально-экономическими системами в целях обеспечения высокого качества жизни населения. Автор опирается на показавшего свою эффективность татарстанский опыт индикативного управления экономикой региона, введенного в практику управления в конце 1990-х годов.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, условия жизнедеятельности населения, интегральные индикаторы, система показателей, компоненты качества жизни, индикативный метод управления.

Methodology of the Sociological Analysis of the Quality of Life: Indicative Approach

A.M. Nagimova

The article highlights the problem of usage of indicative model of management by social and economic systems aiming at maintaining quality of life of the population. The author refers to the efficiency of the Republic of Tatarstan experience of indicative management by economy of the region which was introduced into practice of management in the late nineties.

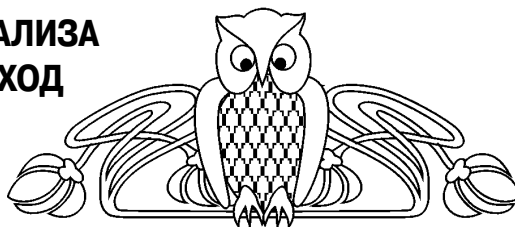
Key words: quality of life, indicative model of management, indicator, social and economic systems, a material well-being, management state structures, efficiency of management bodies.

Одной из важнейших характеристик социально-экономического развития страны, региона является уровень и качество жизни его населения. Качество жизни включает в себя как экономиче-

ские показатели, определяющие уровень жизни населения, так и социально-психологические, выражающиеся в степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности самих людей.

Примечания

- 1 См.: Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. С. 38–39.
- 2 Фишман М. Дело социологов // Еженедельный журнал. 2003. 19 авг.
- 3 См.: Бурдые П. Общественное мнение не существует // Социология политики / пер. с фр. Г.А. Черденченко. М., 1993. С. 159.
- 4 См.: Фишман М. Указ. соч.
- 5 См.: Бурдые П. Социология и демократия // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.; СПб., 1999. С. 119–124.

ские показатели, определяющие уровень жизни населения, так и социально-психологические, выражающиеся в степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности самих людей.

Качество жизни населения страны, региона представляет собой не только научно-теоретическую, но и серьезную практическую проблему. В связи с этим возникает проблема прикладных исследований по его изучению. Качество жизни населения определяется множеством различных компонентов социально-экономической жизни. А показателями, позволяющими его измерить, могут выступить те из них, которые в наиболее полном объеме отражают реальные условия жизни граждан, которые можно называть интегральными индикаторами качества жизни. Как подчеркивает С.А. Айвазян, «... располагая формализованной методологией измерения качества жизни, построенной на базе соответствующих статистических показателей и более частных свойств этой категории, мы получаем возможность определять стратегические цели в развитии человеческого общества: сравнивать различные ячейки этого общества по данному показателю во времени и пространстве, наконец, конструировать целевые критерии общественного благосостояния, условная оптимизация которых (при различного рода климатических, политических и ресурсных ограничениях) позволит определять оптимальные

рода должно стать создание высококонкурентной среды на рынке социологических исследований. Конкуренция за качество между социологическими службами является главной гарантией объективности данных, полученных каждой из них. Причем решающим является не только сам факт присутствия на рынке социологических услуг множества субъектов выявления общественного мнения, но и плюрализм источников их финансирования. Оптимальна ситуация, когда параллельно функционируют как государственные или зависящие от властных институтов органы изучения общественного мнения, так и независимые службы и институты.

И, наконец, все рейтинги должны публиковаться по определенным стандартам с указанием основных данных об организации, проводившей замеры, ее руководителях, о дате исследований, объеме и репрезентативности выборочной совокупности, допустимых пределах погрешности.

УДК 316.334.2

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ИНДИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

А.М. Нагимова

Казанский государственный финансово-экономический институт
E-mail: nagais@mail.ru

В статье рассматривается проблема использования индикативной модели управления социально-экономическими системами в целях обеспечения высокого качества жизни населения. Автор опирается на показавшего свою эффективность татарстанский опыт индикативного управления экономикой региона, введенного в практику управления в конце 1990-х годов.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, условия жизнедеятельности населения, интегральные индикаторы, система показателей, компоненты качества жизни, индикативный метод управления.

Methodology of the Sociological Analysis of the Quality of Life: Indicative Approach

A.M. Nagimova

The article highlights the problem of usage of indicative model of management by social and economic systems aiming at maintaining quality of life of the population. The author refers to the efficiency of the Republic of Tatarstan experience of indicative management by economy of the region which was introduced into practice of management in the late nineties.

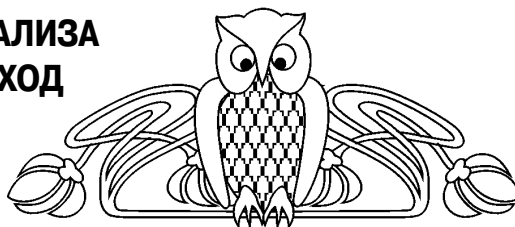
Key words: quality of life, indicative model of management, indicator, social and economic systems, a material well-being, management state structures, efficiency of management bodies.

Одной из важнейших характеристик социально-экономического развития страны, региона является уровень и качество жизни его населения. Качество жизни включает в себя как экономиче-

ские показатели, определяющие уровень жизни населения, так и социально-психологические, выражающиеся в степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности самих людей.

Примечания

- 1 См.: Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. С. 38–39.
- 2 Фишман М. Дело социологов // Еженедельный журнал. 2003. 19 авг.
- 3 См.: Бурдые П. Общественное мнение не существует // Социология политики / пер. с фр. Г.А. Черденченко. М., 1993. С. 159.
- 4 См.: Фишман М. Указ. соч.
- 5 См.: Бурдые П. Социология и демократия // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.; СПб., 1999. С. 119–124.

ские показатели, определяющие уровень жизни населения, так и социально-психологические, выражающиеся в степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности самих людей.

Качество жизни населения страны, региона представляет собой не только научно-теоретическую, но и серьезную практическую проблему. В связи с этим возникает проблема прикладных исследований по его изучению. Качество жизни населения определяется множеством различных компонентов социально-экономической жизни. А показателями, позволяющими его измерить, могут выступить те из них, которые в наиболее полном объеме отражают реальные условия жизни граждан, которые можно называть интегральными индикаторами качества жизни. Как подчеркивает С.А. Айвазян, «... располагая формализованной методологией измерения качества жизни, построенной на базе соответствующих статистических показателей и более частных свойств этой категории, мы получаем возможность определять стратегические цели в развитии человеческого общества: сравнивать различные ячейки этого общества по данному показателю во времени и пространстве, наконец, конструировать целевые критерии общественного благосостояния, условная оптимизация которых (при различного рода климатических, политических и ресурсных ограничениях) позволит определять оптимальные

траектории социально-экономического и эколого-демографического развития»¹. Интегральные показатели качества жизни позволяют не только оценить реальное состояние экономического и социального развития региона, но и управлять ими наиболее эффективным способом.

Интегральный индикатор – это критерий, сущностная сторона явления, на основании которого производится оценка, то есть это главный отличительный признак явления или процесса, который наиболее полно выражает его сущность, свойства и качественное состояние. Он дает возможность производить сравнительную оценку определенных явлений или объектов и определять наилучшие из них. В отличие от интегрального индикатора, характеризующего сущностные стороны изучаемого явления, показатель – это величина, характеризующая размеры и количественные соотношения признаков. Из этих определений видно, что интегральный индикатор, характеризуя сущность явления, выражается, как правило, совокупностью показателей и лишь в виде исключения только одним показателем.

К интегральным индикаторам как критериям оценки предъявляется ряд требований. Главные из них:

- соответствие основным целям социально-экономического развития региона;
- их обоснованность и измеримость;
- согласованность и непротиворечивость;
- комплексность и объективность;
- сравнимость и полнота всей совокупности критериев в целом, обеспечивающая проявление всех необходимых свойств и соответствие поставленным задачам.

Каждый интегральный индикатор определяется группой показателей – от одного до пяти. На первом этапе необходимо определить корреляционную матрицу всех показателей. При наличии коэффициентов корреляции между двумя показателями больших по абсолютному значению чем 0,7, исключается один из показателей.

На втором этапе при наличии достаточной статистики определяются законы распределения показателей. Далее для сопоставления и оценки основных показателей составляется оценочная таблица, в которой каждый столбец соответствует определенному оценочному показателю. В связи с тем, что оценочные показатели имеют неодинаковые единицы измерения и являются величинами разного порядка, для их совмещения и определения общего рейтинга производятся преобразования, приводящие к безразмерным величинам. В этих целях в каждом столбце оценочной таблицы определяется, какое значение оценочного показателя (максимальное или минимальное) является лучшим, после чего рассчитываются приведенные показатели.

Расчет производится следующим образом:

если в качестве лучшего выбрано максимальное значение какого-либо показателя, то приведенные показатели рассчитываются по формуле:

$$P_{\Pi} = (\Pi - \Pi_{\min}) / (\Pi_{\max} - \Pi_{\min}); \quad (1)$$

если в качестве лучшего выбрано минимальное значение какого-либо показателя, то приведенные показатели рассчитываются по формуле:

$$P_{\Pi} = (\Pi_{\max} - \Pi) / (\Pi_{\max} - \Pi_{\min}), \quad (2)$$

где P_{Π} – приведенный показатель;

Π_{\max} – максимальное значение показателя в столбце;

Π_{\min} – минимальное значение показателя в столбце;

Π – значение показателя какого-либо региона.

В результате преобразования приведенные показатели получают значения от 0 до 1. Значения приведенных показателей округляются до трех знаков после запятой.

В связи с возможностью значительного разброса величин некоторых показателей (в 5–10 раз относительно среднего значения) необходимо использовать особые свойства описываемой далее функции Харрингтона.

Описание математического аппарата, используемого в предлагаемой методике

Для вычисления обобщенной оценки по j -му критерию (количество которых равно n) и значениям группировки показателей используется модифицированный метод справедливого компромисса с целевой функцией

$$Q(u) = \prod_{i=1}^n W_i(u), \quad (3)$$

где $W(u_{ji})$ оценка критерия по i -му (максимальное количество которых равно n) показателю, которая, в свою очередь, вычисляется с использованием обобщенной функции желательности Харрингтона.

$$HAR(x) = \exp(-\exp(-x)). \quad (4)$$

На основе вычисленных оценок по различным критериям получим обобщенную оценку состояния качества жизни населения региона

$$Q(u) = \prod_{i=1}^n W_i(u) = \prod_{i=1}^n HAR_i(u). \quad (5)$$

Полученная таким образом оценка состояния качества жизни населения региона позволяет при совершенствовании определения перспектив развития региона применить комплексный подход и системный анализ сложных явлений и процессов, происходящих в конкретном регионе, использовать достижения современной математической науки для выявления, описания и решения возникающих проблем.

Технология подбора интегральных индикаторов и системы показателей

Системы интегральных индикаторов и показателей, количественно характеризующих

каждый конкретный интегральный индикатор, формируются по результатам экспертного опроса среди специалистов по основным направлениям социально-экономического развития региона.

Проведение этапа экспертного опроса начинается с формирования группы экспертов. Для этого целесообразно использовать три признака: род занятий, стаж работы и уровень квалификации. Центральным критерием отбора экспертов является их компетентность. Для определения уровня компетентности применяются два метода: самооценка экспертов и коллективная оценка авторитетности экспертов. Нами был применен метод самооценки экспертов, так как данный подход позволяет отобрать среди компетентных в вопросах оценки качества жизни населения именно тех лиц, кто является наиболее компетентным с точки зрения теоретической подготовленности, практического опыта и умения прогнозировать развитие ситуации. Кроме того, отказ от метода коллективной оценки авторитетности экспертов объясняется тем, что часто эксперты недостаточно ознакомлены с уровнем компетентности, практическим опытом и иными качествами своих коллег. Наиболее простая и удобная форма самооценки – это расчет совокупного индекса на основании оценки экспертами своих знаний, опыта и способностей по ранговой шкале с позициями «высокий», «средний», «низкий». Первой позиции приписывается числовое значение 1, второй – 0,5, третьей – 0. В таком случае совокупный индекс – коэффициент уровня компетентности эксперта – вычисляется как среднее значение суммы показателей числового значения самооценки экспертом уровня своих теоретических знаний по проблеме, числового значения самооценки практического опыта и числового значения самооценки способности к прогнозу.

Числовые значения самооценки для расчета индекса компетентности определяются при помощи опроса с использованием специально разработанной карточки с вопросами в табличной форме. Коэффициент уровня компетентности может изменяться от 0 (полной некомпетентности) до 1 (полной компетентности). Исходя из числовых значений оценок, обозначенных крестиками в клетках таблицы, нами был рассчитан коэффициент уровня компетентности эксперта, и отобраны те из них, которые набрали выше среднего значения ($1 > K > 0,5$).

При отборе экспертов методом самооценки возникает угроза ее завышения. Однако, как отмечают специалисты, «опыт многочисленных экспертиз и у нас и за рубежом показывает, что группы с высокой самооценкой, как правило, ошибаются в своих суждениях при проведении экспертизы меньше других»².

Следующим этапом экспертного опроса является этап непосредственного опроса по проблеме. Данный этап реализуется в два взаимосвязанных шага. Первый шаг позволяет из системы индикаторов выбрать те, которые наиболее полно отра-

жают суть качества жизни населения. Второй шаг подразумевает отбор показателей для раскрытия сути индикаторов качества жизни. В этих целях экспертам был предложен предварительный перечень индикаторов и система показателей к ним. Из предложенного перечня эксперты выбрали наиболее подходящие, по их мнению, индикаторы и показатели. Результаты опроса были обобщены в виде таблицы.

Результаты экспертного анализа легли в основу наших исследований при разработке инструментария исследования, а также на стадии количественного анализа данных.

Исследование качества жизни населения относится к тем видам исследования, когда объектом исследования выступает все население региона (страны). Этот факт обусловил определение типа выборки – случайная бесповторная выборка. Дизайн выборки определяется программой и целевыми установками исследования. При исследовании качества жизни населения республики основной целью является принятие управленческих решений для улучшения условий жизни граждан и повышения их удовлетворенности качеством жизни. В связи с этим при конструировании выборочной совокупности учитываются особенности каждого административного образования, а значит, выборка должна обеспечивать получение достоверных данных по всем административным образованиям республики. Кроме того, известно, что качество и уровень жизни могут отличаться в зависимости от типа населенного пункта, например, условия жизни в городе и в селе неодинаковы, также не идентичны условия в малых, средних и больших городах. Если, скажем, в крупных городах больше возможности для гармоничного развития личности с точки зрения доступности объектов культуры, образования и спорта, то в сельской местности всего этого может и не быть. Однако в селе лучше экологические условия жизни, а жители крупных городов вынуждены терпеть выхлопные газы от автомобилей, общую загрязненность атмосферы, а также шум. При конструировании выборки исследования необходимо учитывать все эти важные факторы. Объем выборочной совокупности распределяется по всем административным образованиям пропорционально статистическим данным. Однако распределение населения по административным образованиям неравномерно. Например, из трех миллионов семисот тысяч населения республики около миллиона двухсот тысяч проживают в городе Казани, и еще пятьсот тысяч в городе Набережные Челны. Это почти половина всех жителей республики. И если выборочную совокупность распределить по административным образованиям пропорционально статистическим данным, получится, что почти половину выборки необходимо разместить в двух городах – Казани и Набережных Челнах. Вместе с тем доля населения некоторых районов в общей численности населения республики настолько мала, что по данным

районам объем выборочной совокупности при пропорциональном распределении выборки будет составлять 1–2 человека. Увеличение выборочной совокупности для достижения объема выборки по таким районам до статистически устойчивых цифр будет способствовать почти двукратному удорожанию проекта, что крайне нежелательно. Для решения проблемы нами использовался метод скорректированной выборки, когда за счет незначительного сокращения объемов выборочной совокупности по крупным городам достигается устойчивая представительность в малых административных образованиях.

Далее внутри административного образования производится распределение выборки пропорционально статистическим данным по сельским и городским жителям, а внутри них УДК 316.354.2

ГУМАНИЗАЦИЯ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

М.Б. Перфильева

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
E-mail: pmb05@list.ru

Кардинальные изменения в содержании и условиях труда привели к формированию гуманистического подхода в управлении, предполагающего более полное использование производительных резервов персонала организации за счет создания таких условий труда персонала, которые повысят его удовлетворенность трудом. Социологические исследования влияния социальных условий организации на её экономическую эффективность выявили, что создание комплекса благоприятных социальных условий повышает производительность труда и снижает потери от недобросовестного отношения к труду работников. Состав и значимость конкретных социальных факторов в различных организациях в силу специфики могут меняться.

Ключевые слова: социальные условия организации, гуманизация труда, условия труда, эффективность производства, мотивация работников.

Work Humanization as the Condition of Effective Activity of the Organization

М.В. Perfiljeva

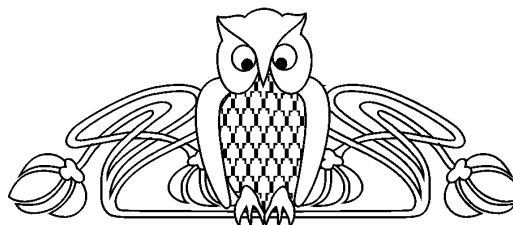
Cardinal changes in the maintenance and working conditions have led to formation of the humanistic approach in the management, assuming fuller use of productive reserves of the personnel of the organization at the expense of creation of such working conditions of the personnel which will raise its satisfaction work. Sociological researches of influence of social conditions of the organization on its economic efficiency have revealed that creation of a complex of favorable social conditions raises labour productivity and reduces losses from the unfair relation to work of workers. The structure and the importance of concrete social factors in the various organizations owing to specificity can vary.

– распределение обследуемых единиц согласно половозрастной квоты.

Таким образом, выполнение системных требований к выборке исследования и использование индикативного метода позволяют обеспечить высокую надежность и достоверность полученных данных.

Примечания

- ¹ Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции (по статистическим данным за 1997–1999 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 11. С. 10.
- ² Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки в принятии плановых решений. М., 1976. С. 35.

Key words: social conditions of the organization, humanization of working life, working conditions, production efficiency, motivation of workers.

Современное развитие общества характеризуется переходом от индустриальной стадии развития к информационной, что обуславливает новый характер взаимоотношений людей в сфере их профессиональной деятельности. Эти изменения включают в себя комплекс ключевых изменений, среди которых три важнейших: во-первых, *глобализация*, ведущая к масштабному кросскультурному взаимодействию; во-вторых, принцип эффективности в настоящее время отдает приоритет *принципу качества*; в-третьих, управленческий стиль меняется с функционального на *партнерский*¹. Эти и другие изменения определили новый характер управления людьми в организациях – ориентацию на активизацию потенциала человеческих ресурсов, а следовательно, и на самоактуализацию личности в профессиональной деятельности, что может быть реализовано в двух аспектах. С одной стороны, это адекватное реагирование на *внешние социальные условия (или факторы внешней социальной среды)*, к которым относятся конъюнктура рынка труда, характер и интенсивность профсоюзного движения, социальная политика государства (система государственного обеспечения, правовое регулирование и т.п.), общие мировые тенденции. С другой стороны, это управленческое влияние на *внутренние социальные условия* самой организации (которые при адекватном управлении превращаются в

районам объем выборочной совокупности при пропорциональном распределении выборки будет составлять 1–2 человека. Увеличение выборочной совокупности для достижения объема выборки по таким районам до статистически устойчивых цифр будет способствовать почти двукратному удорожанию проекта, что крайне нежелательно. Для решения проблемы нами использовался метод скорректированной выборки, когда за счет незначительного сокращения объемов выборочной совокупности по крупным городам достигается устойчивая представительность в малых административных образованиях.

Далее внутри административного образования производится распределение выборки пропорционально статистическим данным по сельским и городским жителям, а внутри них УДК 316.354.2

ГУМАНИЗАЦИЯ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

М.Б. Перфильева

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
E-mail: pmb05@list.ru

Кардинальные изменения в содержании и условиях труда привели к формированию гуманистического подхода в управлении, предполагающего более полное использование производительных резервов персонала организации за счет создания таких условий труда персонала, которые повысят его удовлетворенность трудом. Социологические исследования влияния социальных условий организации на её экономическую эффективность выявили, что создание комплекса благоприятных социальных условий повышает производительность труда и снижает потери от недобросовестного отношения к труду работников. Состав и значимость конкретных социальных факторов в различных организациях в силу специфики могут меняться.

Ключевые слова: социальные условия организации, гуманизация труда, условия труда, эффективность производства, мотивация работников.

Work Humanization as the Condition of Effective Activity of the Organization

М.В. Perfiljeva

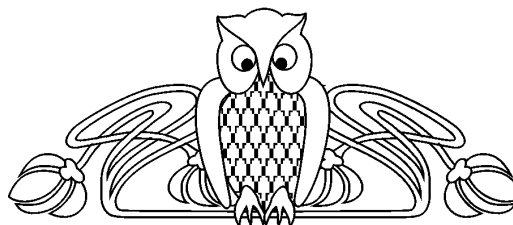
Cardinal changes in the maintenance and working conditions have led to formation of the humanistic approach in the management, assuming fuller use of productive reserves of the personnel of the organization at the expense of creation of such working conditions of the personnel which will raise its satisfaction work. Sociological researches of influence of social conditions of the organization on its economic efficiency have revealed that creation of a complex of favorable social conditions raises labour productivity and reduces losses from the unfair relation to work of workers. The structure and the importance of concrete social factors in the various organizations owing to specificity can vary.

– распределение обследуемых единиц согласно половозрастной квоты.

Таким образом, выполнение системных требований к выборке исследования и использование индикативного метода позволяют обеспечить высокую надежность и достоверность полученных данных.

Примечания

- ¹ Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции (по статистическим данным за 1997–1999 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 11. С. 10.
- ² Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки в принятии плановых решений. М., 1976. С. 35.

Key words: social conditions of the organization, humanization of working life, working conditions, production efficiency, motivation of workers.

Современное развитие общества характеризуется переходом от индустриальной стадии развития к информационной, что обуславливает новый характер взаимоотношений людей в сфере их профессиональной деятельности. Эти изменения включают в себя комплекс ключевых изменений, среди которых три важнейших: во-первых, *глобализация*, ведущая к масштабному кросскультурному взаимодействию; во-вторых, принцип эффективности в настоящее время отдает приоритет *принципу качества*; в-третьих, управленческий стиль меняется с функционального на *партнерский*¹. Эти и другие изменения определили новый характер управления людьми в организациях – ориентацию на активизацию потенциала человеческих ресурсов, а следовательно, и на самоактуализацию личности в профессиональной деятельности, что может быть реализовано в двух аспектах. С одной стороны, это адекватное реагирование на *внешние социальные условия (или факторы внешней социальной среды)*, к которым относятся конъюнктура рынка труда, характер и интенсивность профсоюзного движения, социальная политика государства (система государственного обеспечения, правовое регулирование и т.п.), общие мировые тенденции. С другой стороны, это управленческое влияние на *внутренние социальные условия* самой организации (которые при адекватном управлении превращаются в

факторы, мотивирующие само актуализацию работников), то как используется рабочая сила (условия организации труда и профессиональной деятельности), как она воспроизводится (условия жизни, быта, досуга, вместе с тем и условия изменения профессиональной компетентности, ротация кадров и т.п.).

Значительная роль в успешном развитии организации начинает принадлежать личности каждого человека. А отсюда и необходимость в гуманизации труда персонала, как важнейшего условия деятельности современных организаций.

Становление принципов гуманизации труда

Гуманистический подход имеет определенную историю развития. Работа с персоналом начиналась на промышленном предприятии с технократического подхода, построенного на принципе подчинения человека организационно-технической системе. Первоначально, на рубеже XIX–XX вв., человек рассматривался как придаток технической системы, а развитие производства связывалось с совершенствованием техники, технологии, увеличением продолжительности рабочего времени. Но уже в системе управления, предложенной Ф. Тейлором, эффективность производства стала связываться с необходимостью считаться с характерными особенностями работников (антропометрическими, биомеханическими, физиологическими). На основе этого проводилась рационализация рабочих мест, инструмента и оборудования, улучшались санитарно-гигиенические условия труда. Однако с точки зрения технократического подхода работник оставался рядовым звеном организационно-технической системы: с одной стороны, он лишался возможности проявления творчества, а с другой – управление работником не предполагало возможности учитывать и использовать знания о личности человека (его ожиданиях, потребностях, характере и т.д.). Более того, различные особенности работника как личности в условиях трудовой деятельности (позиции, убеждения, интересы и т.п.) в рамках этого подхода оцениваются как досадные помехи в организации производства.

На сегодняшний день технократизм в своих различных аспектах в жизни современного общества, а также в управлении персоналом продолжает использоваться и далеко не исчерпал себя. Вместе с тем современный технократизм в какой-то мере предполагает и прямое обращение к человеку. Но в нем учитываются только те качества человека, которые необходимо использовать в интересах решения экономических и корпоративных задач, и не всегда с учетом потребностей, возможностей самого человека. Примером может служить унификация обучения, воспитания, организации управления производ-

ством. Особенности личности здесь не всегда принимаются во внимание. Главное в технократизме – приспособить человека к требованиям профессиональной деятельности.

В отличие от технократизма гуманизация любых процессов предполагает внимание к человеку, признание его определяющей роли в производственном процессе, уважение общечеловеческих ценностей, справедливость в экономической и общественной жизни. Необходимость «гуманизации» работы с персоналом связана как с изменением представлений об условиях успешной деятельности организации, так и с изменением содержания труда.

Сложной и интеллектуальной деятельностью руководить гораздо сложнее, чем физической. Исключительно административные и экономические методы здесь непригодны. Они не в состоянии в полной мере пробудить и активизировать творческий потенциал людей. Между тем вплоть до конца 1920-х гг. господствовал подход, согласно которому менеджеры отводили главную роль машинам, а не людям. Сама жизнь сделала необходимой переориентацию управленческой парадигмы на человека. Этот процесс начал осуществляться со второй половины 20-х гг. Непосредственным толчком к нему послужили знаменитые Хотторнские эксперименты (1927–1932), проводившиеся в американской компании «Вестерн Электрик» близ Чикаго под руководством Элтона Мэйо².

Изучая влияние различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на повышение производительности труда на промышленном предприятии, Э. Мэйо пришел к открытию роли человеческого и группового факторов в процессе трудовой деятельности. Это открытие доказало, что социальные и психологические факторы оказывают на рост производительности труда значительно большее влияние, чем физические условия труда (однако в том случае, если сама его организация уже в достаточной мере рациональна и эффективна, т.е. технократична).

Хотторнские эксперименты послужили основой формирования в 1930-е гг. концепции *человеческих отношений*, у истоков которой наряду с Э. Мэйо стояли Ф. Роэзлизбергер и М. Фоллетт.

Следует подчеркнуть тот факт, что в основе выработки научных положений новой школы лежали эксперименты, а не априорные теоретические предположения. Э. Мэйо обнаружил роль малой группы, а затем и человеческий фактор случайно, двигаясь методом проб и ошибок. Главный вывод Э. Мэйо заключался в следующем: предприятие представляет собой социальную систему, состоящую из неформальных групп, саморегулирующих поведение своих членов. На смену модели «экономического человека», который ради высокого заработка готов терпеть плохие условия труда, продолжительный рабочий день, высокую

интенсивность и монотонность труда, пришла концепция «человеческих отношений». Во главу угла были поставлены интересы, потребности и экспектации (ожидания) индивида, а также групповые нормы и ценности.

Концепция «человеческих отношений» положила начало новому этапу в развитии зарубежной науки управления. В науку было введено понятие «человеческого фактора» и осознание необходимости строить работу организации с учетом его. В поле внимания науки, а затем и управления как практической деятельности попадает человек с его потребностями, интересами, проблемами.

В этой связи примечательна и интересна работа П. Друкера «Энциклопедия менеджмента»³, в которой выражены взгляды автора, сформировавшиеся в 30–40-е гг. XX века. Согласно точке зрения П. Друкера, сложившееся и устоявшееся мнение таково, что все люди, работающие на определенную организацию, являются ее работниками; они трудятся полный рабочий день и зависят от своей организации, поскольку она обеспечивает им средства к существованию и возможность служебного роста. Кроме того, считается, что все служащие, которые работают на организацию, – это *подчиненные*.

Более того, повсеместно распространено мнение, будто подавляющее большинство работников либо не обладают достаточным уровнем квалификации, либо вообще не способны качественно выполнять порученную им работу.

Этой традиционной в то время технократической точке зрения П. Друкер противопоставляет свою концепцию *социальной ответственности организации*⁴, в которой он убедительно обосновал положение о том, что у компании есть *не только экономическая цель, но и социальные обязательства*. В основе ее лежит идея самоуправления трудового коллектива. В соответствии с ней рабочие и служащие должны избирать специальный орган, занимающийся решением социальных проблем. Рабочий постарается достичь максимальной производительности в работе только в том случае, если он видит проблему с точки зрения руководителя, если он почувствует, что от его работы зависит успех и выживание предприятия. Такой взгляд он может приобрести, если у него будет опыт управления предприятием, на котором он работает. Единственным основанием для истинной гордости и чувства значимости является активное и ответственное участие в оценке своей собственной работы и в управлении своим коллективом. Это, по мнению П. Друкера, повышает ответственность рабочих за дела фирмы. В то время такая идея показалась чуждой, поэтому была отвергнута. Однако сегодня многие ее положения находят применение в практике «социального партнерства».

Вслед за П. Друкером М. Палацци и Дж. Старчер уже в 1970-е гг. показали, что вопрос социальной ответственности «вернулся в повестку

дня многих руководителей компаний. Кроме того, теперь он стоит перед органами государственного управления, ... гражданского сообщества»⁵. П. Друкер в своей работе «Практика менеджмента» рассматривает причины заинтересованности и удовлетворенности трудом: страх больше не выступает мотивацией для рабочих в индустриальном обществе. Для того чтобы действительно повысить производительность работы, нужно заменить стимул страха самомотивацией. Человек может быть удовлетворен тем, что делает кто-то другой, но для того чтобы работать самому, необходимо брать на себя ответственность за свои действия и их последствия. Существует четыре способа, которыми можно попытаться достичь формирования ответственности рабочего: правильное назначение, высокие стандарты производительности, обеспечение рабочего необходимой информацией для самоконтроля, возможность участия в управлении, что позволит смотреть на вещи с позиции руководства.

Вместе с тем существуют и десятки направлений деятельности, которые касаются непосредственно коллектива, а не экономической деятельности компании. К ним относятся так называемые в настоящее время «корпоративы», или неформальное проведение досуга коллегами, подмена заболевших товарищей, охрана труда, организация кафетерия, жилищные проблемы работников и т.д. Принимая участие в управлении предприятием через организацию общественной жизни компании, рабочие и служащие повышают свою мотивацию и обучаются навыкам управления.

В XX в. складываются объективные условия, диктующие необходимость изменений в системе управления вообще и управления персоналом в частности. Главное в том, что изменился характер и содержание труда. Современный труд по своему содержанию все больше и больше становится интеллектуальным, доля же физического труда сокращается. При этом меняется и характер труда. Принцип производительности хотя и остается основным в трудовой деятельности, но приоритет в настоящее время отдается принципу качества. «Интеллектуальность» и «принцип качества» предполагают новые формы мотивации и в целом управления персоналом.

Собственно концепция «гуманизации труда» сформировалась как социальный ориентир для управления трудовой деятельностью, которая предполагает более полное использование производительных резервов персонала организации. Гуманизация труда обеспечивается за счет создания безопасных и комфортных условий труда, адекватного и справедливого трудового вознаграждения, возможности карьерного и профессионального роста работников, а также участия работников в управлении организацией. Ряд этих мер нацелен на повышение удовлетворенности трудом персонала организаций. На сегодняшний день гумани-

зация труда признана мировым сообществом, в частности МОТ, ведущей тенденцией развития сферы социально-трудовых отношений, способом формирования системы достойного труда.

На формирование и распространение концепции гуманизации труда в немалой степени повлияли успехи в решении социальных задач предприятий социалистических стран. Исследования в области гуманизации труда оттачивались прежде всего от понимания связи между наличием комплексных социальных условий для персонала и эффективностью деятельности предприятий, удовлетворенностью трудом и мотивированностью работника на трудовые достижения.

Влияние гуманизации труда на эффективность организаций

Одной из главных причин удовлетворенности работой современного персонала является определенный уровень материального стимулирования и заработной платы. Но не менее значимым фактором удовлетворенности трудом является содержание работы и совокупность социальных условий организации, обеспечивающих качество жизни и качество трудовой жизни персонала. В России, ввиду особенностей ее исторического развития, социальные условия выступают весьма значимым фактором, определяющим как удовлетворенность трудом персонала, так и уровень его мотивации.

Первые исследования, направленные на изучение влияния социальных условий организации на её экономическую эффективность, в нашей стране начинают проводить в начале 1980-х годов. В интересном исследовании, проведенном под руководством А.Л. Иванова, было обнаружено, что в увеличении производительности труда в полтора раза ведущую роль сыграли социальные и психологические факторы (38,7%), роль технико-технологических и организационных факторов также значима, но несколько меньше: доля влияния технико-технологических факторов – 32,2%, организационных – 29,1%⁶.

Приведенные данные подтверждают мнение специалистов, что удельный вес социальных резервов повышения эффективности производства в общем объеме оценивается в 30–40%⁷. Существенным аргументом, обосновывающим такую позицию, служит и тот факт, что в период стахановского движения в нашей стране добивались повышения производительности труда только за счет социальных факторов на 35–40%, полученные результаты перекрывали норму выработки в 8–10 раз. Ж.Т. Тощенко отмечает, что эксперименты 1980-х гг. продемонстрировали рост производительности труда, по меньшей мере, на 20% при изменении комплекса социальных условий о (и неизменной технической оснащенности)⁸.

Безусловно, в различных организациях в силу специфики может меняться состав и значимость

факторов. Для их определения необходимо проводить исследования в каждом конкретном случае.

Для активизации деятельности работников имеет большое значение правильный подбор и расстановка кадров, улучшение условий труда, усиление его творческого содержания. Еще в конце 1980-х гг. НИИ труда выявил следующее: если производительность труда человека, работающего с желанием и в соответствии со способностями, принять за 100%), то, работая по специальности, но без желания, он даст 65%; с желанием, но без способностей – 50%, а без того и другого – всего лишь 30% эффективности своего труда⁹.

В советское время социальная деятельность организаций строилась не на принципе эффективности, а на принципе «компенсации». Например, тяжелый ручной труд или работа в сложных и вредных условиях более высоко оплачивалась. Работникам, занятым таким трудом, предоставлялись предпочтительные права в отпусках, потреблении и т.п. В то время недостатком политики улучшения условий труда являлось то, что нередко соответствующие планы не содержали показателей, характеризующих экономические и социальные последствия работы в неблагоприятной среде. Как это скажется на здоровье человека после выхода на пенсию или после длительной работы в данных условиях, на продолжительности жизни, подрастающем поколении – такие исследования и расчеты практически не осуществлялись.

Исследования и эксперименты последних лет доказали, что социальные факторы оказывают влияние не только на производительность, но и на лояльность работников к организации. Создание комплекса благоприятных социальных условий повышает производительность и снижает потери от недобросовестного отношения к труду и воровства работников¹⁰. В настоящее время вопросы активизации работников, мотивации труда, в том числе за счет социальных факторов повышения эффективности производства, встают с новой силой. Это объясняется тем, что в условиях конкуренции успеха добивается тот производитель, который не только правильно и своевременно умеет определить потребность, но и может качественно удовлетворить потребность в товаре (услуге) по минимальной цене, что обеспечивается за счет рационального использования внутривыпускных резервов и эффективного использования производственного потенциала. Поэтому в настоящее время на предприятиях резервы снижения себестоимости продукции, вопросы мотивации труда, повышения эффективности производства становятся весьма актуальными. Это подтверждают и исследования Института экономики РАН, обосновавшие необходимость социальной ориентации экономического развития за счет «превращения социальных факторов в мощный рычаг воздействия на экономические преобразования»¹¹.

Несмотря на значительные резервы повышения эффективности производства за счет соци-

альных факторов, использование их руководством организаций оставляет желать лучшего. Современная конъюнктура рынка труда такова, что руководство организаций не особенно заботится о комплексе социальных гарантий, считая, что при высоком уровне безработицы люди согласны на любые условия. При этом для «старых» (существующих с советского времени) организаций, по данным исследования 2004 г., характерно следующее: средний возраст работников приближается к 40–50-ти годам, а приток молодых специалистов минимален, и это при том, что среднемесячная заработная плата работников этих предприятий составляет от 5 000 до 12 000 руб. (по разным регионам страны). В то же время на бирже труда зарегистрировано значительное количество людей молодого и среднего возраста. Для «новых» (созданных не позднее 1991 г.) организаций, с достаточно высоким средним уровнем оплаты труда (от 10 000 руб. и выше), характерны высокая текучесть молодых специалистов и потери на обучении персонала¹².

Следовательно, помимо заработной платы имеют место и другие мотивы выбора рабочего места. Исследования показывают, что до 60% выпускников средних и высших учебных заведений останавливают свой выбор на организациях, где социальные условия существенно отличаются в лучшую сторону, при сопоставимом и даже более низком уровне заработной платы¹³.

В настоящее время, в век научно-технической революции, и при построении социально ориентированной экономики необходимо уделять самое пристальное внимание формированию социальных условий, способных мотивировать персонал организаций. Однако зачастую работодатели рассматривают социальную деятельность как затратную, а поэтому вряд ли готовы добровольно включать данные мероприятия в свои планы. Вместе с тем именно создание комплекса социальных условий побуждает самих работников выявлять внутрипроизводственные резервы повышения эффективности производства.

Заинтересованность работников в получении социальных благ от организации весьма значима была в советское время. Эту заинтересованность подтверждает исследование В.Х. Беленького¹⁴, нацеленное на изучение проблем социального развития. Результаты этого исследования выявили существенное отличие между тем, что работник надеется получить и чем он фактически обладает. Например, 65,8% респондентов ожидают получить «хорошие жилищные условия», в то время как реально их имеют 29,7%; заработной платой удовлетворена 1/3 (36%) анкетированных, тогда как 2/3 (60,9%) недовольны ее уровнем; 42,5% рассчитывают на хорошую организацию труда, в то время как удовлетворены ее уровнем 13,2%; 36,1% респондентов ожидают нормальных санитарно-гигиенических условий, а реально удовлетворены 19,2%.

Приведенные данные показывают, что наличие «жизненных благ», гарантированных предприятием, играло существенную роль в трудовом поведении в советское время. Сохранилась такая тенденция и в современных условиях, что подтверждено социологическими исследованиями¹⁵, показавшими высокую значимость социальных факторов, влияющих на организационное поведение и профессиональную деятельность работников. При этом было определено, что среди социальных факторов на первое место наряду с повышением и регулярностью выплат заработной платы выходят вопросы, связанные с улучшением условий труда и решением жилищной проблемы.

Исследования показали, что готовность сменить работу по причине ее неудовлетворенностью высказывают 2/3 респондентов (61,54%) и только треть респондентов отмечают удовлетворенность работой на данном предприятии. Важным фактором, характеризующим удовлетворенность трудом, является зарплата. В среднем респонденты готовы сменить работу, если при этом их заработок увеличится в 2,5 раза. Однако респонденты, не собирающиеся переходить на другую работу, будут готовы к этому, если их заработок увеличится в среднем в 2,8 раза. Напротив, респонденты, планирующие сменить работу, не станут этого делать, если на старом рабочем месте будут получать в 2,3 раза больше. Следовательно, кроме заинтересованности в зарплате должен быть другой фактор, который удерживает людей от смены работы. Как показали исследования, такую функцию выполняют всевозможные социальные льготы, предоставляемые предприятием своим работникам.

Сами льготы (по срочности их решения) могут быть разделены на две группы:

1) удовлетворение насущных личных и бытовых потребностей в ближайшей перспективе (например, путевка для ребенка в дошкольное учреждение, возможность пользоваться средствами и продукцией предприятия, оплата питания, проезда и т.п.);

2) удовлетворение долгосрочных потребностей (получение квартиры или помощь в ее приобретении, перспектива карьеры и высокого заработка и т.п.).

Исследования показали, что работники, как правило, имеют социальные льготы от предприятия.

Треть анкетированных подчеркивает значение для себя следующих факторов: возможность приобретения продукции предприятия по льготной цене – 34%;

- путевка в дошкольное учреждение – 30%;
- обучение детей за счет средств предприятия – 28%.

Пятая часть определяет в качестве значимых факторов:

- удешевление стоимости питания – 23%;
- льготные путевки в санаторий – 20%;

- возможность приобретать продукцию предприятия по более низкой цене – 18%;

- возможность пользоваться средствами предприятия – 18%.

Рассматривая наличные условия, предоставляемые предприятиями своим работникам, можно отметить, что в меньшей степени предоставляются:

- льготы по оплате детского сада и яслей – 9%;

- льготы на проезд – 8%;

- ведомственное жилье – 6%;

- гарантия на получение квартиры – 6%;

- ссуды на строительство жилья, садового дома – 3%.

В целом, как показали исследования, у работников есть возможность решать часть своих бытовых проблем за счет организации, в которой они работают.

В то же время на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что непредставление социальных льгот является серьезным мотивом для смены человеком места работы. Ведущим мотивом для смены работы является отсутствие гарантии на получение квартиры. На втором месте, несколько неожиданно, оказались льготы на проезд, при дополнительном изучении этот факт объясняется тем, что многие предприятия практикуют использование транспорта предприятия для доставки сотрудников на работу и с работы, что существенно экономит их личные средства; кроме этого, могут использоваться дежурные автомобили, которые развозят сотрудников в случае позднего окончания работы или вынужденной задержки на работе. В ходе исследования были установлены следующие явно выраженные корреляции.

Первая группа:

1) горжусь своей организацией – не думаю сменить работу;

2) разочарован своей организацией – желаю сменить работу.

Анализ данных показал, что установки «горжусь организацией» и «разочарован организацией» являются индикаторами наличия или отсутствия определенного комплекса социальных льгот. Гордятся своей организацией те респонденты, которые имеют льготы, удовлетворяющие насущные потребности (в первую очередь возможность пользоваться средствами и продукцией предприятия), и при этом имеют надежду на получение квартиры. Разочарованы те, кто не имеет этих льгот.

Совокупность социальных льгот, гарантий и социальных характеристик позволяет судить о социальной привлекательности предприятия, одним из индикаторов которой может служить показатель стабильности коллектива.

Примечательно, что проводившийся еще в 1989 г. социологический опрос руководителей 90 предприятий Красноярска и Лесосибирска

показал, что у них есть достаточно четкое представление о факторах, которые влияют на повышение социальной привлекательности предприятия. В частности, респонденты указали следующие факторы¹⁶:

- повышение эффективности производства – 43,3%;

- рост заработной платы – 36,6%;

- улучшение условий труда – 81,1%;

- развитие социальной инфраструктуры – 46,6%;

- создание в коллективе обстановки творческого труда – 33,3%.

Следовательно, возможность получения от организаций различных льгот и социальных благ является значительным фактором мотивации работников. Чем в большей степени будут коррелировать мера труда и мера потребления социальных благ работником, тем с большей отдачей он будет трудиться. Но источником удовлетворения этих социальных потребностей служит прибыль организации, что отрицательно сказывается на экономических интересах собственников. В то же время собственники должны понимать, что конкурентные преимущества продукции формируются силами работников, которые являются самым главным источником повышения эффективности производства и усиления позиций организации на рынке.

Организация рассматривается работником как объект, который может удовлетворить его потребности. Поэтому необходимо пересмотреть подходы к формулированию стратегических задач. В этом смысле должна измениться организационная культура и сама система планирования, при формировании стратегических задач надо исходить из того, что первостепенное значение в современной организации имеет человек со своими потребностями, стимулирование которых является основой производительности. Поэтому удовлетворение потребностей работника в организации есть средство увеличения производительности, но это средство становится целью в масштабах региона и страны в целом, так как само производство товаров и услуг – инструмент удовлетворения потребностей человека.

Трансформационный период в российской экономике для большинства организаций явился весьма сложным. Обусловлено это тем, что при создании новой экономической системы наблюдается нарушение разнообразных связей и единого экономического пространства, преобладает разобщение в реализации интересов общественных групп, государство не обеспечивает социальной интеграции, отсутствует научно обоснованная концепция перехода субъектов хозяйствования к либеральной экономике. Все более очевидной становится необходимость налаживания между субъектами хозяйствования взаимодействия в решении общих и частных проблем.

Распределение прибыли на социальное развитие возможно только после достижения

достаточного уровня качества трудовой жизни. Как правило, такая ситуация может возникнуть у организаций, стабильно и рентабельно работающих долгое время.

Исследования и анализ данных, проведенный А.Л. Кузнецовым¹⁷ для устойчиво работающих предприятий, позволил установить закономерность соотношения отчислений из прибыли на социальное развитие организации и рентабельности предприятия, представленную формулами:

$$R = 2p_1 (1 - p_1)^2 \quad (1)$$

– для отчисления от прибыли на социальное развитие;

$$R = 3p_2 (1 - p_2)^2 \quad (2)$$

– для отчисления от прибыли на техническое развитие;

где R – рентабельность предприятия, p_1 – доля отчисления от прибыли на социальное развитие, p_2 – доля отчисления от прибыли на техническое развитие.

При отчислении от прибыли на социальное развитие 30–35% рентабельность достигает 30%. Соответственно при снижении или, наоборот, увеличении доли отчисления происходит и снижение рентабельности. Аналогичными являются данные и для отчисления от прибыли на техническое развитие, для которого пороговой величиной является 40–45%.

Данные пределы отчислений от прибыли по направлениям можно принять как рекомендательные. Безусловно, для использования точного определения норматива распределения прибыли на социальное развитие по каждому предприятию необходимо провести более углубленный статистический анализ и учесть состояние социального развития на предприятии. Необходимо особо подчеркнуть, что вложение в социальное развитие тесно взаимосвязано с разработкой и применением мотивационных программ, без чего сами по себе вложения не дадут ожидаемого эффекта.

Выводы

Кардинальные изменения в содержании и условиях труда привели к переориентации управленческой парадигмы с техники на человека, к формированию гуманистического подхода в управлении. Современный труд по своему содержанию все больше и больше становится интеллектуальным, доля же физического труда сокращается. При этом меняется и характер труда. Принцип производительности, хотя и остается основным в трудовой деятельности, но приоритет в настоящее время отдается принципу качества. «Интеллектуальность» и «принцип качества» предполагают новые формы управления и мотивации персонала.

Как ответ на изменения, произошедшие в обществе, формируются и приобретают признаки концепции, рассматривающие процесс труда

в широком социальном, психологическом и экономическом аспекте, в которых делается акцент на создании условий труда, направленных на удовлетворение определенных групп потребностей работников, как значимом факторе эффективности организаций.

«Гуманизация труда» сформировалась как концепция совершенствования управления трудовой деятельностью, которая предполагает более полное использование производительных резервов персонала организации. Гуманизация труда обеспечивается за счет создания безопасных и комфортных условий труда, адекватного и справедливого трудового вознаграждения, возможности карьерного и профессионального роста работников, а также участия работников в управлении организацией. Ряд этих мер нацелен на повышение удовлетворенности трудом персонала организаций.

Социологические и экономические исследования, проведенные в нашей стране и за рубежом, а также опыт нового подхода к управлению персоналом свидетельствуют, что весьма существенным фактором повышения производительности и качества труда в организациях являются такие социальные условия, которые, прежде всего, должны обеспечить достойные условия жизни и возможность самоактуализации работников в профессиональной деятельности.

Исследования влияния социальных условий организаций на экономическую эффективность, проведенные в нашей стране в начале 1980-х гг. обнаружили, что при оценке влияния различных факторов на увеличение *производительности* труда на первом месте оказались социальные и психологические факторы, на втором – технико-технологические и на третьем – организационные. При этом комплексное использование факторов, при приоритете социальных, обеспечивает рост производительности труда, по меньшей мере, на 20%.

Изученные данные свидетельствуют и о том, что социальные факторы оказывают влияние не только на производительность, но и на лояльность работников к организации. Создание комплекса благоприятных социальных условий повышает производительность и снижает потери от недобросовестного отношения к труду. При этом необходимо особо подчеркнуть, что удовлетворенность персонала социальными условиями влияет на то, что работники начинают отождествлять себя с предприятием, становятся его патриотами, что формирует и другой тип мотивации работника.

Поскольку труд является средством поддержания жизни и способом удовлетворения основных потребностей работника, организация часто рассматривается работником как объект, который может удовлетворить основные его потребности. Поэтому существует необходимость пересмотра подходов к формулированию стратегических задач организаций. В этом смысле должна измениться организационная культура и сама система планирования, при формировании стратегических

задач надо исходить из того, что первостепенное значение в современной организации имеет человек со своими потребностями, стимулирование которых является основанием производительности. Поэтому удовлетворение потребностей работника в организации есть средство увеличения производительности, но это средство становится целью в масштабах региона и страны в целом, так как само производство товаров и услуг – инструмент удовлетворения потребностей человека.

Вместе с тем социальные условия, обеспечивающие гуманизацию труда и качество трудовой жизни, требуют корректировки со стороны государственных, местных органов управления и профсоюзов, должны основываться на принципах социального партнерства, основные цели которого – содействие решению актуальных экономических и социальных проблем, укреплению демократии, сохранению социальной стабильности, достижение согласия между всеми сторонами в отношении важнейших характеристик экономической и социальной стабильности общества, что выходит за рамки непосредственно социально-трудовых отношений, в том числе и на уровне предприятий.

Разработка современной, адекватной условиям каждой страны, системы мероприятий по совершенствованию гуманизации труда и выработке показателей качества трудовой жизни позволит не только определить состояние отдельных социальных параметров, сопоставить их с нормативными значениями, выявить угрозы, но и определить тенденцию их развития. Социальные параметры окажут влияние на формирование социальных стратегий по их первоочередному исправлению, а в соглашениях по социальному партнерству появится возможность устанавливать конкретные социальные показатели.

Примечания

¹ См.: Управление человеческими ресурсами. СПб., 2003. С. 167.

УДК 316.346.32-053.6

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ПЛАНАХ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ

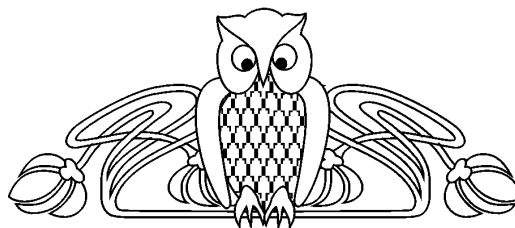
В.С. Иванова

Томский государственный университет
E-mail: vcsoc@rambler.ru

Данная статья посвящена готовности подростков (выпускников школ Томской области) к такой форме экономического поведения, как предпринимательство, и основана на результатах ежегодного социологического мониторинга.

Ключевые слова: предпринимательство, намерения школьников, востребованность профессии.

- ² См.: Веснин В.Р. Менеджмент. М., 2009. С. 51.
- ³ См.: Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента: пер. с англ. О.Л. Пелявского. М., 2006. 432 с.
- ⁴ См.: Drucker P.F. Managing for the Future: The 1990s and Beyond Truman. Talley Books. Plume, 1992. 320 p.
- ⁵ Палацци М., Старчер Дж. Корпоративная социальная ответственность и успех в бизнесе // Менеджмент. 1998. № 7. С. 33.
- ⁶ См.: Иванов А.Л. Соотношение технических, организационных и социальных факторов роста производительности труда // Социальное развитие трудовых коллективов – важный фактор повышения эффективности производства на современном этапе: материалы науч.-практ. конф. М., 1987. С. 89–93.
- ⁷ См.: Тощенко Ж.Т. Социальные резервы труда. Актуальные вопросы социологии труда. М., 1989. С. 23.
- ⁸ Там же. С. 85.
- ⁹ См.: Служба социального развития предприятия: практ. пособие. М., 1989. С. 30.
- ¹⁰ См.: Захаров Н.Л. Бизнес в России. Специфика управления. М.; СПб., 2006. С. 205.
- ¹¹ Социальные приоритеты и механизмы экономических преобразований в России: Докл. ИЭ РАН // Вопросы экономики. 1998. № 6. С. 10.
- ¹² См.: Захаров Н.Л., Пономаренко Б.Т., Перфильева М.Б. Управление настроем персонала в организации. М., 2009. 287 с.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Бельский В.Х. Трудовой коллектив как социальный субъект. Красноярск, 1990. С. 153.
- ¹⁵ См.: Социальные регуляторы развития малого бизнеса российских регионов в контексте социологии управления (историко-социологический анализ) / М.Б. Перфильева [и др.]. СПб., 2008. 93 с.
- ¹⁶ См.: Захаров Н.Л., Пономаренко Б.Т., Перфильева М.Б. Указ. соч.
- ¹⁷ См.: Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Управление социальным развитием организации. М., 2010. 263 с.

Enterprising in Purposes of Graduates

V.S. Ivanova

The article is devoted to readiness of teenagers (graduates in schools of Tomsk region) for such form of economic behaviors as enterprising and based on the results of annual sociological monitoring.

Key words: enterprising, intentions of graduates, demand in profession.

задач надо исходить из того, что первостепенное значение в современной организации имеет человек со своими потребностями, стимулирование которых является основанием производительности. Поэтому удовлетворение потребностей работника в организации есть средство увеличения производительности, но это средство становится целью в масштабах региона и страны в целом, так как само производство товаров и услуг – инструмент удовлетворения потребностей человека.

Вместе с тем социальные условия, обеспечивающие гуманизацию труда и качество трудовой жизни, требуют корректировки со стороны государственных, местных органов управления и профсоюзов, должны основываться на принципах социального партнерства, основные цели которого – содействие решению актуальных экономических и социальных проблем, укреплению демократии, сохранению социальной стабильности, достижение согласия между всеми сторонами в отношении важнейших характеристик экономической и социальной стабильности общества, что выходит за рамки непосредственно социально-трудовых отношений, в том числе и на уровне предприятий.

Разработка современной, адекватной условиям каждой страны, системы мероприятий по совершенствованию гуманизации труда и выработке показателей качества трудовой жизни позволит не только определить состояние отдельных социальных параметров, сопоставить их с нормативными значениями, выявить угрозы, но и определить тенденцию их развития. Социальные параметры окажут влияние на формирование социальных стратегий по их первоочередному исправлению, а в соглашениях по социальному партнерству появится возможность устанавливать конкретные социальные показатели.

Примечания

¹ См.: Управление человеческими ресурсами. СПб., 2003. С. 167.

УДК 316.346.32-053.6

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ПЛАНАХ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ

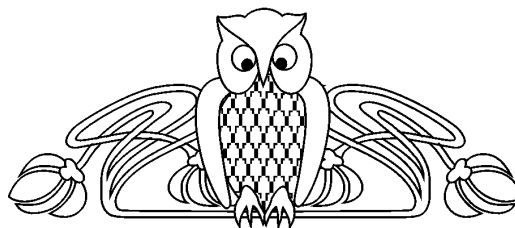
В.С. Иванова

Томский государственный университет
E-mail: vcsoc@rambler.ru

Данная статья посвящена готовности подростков (выпускников школ Томской области) к такой форме экономического поведения, как предпринимательство, и основана на результатах ежегодного социологического мониторинга.

Ключевые слова: предпринимательство, намерения школьников, востребованность профессии.

- ² См.: Веснин В.Р. Менеджмент. М., 2009. С. 51.
- ³ См.: Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента: пер. с англ. О.Л. Пелявского. М., 2006. 432 с.
- ⁴ См.: Drucker P.F. Managing for the Future: The 1990s and Beyond Truman. Talley Books. Plume, 1992. 320 p.
- ⁵ Палацци М., Старчер Дж. Корпоративная социальная ответственность и успех в бизнесе // Менеджмент. 1998. № 7. С. 33.
- ⁶ См.: Иванов А.Л. Соотношение технических, организационных и социальных факторов роста производительности труда // Социальное развитие трудовых коллективов – важный фактор повышения эффективности производства на современном этапе: материалы науч.-практ. конф. М., 1987. С. 89–93.
- ⁷ См.: Тощенко Ж.Т. Социальные резервы труда. Актуальные вопросы социологии труда. М., 1989. С. 23.
- ⁸ Там же. С. 85.
- ⁹ См.: Служба социального развития предприятия: практ. пособие. М., 1989. С. 30.
- ¹⁰ См.: Захаров Н.Л. Бизнес в России. Специфика управления. М.; СПб., 2006. С. 205.
- ¹¹ Социальные приоритеты и механизмы экономических преобразований в России: Докл. ИЭ РАН // Вопросы экономики. 1998. № 6. С. 10.
- ¹² См.: Захаров Н.Л., Пономаренко Б.Т., Перфильева М.Б. Управление настроением персонала в организации. М., 2009. 287 с.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Бельский В.Х. Трудовой коллектив как социальный субъект. Красноярск, 1990. С. 153.
- ¹⁵ См.: Социальные регуляторы развития малого бизнеса российских регионов в контексте социологии управления (историко-социологический анализ) / М.Б. Перфильева [и др.]. СПб., 2008. 93 с.
- ¹⁶ См.: Захаров Н.Л., Пономаренко Б.Т., Перфильева М.Б. Указ. соч.
- ¹⁷ См.: Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Управление социальным развитием организации. М., 2010. 263 с.

Enterprising in Purposes of Graduates

V.S. Ivanova

The article is devoted to readiness of teenagers (graduates in schools of Tomsk region) for such form of economic behaviors as enterprising and based on the results of annual sociological monitoring.

Key words: enterprising, intentions of graduates, demand in profession.

Для России сегодня, как и для каждого цивилизованного общества, модернизация – это не только новый термин, новая идеология, но и жесткая необходимость. Это ответ на те вызовы, которые связаны с процессами глобализации, с мировым сообществом, с ситуацией в экономике и других сферах в самой стране. Вслед за исследователями управленцы, сторонние наблюдатели и публицисты интерпретируют модернизационные процессы и как технологическое перевооружение, и как социальные инновации. Одним из таких необходимых для российской (постсоветской) действительности нововведений по-прежнему остается предпринимательство.

Проблемы предпринимательства, бизнеса, в частности малого бизнеса, востребованы (пусть дискретно) последние двадцать лет, но актуализация этих вопросов в контексте модернизации России значительно возросла именно сейчас¹. Можно установить дату начала (чему посвящено немало исследовательских работ) предпринимательства как социально-экономической инновации, но, к сожалению, трудно назвать финальное время. Является ли предпринимательство социальной инновацией в полном смысле слова? Как преобразуются представления об этом виде социальной практики, становится ли она социально-культурной нормой или каким-либо из образцов поведения для российского населения, особенно молодежи? Вот небольшой перечень вопросов, которые не устают задавать государственные служащие и не перестают формулировать исследователи.

Так, вопросам готовности молодежи к предпринимательской деятельности посвящено немало исследований и статей. Ключевым фактором подобного интереса, по мнению социологов, являются: а) «социокультурные и экономические особенности современного общества», б) «исторические особенности формирования российской бизнес-среды», в) «вызовы и риски ближайших перспектив российского предпринимательства»².

Особый интерес к проблемам предпринимательства, как жизненной стратегии молодого поколения Томской области, обусловлен научно-образовательным потенциалом Томского региона, точнее его поколенческой составляющей (Томск – город учащихся и студентов).

Данная статья посвящена вопросам готовности подростков (выпускников школ Томской области) к такой форме экономического поведения, как предпринимательство, и основана на результатах ежегодного социологического мониторинга (размер генеральной совокупности две тысячи человек, выборка гнездовая) жизненных планов выпускников школ, проводимого с середины 90-х гг. и по сегодняшний момент областным Центром профориентации населения при поддержке Департамента образования Администрации г. Томска. Фокус внимания в мониторинге (помимо основных целей) был сосредоточен на следующих задачах:

– есть ли место предпринимательской деятельности в планах и намерениях выпускников школ области;

– как оценивают престиж и востребованность данного рода деятельности подростки;

– какие свойства труда являются наиболее привлекательными для выпускников.

Неотъемлемой частью планов и намерений подростков является профессиональное самоопределение. Выбор профессии превращается в наиболее ответственный из всех других выборов, так как он не только предпосылка самореализации личности в трудовой деятельности, но и средство обеспечения успеха в других сферах жизни. Посредством профессионального самоопределения молодой человек включается во множество социальных процессов: и по формированию образа, стиля жизни, и адаптации к современным непростым условиям, и социальной мобильности (перемещению в социальном пространстве) и т.д.

Через оценки различных профессий формируется отношение школьников и к самим профессиям и к ее выбору. Выбор является внутренним компонентом свободы личности, ее возможностью поступать, так или иначе, сопоставлять внешние обстоятельства внутренним потребностям, а в целом – стремлением к самореализации.

Одной из задач мониторинга являлось отслеживание динамики отношения респондентов к различным профессиям: школьники отвечали на ряд вопросов, связанных с их желаниями и намерениями относительно будущей профессии, а также им было предложено оценить престиж и востребованность той или иной профессии на рынке труда.

Анализ результатов показал следующее. Постоянными лидерами выбора будущей профессии современных выпускников являются профессии экономиста и юриста (1-е и 2-е места). Этим профессиям отдают предпочтение в среднем 6–7% опрошенных из числа указавших будущую профессию, причем особых расхождений в зависимости от пола и места проживания (городские или сельские школьники) не наблюдается. Далее расположились программист и врач, но эти профессии имеют расхождения по тендерному признаку. Так, юноши чаще желают быть программистами (1-е место в этой группе), а у девушек эта профессия – только на 9-м месте, и наоборот, профессия врача более привлекательна для слабого пола (3-е место), у юношей – только 8-е место.

В середине рейтинга находятся профессии менеджера и дизайнера. Эти профессии чаще выбирают выпускницы школ областного центра (4-е и 5-е места, соответственно), значительно реже – юноши из городов области (12-е и 14-е места). В зависимости от места проживания по-разному оценивается профессия инженера, ее чаще выбирают школьники из городов Томской области (9-е место) и значительно реже из сельской мест-

ности (17-е место). По отношению к инженерным специальностям у современных подростков в последние три года наблюдается устойчивый интерес. С 2008 г. профессия инженера в группе юношей занимает одну из лидерских позиций

(2-е место), да и у девушек с двадцатых мест (в начале 2000 г.) переместилась на 14-е место (в этом году). Профессия предпринимателя в рейтинге реально выбираемых профессий занимает лишь двадцатые места (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинги профессий по оценкам школьников (по годам)

№	Профессия	Реально выбираемая				Престижная				Востребованная		
		1996	2001	2005	2009	1996	2001	2005	2009	2001	2005	2009
1	Экономист	1	1	1	1	2	2	2	2	2	7	4
2	Юрист	2	2	3	2	1	1	1	1	4	5	3
3	Программист	7	3	2	3	5	4	3	3	3	1	2
4	Врач	4	5	4	4	3	6	7	4	1	2	1
5	Менеджер	15	6	7	5	15	3	5	6	17	11	9
6	Дизайнер	–	18	10	6	–	15	9	9	–	17	12
7	Инженер	10	5	6	7	14	11	10	8		15	7
8	Нефтяник	–	16	9	8	–	17	6	5	7	3	8
9	Психолог	9	8	5	9	9	5	13	11	15	16	14
10	Учитель	5	7	14	10	6	16	17	12	5	5	6
11	Предприниматель	19	21	23	24	16	7	8	7	13	8	14

С одной стороны, рейтинг профессии «предприниматель» (хотя предпринимательство в узком смысле не является профессией, это скорее вид активной социальной практики, позволяющей реализовать свои материальные и социокультурные потребности, но школьники могли указывать на этот вид деятельности как на профессию), как выбираемой желаемой профессии на будущее, не очень высок.

Но рейтинг предпринимателя, как престижной профессии, в последние годы значительно возрос. Так, если в конце 1990-х «предприниматель» по своей значимости занимал в перечне престижных профессий только 16-е место, то в 2001 г. в рейтинговых «гонках» за престиж «вышел» на 7-е место, и последние три года удерживал эти позиции, опережая такие профессии, как журналист, бухгалтер, психолог и дизайнер.

Данный факт роста престижа предпринимательства немаловажен, так как на выбор профессии помимо различных факторов влияет такая характеристика профессии, как престиж, которая выражает социальную значимость профессии, ее публичное признание, является основой социального статуса и социального влияния. Обеспечивается это влияние за счет того, что престиж, как ценность вида деятельности (важность занятия), предоставляет индивиду возможности, которых нет у других, дает доступ к получению тех или иных социальных благ, тем самым для молодых престиж специализированной деятельности может являться точкой отсчета, которая определит вектор выбора будущей профессии, следовательно, перспективы предпринимательства как желаемого профессионально-экономического поведения молодежи неограниченны.

Имея возможность сравнить рейтинг выбираемых и престижных профессий, можно установить частоту совпадений, которая свидетельствует о том, что общественное признание, популярность профессии в значительной степени влияют на профессиональные намерения современных школьников. Практически полное совпадение в оценках имеют «лидеры выбора» выпускников – профессии экономиста, юриста, программиста, врача, менеджера. Профессия предпринимателя, наоборот, показывает значительные различия в оценках значимости и будущности намерений школьников, в рейтинге престижных она занимает 7-е место, но как реальную будущую профессию школьники ее практически не рассматривают.

Другой характеристикой профессии, влияющей на профессиональные планы подростка, является ее востребованность на рынке труда. Ведь, если не учитывать того, что сегодня «нужная профессия» за время подготовки к ней может стать ненужной, непопулярной, то в последующем потребуются значительные дополнительные усилия от индивида для того, чтобы успешно встроиться в социальную жизнь.

По мнению школьников, самыми востребованными через пять лет будут профессии врача и программиста, так считает 15–17% респондентов независимо от пола и возраста. Каждый десятый опрошенный предположил, что также необходимыми будут профессии юриста и учителя. Предприниматель же опять находится в нижнем ярусе рейтинга, занимая 14-е место.

Сравнение перечня привлекательных для подростков профессий и необходимых, по их мнению, на рынке труда через три–пять лет показывает меньшую степень совпадений. Школьники высказывают сомнения по поводу спроса

на такие профессии, как экономист, менеджер, дизайнер, психолог и предприниматель (в списке востребованных профессий они занимают более низкие позиции).

Хотя востребованность профессии является некоторым аргументом в пользу ее выбора, но все-таки до конца эта характеристика не заменяет такие свойства профессии, как возможность сделать карьеру, творческий характер труда, достойный заработок и т.д. Поэтому во взаимодействии человека с профессией существенным является не только его оценки ее значимости и востребованности, но и характеристики самой профессии, а также отношение к ним субъекта выбора.

В связи с этим в мониторинге планов школьников отслеживались мотивы выбора профессии, в качестве которых учитывались следующие характеристики. Прагматические, обеспечивающие витальные потребности индивида (хорошая зарплата, комфортные условия труда и легкость трудоустройства); статусно-рыночные (престиж профессии, возможность сделать карьеру и проявить предприимчивость) и социальные (творческий характер труда и возможность приносить пользу людям).

В иерархии мотивов выбора профессии лидирующее положение, причем с большим отрывом от других характеристик профессии, занимает хороший заработок (табл. 2).

Таблица 2

Мотивы выбора профессии (по группам опрошенных, %)

Мотивы выбора	Место жительства			Пол		Класс	
	Томск	Города области	Районы области	Юноши	Девушки	9-й	11-й
Хороший заработок	68	65	60	68	61	68	63
Карьера	46	42	38	40	43	40	40
Престиж профессии	39	39	35	35	40	38	36
Приносить пользу людям	26	27	37	26	34	34	35
Комфортные условия	28	29	29	34	24	28	2
Творческий характер	23	25	16	14	27	18	21
Легко найти работу	20	17	18	23	15	18	19
Требуется предприимчивости	7	8	7	7	7	6	10

Вторые и третьи места принадлежат статусным характеристикам: карьере и престижу. Тендерные различия накладывают отпечаток на оценки привлекательности профессии. Среди юношей большая доля тех, кого интересуют прагматические характеристики труда: заработок, легкость трудоустройства и условия труда (в среднем на 8–10%). У девушек чаще доминируют аспекты социальной и творческой направленности: приносить пользу людям, возможность заниматься творчеством и престиж профессии. Но объединяет и тех и других низкая оценка такой характеристики работы, как возможность проявить предприимчивость. Причем мониторинг позволяет выявить следующую тенденцию: в мотивационной структуре выпускников школ усиливаются из года в год мотивы материального порядка, а также все более привлекательными являются статусные аспекты профессиональной деятельности. Такой мотив выбора профессии, напрямую связанный с предпринимательством, как возможность проявить предприимчивость, по сравнению с 2000 г. снизил свои показатели почти в два раза (так, если в прошлые годы 15% опрошенных указывали на него как важное условие выбора профессии, то сегодня только 8%).

Респондентам также было предложено ответить на вопрос в свободной форме, что они понимают под предпринимательством и хотели

бы они заниматься этим видом деятельности. Современные подростки достаточно полно характеризуют предпринимательство, по мнению большинства, это «вид активной экономической деятельности, направленной на получение прибыли». 57% опрошенных сделали акцент именно на получение прибыли, каждый пятый, кроме личного обогащения, включает в свое понимание предпринимательства – «производство товаров или услуг». Часть респондентов дополняет свои описания такими характеристиками: «предприниматель работает только на себя», «эта деятельность связана с риском», «она требует самостоятельности», «очень престижна, отражает твою независимость и твой статус» и т.д.

Из тех, кто ответил на открытый вопрос, больше половины (61%) выразили не только свои сомнения по поводу занятия бизнесом, но и высказали определенное нет. В качестве основных причин треть респондентов указывали на отсутствие у себя необходимых специальных качеств, которые бы позволили заниматься этим родом активности. Некоторые уточняли, что «не хотелось бы брать на себя ответственность». Каждый десятый акцентировал внимание на жесткой конкуренции и нежелании подвергать себя риску. Часть школьников (9%) откровенно высказывались: «бизнес – это слишком сложно» или «мне это не интересно». И, наконец, 7% респондентов указывали, что в

государстве, где «нет гарантий и стабильности», предпринимательство «не может быть привлекательной сферой» деятельности. «Апофеозом» мнений выпускников школ о бесперспективности включения себя в бизнес может служить цитата одного одиннадцатиклассника: «откровенно сырая законодательная база и довольно неопределенная политика государства».

Таким образом, результаты мониторинга позволили выявить следующее: с одной стороны, высказывания выпускников школ о предпринимательстве схожи с интерпретациями исследователей, но с другой – данный вид деятельности явно не входит в планы и намерения нынешних подростков. Причиной подобного противоречия, на наш взгляд, является то, что образ предпринимательской деятельности не стал частью общественного сознания, а значит, пока не появились предпосылки (или рано говорить о них, или они уже упущены) для формирования нового соци-

ального субъекта (актера), способного изменять «заведенный порядок» и способного «изменять социальные структуры».

Возможно, через несколько лет предпринимательство как будущее поле приложения усилий молодых будет не только привлекательно, но и реально. Собственно одна из таких задач и стоит перед нашим обществом.

Примечания

- 1 См.: Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / под ред. Е.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. М., 2003. 220 с.; Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005. 603 с.; Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология. М., 2005. 457 с.
- 2 Капустур В.В. Предпринимательство как жизненная перспектива современной молодежи (на примере Томской области) // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2009. № 1 (5). С. 54.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТА

С.Ю. Привалова

Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: supriv@mail.ru

В статье затрагиваются актуальные вопросы развития личности студента и саморегуляции его учебной деятельности. Приводятся интересные данные социологического исследования, отражающие состояние проблемы. Особое внимание уделяется взаимосвязи личностного развития и саморегуляции деятельности.

Ключевые слова: развитие личности, саморегуляция деятельности.

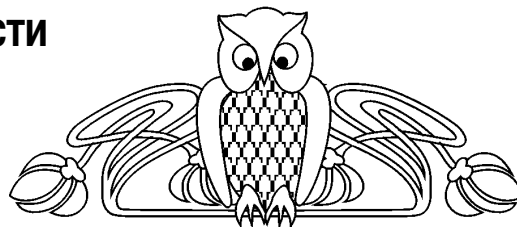
Personal Development as a Factor of Student's Educational Activity Self Regulation

S.Yu. Privalova

The actual questions of the student's personal development and self regulation of its educational activity are mentioned in this article. The interesting data of sociological research which reflect the state of this problem are given. Particular attention is given to the interrelationship of personal development and activity self regulation.

Key words: personal development, self regulation of activity.

С переходом российских вузов на новые модели обучения, в связи с изменениями учебных планов и введением новых курсов, повышается роль самостоятельной работы в учебной деятельности студентов и, следовательно, возникает необходимость в формировании у них оптимального стиля саморегуляции учебной деятельности. От того, как развивается и формируется у конкретной индивидуальности система саморегуляции, зависит ее личностное становление, успешность

учебной деятельности и профессиональное самоопределение. С другой стороны, личностное развитие оказывает влияние на способность к саморегуляции учебной деятельности.

В 2008–2009 гг. в г. Новосибирске были проведены исследования в сфере изучения учебной деятельности студентов. По результатам этих исследований были изучены личностные качества студентов и их влияние на саморегуляцию учебной деятельности.

Выбор новосибирских вузов для таких исследований объясняется тем, что Новосибирск является мегаполисом, самым крупным промышленным центром Сибири и одним из крупнейших городов России. Исходя из этого, представлялось вполне корректным предполагать типичность результатов, а соответственно обоснованность результатов анализа и выводов, полученных в ходе проведенных эмпирических исследований, как для любого современного города, так и для любого высшего учебного заведения вообще. Новосибирск – типичный пример крупного российского города с большим количеством студентов, являющихся городскими жителями и приезжими из сельской местности. Подавляющее большинство студентов России учатся именно в таких вузах.

Объектом наблюдения были студенты 1–2-х курсов трех новосибирских вузов разных направлений обучения: экономического, технического и гуманитарного (Новосибирский государственный

государстве, где «нет гарантий и стабильности», предпринимательство «не может быть привлекательной сферой» деятельности. «Апофеозом» мнений выпускников школ о бесперспективности включения себя в бизнес может служить цитата одного одиннадцатиклассника: «откровенно сырая законодательная база и довольно неопределенная политика государства».

Таким образом, результаты мониторинга позволили выявить следующее: с одной стороны, высказывания выпускников школ о предпринимательстве схожи с интерпретациями исследователей, но с другой – данный вид деятельности явно не входит в планы и намерения нынешних подростков. Причиной подобного противоречия, на наш взгляд, является то, что образ предпринимательской деятельности не стал частью общественного сознания, а значит, пока не появились предпосылки (или рано говорить о них, или они уже упущены) для формирования нового соци-

ального субъекта (актера), способного изменять «заведенный порядок» и способного «изменять социальные структуры».

Возможно, через несколько лет предпринимательство как будущее поле приложения усилий молодых будет не только привлекательно, но и реально. Собственно одна из таких задач и стоит перед нашим обществом.

Примечания

- 1 См.: Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / под ред. Е.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. М., 2003. 220 с.; Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005. 603 с.; Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология. М., 2005. 457 с.
- 2 Капустур В.В. Предпринимательство как жизненная перспектива современной молодежи (на примере Томской области) // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2009. № 1 (5). С. 54.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТА

С.Ю. Привалова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: supriv@mail.ru

В статье затрагиваются актуальные вопросы развития личности студента и саморегуляции его учебной деятельности. Приводятся интересные данные социологического исследования, отражающие состояние проблемы. Особое внимание уделяется взаимосвязи личностного развития и саморегуляции деятельности.

Ключевые слова: развитие личности, саморегуляция деятельности.

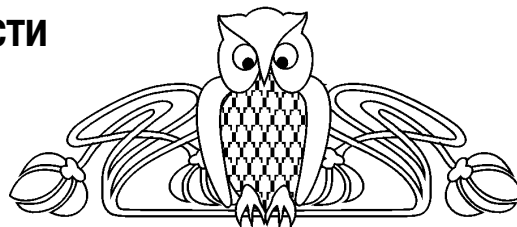
Personal Development as a Factor of Student's Educational Activity Self Regulation

S.Yu. Privalova

The actual questions of the student's personal development and self regulation of its educational activity are mentioned in this article. The interesting data of sociological research which reflect the state of this problem are given. Particular attention is given to the interrelationship of personal development and activity self regulation.

Key words: personal development, self regulation of activity.

С переходом российских вузов на новые модели обучения, в связи с изменениями учебных планов и введением новых курсов, повышается роль самостоятельной работы в учебной деятельности студентов и, следовательно, возникает необходимость в формировании у них оптимального стиля саморегуляции учебной деятельности. От того, как развивается и формируется у конкретной индивидуальности система саморегуляции, зависит ее личностное становление, успешность

учебной деятельности и профессиональное самоопределение. С другой стороны, личностное развитие оказывает влияние на способность к саморегуляции учебной деятельности.

В 2008–2009 гг. в г. Новосибирске были проведены исследования в сфере изучения учебной деятельности студентов. По результатам этих исследований были изучены личностные качества студентов и их влияние на саморегуляцию учебной деятельности.

Выбор новосибирских вузов для таких исследований объясняется тем, что Новосибирск является мегаполисом, самым крупным промышленным центром Сибири и одним из крупнейших городов России. Исходя из этого, представлялось вполне корректным предполагать типичность результатов, а соответственно обоснованность результатов анализа и выводов, полученных в ходе проведенных эмпирических исследований, как для любого современного города, так и для любого высшего учебного заведения вообще. Новосибирск – типичный пример крупного российского города с большим количеством студентов, являющихся городскими жителями и приезжими из сельской местности. Подавляющее большинство студентов России учатся именно в таких вузах.

Объектом наблюдения были студенты 1–2-х курсов трех новосибирских вузов разных направлений обучения: экономического, технического и гуманитарного (Новосибирский государственный

университет экономики и управления, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирский государственный медицинский университет). Генеральная совокупность – 7943 человека. Объем выборочной совокупности составил 366 человек.

Предметом исследования являлось личностное развитие студентов и саморегуляция их учебной деятельности. Нами была выдвинута гипотеза о том, что личностное развитие студентов влияет на саморегуляцию учебной деятельности студентов, и учебная деятельность влияет на личностное развитие студента.

Методы сбора социологической информации включали в себя: во-первых, вторичный анализ данных – анализ статистических материалов, касающихся вузов г. Новосибирска, сбор данных по личностному развитию студентов, саморегуляции учебной деятельности студентов, анализ данных, касающихся уровня саморегуляции учебной деятельности; во-вторых, социологический опрос в форме анкетирования, тестирование стилей саморегуляции учебной деятельности студентов с помощью методики «Выявление стиля саморегуляции деятельности» Г.С. Прыгина и экспертный опрос преподавателей. Педагогический стаж преподавателей от 6 до 25 лет и более. Все опрошенные преподаватели работают на 1–2-х курсах вышеуказанных вузов.

Большинство принимающих участие в исследовании респондентов – женщины, что показывает общую тенденцию российского студенчества. Опрошенные – это молодежь в возрасте от 17 до 19 лет, в основной своей массе не состоящие в браке, что и дает им возможность полностью посвятить себя учебной деятельности. Большая часть респондентов являются жителями г. Новосибирска и других городов. Студенты из сельской местности составили менее десятой части от всех студентов. Только 1% студентов происходит из семей работников сельского хозяйства, в основном же все молодые люди из семей служащих и рабочих.

Ряд вопросов исследования мы посвятили учебе студентов в вузе. Во-первых, нас интересовала причина поступления в вуз. На первом месте стоит интерес, менее четверти опрошенных поступали по расчету, чуть больше десятой части респондентов считает, что это их призвание, почти столько же прислушались к совету других и всего 5,8% поступили случайно. Во-вторых, мы выясняли причину выбора специальности. На первом месте стоит ответ, что выбранная специальность нравится, почти четверть прислушалась к совету родителей, далее идет престиж и зарплата, и только 6% выбрали свою специальность по принципу «куда удалось поступить». В-третьих, нам хотелось выяснить, что респонденты думают о будущей профессии. Почти половина опрошенных мечтает сделать неплохую карьеру, чуть меньше считают, что будущая работа будет интересной,

почти четверть опрошенных рассчитывают совершенствоваться в профессиональном плане, примерно у такого же количества студентов еще не сложилось определенного представления о будущей работе, и только очень малая часть опрошенных (3,3%) считает, что не будет работать по данной специальности, если такая возможность представится. Все это позволяет сделать вывод о том, что студенты достаточно развиты для принятия такого серьезного решения, как поступление в вуз.

Далее нам хотелось выяснить отношение студентов к учебной деятельности. Относительно трудностей учебы мнения разделились поровну. При выяснении причин учебных трудностей результаты исследования показали, что это в равной степени и слабая общеобразовательная подготовка, и недостатки организации учебного процесса; на низкий же уровень организации учебного процесса указывают менее десятой части опрошенных. Какие же факторы оказывают влияние на учебу студентов? По мнению респондентов, в первую очередь это интересный рассказ и подробные разъяснения преподавателей и высокие требования на экзаменах и зачетах, а также наличие на руках нужных учебников, пособий и методических материалов. В меньшей степени это тщательная проверка выполненных студентом работ и заданий и предоставляемая им свобода самим делать что-нибудь практическое, а такая организация обучения, при которой меньше проверяют, контролируют и спрашивают, влияет на учебу в еще меньшей степени.

Что касается интереса к обучению в вузе, то он обусловлен в основном двумя факторами: желание узнать новое и общение с друзьями. Получение оценок, общественная и самостоятельная работа как элемент привлекательности учебы в вузе ими почти не рассматривается. Совсем малая доля студентов (3,3%) считает, что учиться им не интересно и учеба не нравится. В основном студенты стараются учиться по мере сил и только четвертая часть всех опрошенных активно стремится получить хорошие результаты. Таких, кого успеваемость вообще не волнует, менее десяти процентов (6,3%).

Далее мы изучали вопросы, касающиеся личностного развития студентов, их интересов и жизненных ценностей. Результаты исследования показали, что в свободное от учебы время студенты в основном проводят за компьютером, слушают музыку или музицируют сами, занимаются спортом и читают. Зарабатывают деньги и посвящают себя художественному творчеству менее пятой части опрошенных. Интересно отметить, что для того чтобы чувствовать себя счастливым человеком, большинству респондентов необходим в равной степени любимый человек, интересная работа и высокий заработок. Профессиональный рост и чистая совесть стоят на втором месте. Главное удовольствие в жизни молодым людям приносит

в равной степени материальное благополучие и здоровье, чуть меньшее значение имеют успехи в профессиональной деятельности, уважение окружающих и независимость; личная свобода и хорошее самочувствие стоят на последнем месте. Совсем не видят никакого удовольствия студенты от занятий научной деятельностью, также не приносит удовольствие и популярность.

Принимающие участие в опросе в большинстве своем считают своими сильными сторонами ответственность и целеустремленность, чуть в меньшей степени самостоятельность и исполнительность. Инициативность и организованность они считают – слабыми сторонами.

Во второй части нашего исследования мы анализировали стили саморегуляции учебной деятельности. Необходимо напомнить, что студентов, проявляющих в деятельности такие качества, как развитый самоконтроль, уверенность в себе, склонность к самостоятельному выполнению любой работы, мы будем называть «автономными». Студентов, не обнаруживающих или мало обнаруживающих комплекс этих качеств, опирающихся при осуществлении деятельности главным образом на советы, подсказки, указания со стороны руководителя, мы будем называть «зависимыми».

«Автономных» среди респондентов оказалось около четверти от всех опрошенных. «Зависимых» среди респондентов оказалось чуть больше четверти от всех опрошенных. В отношении оставшейся половины респондентов определенного заключения вынести нельзя.

Таким образом, нами выяснено, что среди студентов 1–2-х курсов автономный стиль саморегуляции имеет только четверть опрошенных, что говорит о недостаточном владении умением действовать и вести себя соответственно задачам обучения, воспитания и профессиональной подготовки в вузе.

Во время социологического исследования нами проводился экспертный опрос преподавателей с целью выяснения их мнения по вопросу развития личности студентов и саморегуляции учебной деятельности.

Ряд вопросов был посвящен выяснению мнения преподавателей относительно учебных умений студентов. Большинство экспертов считают, что хорошо и отлично студенты умеют работать с книгой, выделять главное из прочитанного, готовиться к экзамену, пользоваться учебной литературой на занятиях и при подготовке к ним, выполнять учебные задания в срок, соблюдая требования к их выполнению, быстро читать, понимая прочитанное. Удовлетворительно студенты умеют планировать свое время, рационально запоминать материал, выделять главное в сообщении преподавателя, использовать логические приемы мышления (сравнение, классификация, анализ, аналогия), привлекать к изучению дополнительные источники (научную литературу, Интернет), правильно формулировать вопросы преподава-

телю, самостоятельно находить ошибки при выполнении заданий и исправлять их. Хуже всего обстоят дела с умением намечать результаты, которые необходимо достичь к концу семестра, планировать учебную работу на день, неделю, месяц, правильно воспринимать, оценивать и анализировать устные сообщения товарищей.

Что касается самостоятельности студентов 1–2-х курсов, то более половины преподавателей считают, что студенты 1-го курса менее самостоятельны, чем 2-го. Почти все преподаватели считают, что студенты активно стремятся или стараются по мере сил получить высокие оценки, и лишь 5,6% экспертов считают, что успеваемость студентов не волнует.

Личностные качества студентов также были оценены преподавателями, и выяснилось, что основная масса экспертов отмечает такое качество, как открытость; половина экспертов отмечает независимость, уверенность в себе, настойчивость, доброту, ответственность и честность. И только десятая часть преподавателей говорит о воспитанности и интеллектуальной развитости студентов.

Ряд вопросов касался проблемы помощи в учебе студентам со стороны преподавателей. В результате анализа выяснилось: чуть больше половины преподавателей помогают студентам анализировать причины неудач в учебе; менее половины преподавателей дают студентам возможность самим проработать материал и только десятая часть преподавателей часто дает задания, носящие научно-исследовательский характер. Половина преподавателей оказывают психологическую помощь первокурсникам и лишь четверть проводит занятия, посвященные самостоятельной работе студентов. 83,3% преподавателей говорит о том, что студенты обращаются к ним с вопросами.

Выясняя мнение преподавателей относительно понятия саморегуляции деятельности студентов, нами установлено, что они считают, что саморегуляция – это в первую очередь самостоятельность в планировании действий, далее в равной степени моделирование условий деятельности и оценка результатов деятельности, на третьем месте – планирование целей и программирование действий и, наконец, гибкость.

В результате проведенных нами социологических исследований можно прийти к следующим выводам. Во-первых, личностное развитие студента влияет на развитие саморегуляции его учебной деятельности, и в то же время саморегуляция играет важнейшую роль в развитии личности. Во-вторых, студенты 1–2-х курсов не имеют хороший уровень саморегуляции учебной деятельности, а это приводит к возникновению трудностей в процессе обучения. В-третьих, выяснилось, что не все студенты и преподаватели четко представляют понятие «саморегуляции». А это приводит к определенному отношению к учебной деятельности и к личности студента в целом.

В-четвертых, большая роль в помощи студентам в саморегуляции учебной деятельностью отводится преподавателям, а на практике это не происходит.

Следовательно, необходимы специальные программы для студентов и преподавателей, в теории и на практике показывающие взаимос-

вязь саморегуляции учебной деятельности и личностного развития, а также возможность их изменения. Овладение студентами оптимальным стилем саморегуляции может определить дальнейшие перспективы их личностного развития и профессионального роста.

УДК 316.334:616.89

МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

О.А. Жукова, Д.Д. Карелина, И.Л. Кром, Ю.Б. Барыльник

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: gukovaolga2009@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и основные критерии психического здоровья населения. Особое внимание обращается на медико-социологическую интерпретацию психического здоровья.

Ключевые слова: психическое здоровье, медико-социологическая интерпретация.

Medico-Sociological Interpretation of Mental Health

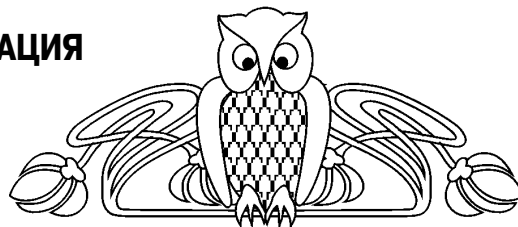
O.A. Zhukova, D.D. Karelina, I.L. Krom, Yu.B. Baril'nik

The article deals with basic criteria and formation features of mental health. Particular attention is meant to medico-sociological interpretation of mental health.

Key words: mental health, medico-sociological interpretation.

Основным фактором, провоцирующим повышенную смертность, сокращение продолжительности жизни населения России, является неблагополучие психического здоровья¹. Распространенность психических заболеваний велика и продолжает расти. По данным ООН, в мире насчитывается примерно 450 млн людей с нарушениями психического и физического развития. Это составляет 1/10 часть жителей нашей планеты. Данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют, что число таких жителей в мире достигает 13%². Кроме того, от 250 до 300 млн человек страдают менее тяжелыми психическими нарушениями, вызывающими, тем не менее, утрату трудоспособности и социальные ограничения³. Так, в 15 экономически наиболее развитых странах показатель распространенности психических болезней за период 1900–1993 вырос в 10 раз и составляет теперь 303,7 на 1000 населения; особенно значителен рост неврозов (в 61,7 раз), алкоголизма (в 58,2 раза), олигофрении (в 30 раз). В России за 1950–1993 гг. уровень заболеваемости психическими расстройствами поднялся с 137,4 до 301,3 на 1000 жителей.

Масштаб проблемы таков, что, по мнению экспертов ВОЗ, мы имеем все основания рассма-

тривать психические болезни (включая алкоголизм и наркоманию) в качестве основной угрозы здоровью и продуктивности жизни наций во всем мире. Если прежде считалось, что проблемы, связанные с психическими расстройствами, касаются только промышленно развитых стран, то в настоящее время стало ясно, что они свойственны и развивающимся странам⁴. По данным Б.С. Положего, максимальная заболеваемость психическими расстройствами приходится на возрастную группу «41–50 лет», обычно характеризующуюся высокими показателями трудовой активности⁵. Психические расстройства – ведущая причина временной и длительной нетрудоспособности в экономически развитых странах. Ежегодно тысячи психически больных россиян становятся инвалидами; в популяции инвалидов (почти 1 млн человек) – до 60% лиц трудоспособного возраста⁶. В субпопуляции отечественных больных после первого эпизода шизофрении 40% инвалидизированы в первые 5 лет лечения, 60% из них – в первые 2 года.

О неблагополучии ситуации в современной России с состоянием психического здоровья свидетельствуют высокие показатели заболеваемости психическими расстройствами, широкая распространенность в обществе агрессивного и аутоагрессивного поведения⁷.

Термин «психическое здоровье» был введен Всемирной организацией здравоохранения в 1979 году.

Критерии психического здоровья (по ВОЗ):⁸

- осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»;
- чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам;
- соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;

В-четвертых, большая роль в помощи студентам в саморегуляции учебной деятельностью отводится преподавателям, а на практике это не происходит.

Следовательно, необходимы специальные программы для студентов и преподавателей, в теории и на практике показывающие взаимос-

вязь саморегуляции учебной деятельности и личностного развития, а также возможность их изменения. Овладение студентами оптимальным стилем саморегуляции может определить дальнейшие перспективы их личностного развития и профессионального роста.

УДК 316.334:616.89

МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

О.А. Жукова, Д.Д. Карелина, И.Л. Кром, Ю.Б. Барыльник

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: gukovaolga2009@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и основные критерии психического здоровья населения. Особое внимание обращается на медико-социологическую интерпретацию психического здоровья.

Ключевые слова: психическое здоровье, медико-социологическая интерпретация.

Medico-Sociological Interpretation of Mental Health

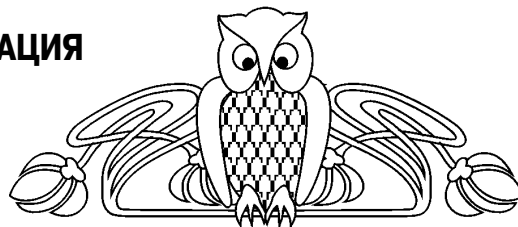
O.A. Zhukova, D.D. Karelina, I.L. Krom, Yu.B. Baril'nik

The article deals with basic criteria and formation features of mental health. Particular attention is meant to medico-sociological interpretation of mental health.

Key words: mental health, medico-sociological interpretation.

Основным фактором, провоцирующим повышенную смертность, сокращение продолжительности жизни населения России, является неблагополучие психического здоровья¹. Распространенность психических заболеваний велика и продолжает расти. По данным ООН, в мире насчитывается примерно 450 млн людей с нарушениями психического и физического развития. Это составляет 1/10 часть жителей нашей планеты. Данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют, что число таких жителей в мире достигает 13%². Кроме того, от 250 до 300 млн человек страдают менее тяжелыми психическими нарушениями, вызывающими, тем не менее, утрату трудоспособности и социальные ограничения³. Так, в 15 экономически наиболее развитых странах показатель распространенности психических болезней за период 1900–1993 вырос в 10 раз и составляет теперь 303,7 на 1000 населения; особенно значителен рост неврозов (в 61,7 раз), алкоголизма (в 58,2 раза), олигофрении (в 30 раз). В России за 1950–1993 гг. уровень заболеваемости психическими расстройствами поднялся с 137,4 до 301,3 на 1000 жителей.

Масштаб проблемы таков, что, по мнению экспертов ВОЗ, мы имеем все основания рассма-

тривать психические болезни (включая алкоголизм и наркоманию) в качестве основной угрозы здоровью и продуктивности жизни наций во всем мире. Если прежде считалось, что проблемы, связанные с психическими расстройствами, касаются только промышленно развитых стран, то в настоящее время стало ясно, что они свойственны и развивающимся странам⁴. По данным Б.С. Положего, максимальная заболеваемость психическими расстройствами приходится на возрастную группу «41–50 лет», обычно характеризующуюся высокими показателями трудовой активности⁵. Психические расстройства – ведущая причина временной и длительной нетрудоспособности в экономически развитых странах. Ежегодно тысячи психически больных россиян становятся инвалидами; в популяции инвалидов (почти 1 млн человек) – до 60% лиц трудоспособного возраста⁶. В субпопуляции отечественных больных после первого эпизода шизофрении 40% инвалидизированы в первые 5 лет лечения, 60% из них – в первые 2 года.

О неблагополучии ситуации в современной России с состоянием психического здоровья свидетельствуют высокие показатели заболеваемости психическими расстройствами, широкая распространенность в обществе агрессивного и аутоагрессивного поведения⁷.

Термин «психическое здоровье» был введен Всемирной организацией здравоохранения в 1979 году.

Критерии психического здоровья (по ВОЗ):⁸

- осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»;
- чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам;
- соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;

- способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами;

- способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать это;

- способность изменять поведение в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Как формируются в последние десятилетия представления о психическом здоровье в медико-социологических исследованиях?

В США и Великобритании (и в целом в англоязычных публикациях) словосочетание «mental health» обозначает успешное выполнение психических функций, имеющее результатом продуктивную деятельность, установление отношений с другими людьми и способность адаптироваться к изменениям и справляться с неприятностями. С раннего детства психическое здоровье составляет основу интеллектуальной деятельности и коммуникативных навыков, научения, эмоционального роста, устойчивости и самоуважения. В других определениях подчеркивается, что психическое здоровье – это относительно устойчивое состояние бытия, в котором индивид достаточно удовлетворен собой и чувствует интерес к жизни и самореализации. В некоторых исследованиях психическое здоровье рассматривается как интегральная характеристика полноценности психического функционирования индивида, включающая понимание природы и механизмов на всех этапах онтогенеза. В психологическом словаре под термином «психическое здоровье» понимается «состояние душевного благополучия, характерное отсутствием болезненных психических проявлений обеспечивающее адекватную условиям действительности регуляцию поведения и деятельности»⁹. Это такое состояние индивида, которое характеризуется цельностью и согласованностью всех психических функций организма, обеспечивающих чувство субъективной психической комфортности, способность к целенаправленной осмысленной деятельности и адекватные формы поведения.

Психическое здоровье – это состояние индивида, которое характеризуется цельностью и согласованностью всех психических функций организма, обеспечивающих чувство субъективной психической комфортности, способность к целенаправленной осмысленной деятельности, адекватные (с учетом этнокультурных критериев) формы поведения¹⁰.

Понятие «психическое здоровье» долгие годы рассматривалось как альтернатива состоянию психического нездоровья, нарушений психики. В ряде работ «психическое здоровье» соотносится с переживаниями психологического дискомфорта¹¹.

Психическое здоровье «есть собственная жизнеспособность индивида, обеспеченная полноценным развитием и функционированием психического аппарата...», «...критерием психи-

ческого здоровья является феномен психического равновесия, включает гармонию взаимодействия различных сфер личности – эмоциональной, волевой, познавательной. Нарушение одной из сфер приводят к личностным деградациям, деструкциям, социальной и персональной дезадаптации»¹².

По мнению немецкого психиатра Г. Аммона, психическое здоровье следует понимать не просто как статически хорошее самочувствие, а как динамически развивающееся событие; быть психически здоровым – значит быть способным к развитию. Согласно В.В. Горинову, психически здоровый человек – это человек свободный, независимый, активно действующий в различных социально-психологических ситуациях. А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским предложено определение психического здоровья как «состояния душевного благополучия, характеризующегося отсутствием болезненных психических проявлений и обеспечивающего адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения, деятельности». По мнению М.В. Розина, «психическое здоровье – это не органическое состояние психики, а тип жизни и организация личности»¹³.

Это согласно определению, данному Б.С. Положим, психическое здоровье – такое состояние психики индивида, которое характеризуется цельностью и согласованностью всех психических функций организма, обеспечивающих чувство субъективной психической комфортности, способность к целенаправленной осмысленной деятельности, адекватные (с учетом этнокультурных критериев) формы поведения¹⁴. В данном определении психическое здоровье рассмотрено как многогранная жизнеспособность, которая поддерживается полноценным развитием и функционированием психического аппарата. Последнее требование, требование адекватности, чрезвычайно важно также и в применении к социальному поведению индивида, функциональной адаптации¹⁵.

В.Я. Семке предложил рассматривать психическое здоровье как «состояние динамического равновесия индивида с окружающей его средой, когда все заложенные в его биологической и социальной сущности способности проявляются наиболее полно и все жизненно важные подсистемы функционируют с оптимальной активностью»¹⁶.

Психическое здоровье является целостным образованием, включающим в себя следующие иерархические уровни (снизу вверх):

- уровень психофизиологического (морфофункционального) здоровья;
- уровень индивидуально-психологического здоровья, включающий в себя развитие личностно-эмоциональной и познавательной сфер и уровень социально-психологического здоровья, включающий в себя развитие личности в социальной среде.

Гармоническое развитие этих уровней приводит к адекватному развитию психического здоровья личности¹⁷.

По мнению Т.Б. Дмитриевой и Б.С. Положего, психическое здоровье, лишь одна из составляющих здоровья человека, может быть разделено на индивидуальное и общественное. Оценка индивидуального психического здоровья, непременно учитывающая неповторимость и уникальность каждой конкретной личности и ее самоидентичность, предполагает способность здорового человека развиваться и совершенствоваться. Психическое здоровье связано со способностью человека адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Таким образом, индивидуальное психическое здоровье – более широкое понятие, нежели просто отсутствие у человека признаков психического расстройства или дефекта¹⁸.

Под термином «общественное психическое здоровье» подразумевается уровень психического здоровья популяции, т.е. распространенность в ней психических заболеваний, алкоголизма и наркомании, умственной отсталости, различных форм деструктивного поведения (в том числе суицидального и агрессивного), соотношение между психически здоровыми и больными людьми. Общественное психическое здоровье является интеллектуальным и нравственным потенциалом общества, важнейшей предпосылкой его стабильности, благополучия и прогресса. А зависит оно в первую очередь от социальных условий жизни людей. Любое общество со временем приобретает некоторые общие черты, позволяющие судить о его психическом здоровье. В. Франкл использовал термин «дух времени», понимая под ним влияние социальных условий, конкретного исторического периода на состояние общественного психического здоровья, характер и частоту его нарушений. В зависимости от социальной ситуации общество либо способствует, либо препятствует здоровому развитию человека, что в конечном счете отражается на уровне общественного психического здоровья¹⁹.

В докладе ВОЗ²⁰ указывается, что психическое здоровье человека в современном мире определяется воздействиями социальных, психологических, экологических и многих других факторов. Известно о непосредственном влиянии социальных факторов на психическое здоровье больших групп населения, в том числе социально-стрессовые расстройства, возникающие под воздействием важных для большинства людей экономических и политических ситуаций. В условиях социальных изменений у многих развивается состояние психической дезадаптации, невротические и психосоматические расстройства. Массовые проявления состояний психоэмоционального перенапряжения и психической дезадаптации, по существу, стали следствием «коллективной травмы»²¹.

В последние десятилетия возрастает количество исследований воздействия на большие группы населения макросоциальных стрессовых ситуаций, связанных с переустройством общества.

А.М. Розенштейн предложил называть невротические расстройства социальной болезнью. По данным, которые приводит Ю.А. Александровский, число лиц с предболезненными и сформировавшимися психическими расстройствами из-за стрессовых воздействий в России достигает 10 млн. Однако выборочные исследования свидетельствуют, что их больше: 250–300 на 1000 человек, т.е. подобные расстройства возникают у 25–30% жителей страны. В большинстве случаев речь идет о пограничных психических расстройствах²².

В современных социально-экономических условиях больные, страдающие психическими расстройствами, являются одними из первых жертв экономического кризиса. Такие пациенты отличаются низким уровнем качества жизни: они быстро теряют социальные связи, контакты с родственниками, навыки самообслуживания. Исторически меняется уровень требований общества к социальной адаптации. И это сказывается в тенденции к уменьшению числа работающих больных, к увеличению количества признаваемых инвалидами, в изменении отношения к госпитализации, ее продолжительности у ряда находящихся в неудовлетворительном материальном положении пациентов (установка на более частое и продолжительное стационарирование, чем это диктуется чисто медицинскими показаниями)²³.

У больных шизофренией социальное функционирование нарушается рано и глубоко. Не случайно по тяжести социальных последствий и по нарушению адаптации шизофрения продолжает лидировать в психиатрии. На сегодняшний день в структуре инвалидности по психическим заболеваниям практически половину составляют именно больные шизофренией. Высокий процент инвалидизации этих больных обуславливается не только процессом заболевания, но и влиянием на их социальное функционирование комплекса социально-средовых факторов. В рамках клинической психологии зарубежные исследования социальной компетентности во взрослом возрасте часто осуществляются на модели шизофрении, что объясняется значительным ухудшением социального функционирования таких людей. Большинство больных попадает в психиатрическую больницу по причине нарушения социальной адаптации и невозможности самостоятельно решить возникающие жизненные проблемы. По мнению многих авторов, основной причиной нарушения процесса общения у больных шизофренией является мотивационный дефицит в звене побуждения в деятельности общения, который приводит к значительному снижению коммуникативных способностей и социальных навыков, к сужению социального круга²⁴.

Ситуация, характеризующая состояние психического здоровья населения Саратовской области, отражает российские тенденции. Ежегодно

распространенность психических расстройств в области увеличивается в среднем на 0,8%²⁵.

Сегодня охрана и укрепление психического здоровья населения является одним из значимых направлений проводимой в Российской Федерации социальной политики в сфере здравоохранения. Она предполагает необходимость определения степени приоритетности различных нужд, условий, услуг, методов лечения, стратегий профилактики и пропаганды в области психического здоровья²⁶. Охрана психического здоровья населения – задача, связанная с принятием многочисленных решений, включающих разработку новых подходов к развитию системы обязательного медицинского страхования с учетом реалий настоящего времени, совершенствованием действующих экономических механизмов, требующая значительных финансовых затрат. Естественно, что в таких условиях актуализируется проблема социально ориентированного управления системой здравоохранения в целом и психиатрической службой в частности²⁷.

Среди факторов, оказывающих влияние на социальное функционирование больных, отмечаются пол, возраст, уровень образования и полученная специальность. Изменение трудового статуса сопровождалось повышением социальной и личной уязвимости пациентов. Возраст больных играет роль в их социальной адаптации как в связи с особенностями социального статуса и функционирования определенных возрастных групп, так и с возрастной динамикой психических расстройств²⁸.

Современная урбанизация может отрицательно сказываться на психическом здоровье с учетом воздействия увеличивающегося числа стрессовых факторов и неблагоприятных событий в жизни, таких как перенаселенность или загрязненность окружающей среды, бедность и зависимость от классовой экономики, высокий уровень насилия и низкий уровень социальной поддержки и многих других. Важна взаимосвязь между бедностью и психическими отклонениями, которая является сложной и многоплановой. Приблизительно половина городского населения в странах с низким и средним уровнем дохода живет в бедности, и десятки миллионов взрослых и детей являются бездомными. Обычно миграция не влечет за собой улучшения социального благосостояния. Бедность и состояния, с ней ассоциируемые, такие как девиации, безработица, низкий образовательный уровень, лишения и бездомность, распространены не только в бедных странах – они характерны также для меньшинства в богатых странах²⁹.

Возрастание числа лиц с невротическими нарушениями наблюдается, прежде всего, в развитых странах, что объясняется не только улучшением выявляемое нарушений психической деятельности, но и комплексом факторов, способствующих их истинному росту. Заболевания невротического круга, как правило, поражают

лиц трудоспособного возраста и зачастую оказываются причинами значительного снижения качества жизни больных, а также длительной и рецидивирующей нетрудоспособности³⁰. Это касается главным образом психических расстройств, занимающих промежуточное положение между психической нормой и выраженными нарушениями психики. Психическому здоровью человека наносится ущерб в результате сложных социальных процессов нашего времени: прессинга экономической неустойчивости, нарастания межнациональных конфликтов, искажения межчеловеческих отношений.

В настоящее время на фоне социально-экономической нестабильности в России нарастает неустойчивость психического состояния основной части населения. Ведущие отечественные эксперты в сфере охраны психического здоровья (Г.Г. Аракелов, В.В. Глебов, Ю.А. Александровский) отмечают, что резкие изменения практически всех аспектов нашей жизни, произошедшие после распада СССР, привели к экпсихологической катастрофе населения России, «коллективной травме». По их мнению, это выразилось в сложной цепи взаимосвязанных событий. Произошло существенное снижение продолжительности жизни, возросло количество разнообразных психических расстройств, связанных с резкой и неожиданной для большинства населения сменой политического режима. Продолжает внедряться и активно формируется общество потребителей. Эти изменения сильно повлияли на психическое здоровье наших людей. Начинает формироваться недоверие народа к действиям властей, усиливаемое политической, экономической и психологической нестабильностью, неверие в свое и детей будущее. Это основные факторы, приводящие к массовому дистрессированию населения, нарушению психологического благополучия – развитию депрессивных состояний у одних людей и резкую агрессию у других³¹.

Ю.А. Александровский отмечает, что постсоциалистический период привел к изменению общественного состояния, к смене жизненных ориентиров десятков миллионов людей, все большей обособленности частной жизни от государства. Развивающиеся вследствие этого массовые проявления состояний психоэмоционального перенапряжения и психической дезадаптации по существу являются следствием коллективной травмы, естественной экспериментальной моделью социально формируемых стрессовых расстройств³².

«Цена» психического нездоровья для общества поистине велика и определяется, кроме прямых затрат на оказание специализированной помощи лицам, страдающим психическими расстройствами, величиной недопроизведенного национального дохода вследствие исключения из производственного процесса психически больных с временной или стойкой утратой трудоспособности, а также затратами государства на

обеспечение разнообразных форм их социальной поддержки, занятостью членов семьи заботой о заболевшем и др., т.е. так называемыми косвенными расходами³³.

Важнейшее значение психического здоровья населения подчеркивается в резолюциях Совета Европейского Союза и ВОЗ в течение последних десятилетий, начиная с 1975 года. «Государства несут ответственность за уделение проблемам психического здоровья приоритетного внимания в своих планах в области здравоохранения»³⁴.

Люди, страдающие психическими заболеваниями, сталкиваются со стигматизацией и дискриминацией во всех частях света. Исторически сложилось, что отношение к психически больным людям выражалось презрением, согласно которому любые деяния таких лиц признавались «ненормальными». Подобное восприятие душевнобольных существовало на всех этапах государственности. Негативное представление о душевнобольных и психических заболеваниях складывалось в процессе развития общества и формирования мировоззрения: государственной политики, степени образованности и понимания причин и форм проявления психических болезней. В свою очередь, общественные предрассудки вызывают у больного человека и его родственников чувство неуверенности, стыда, страха, а также стремление скрыть симптомы заболевания, отгородиться от всех. Такая реакция приводит к более позднему обращению к психиатру, необоснованному отказу от лечения, а порой решению о самоубийстве³⁵.

В отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, отмечаются многочисленные нарушения прав человека и ограничение их свобод, а также ограничения в реализации гражданских, политических, экономических и социальных прав, что наблюдается как в учреждениях, так и на уровне сообществ. Для многих людей с психическими расстройствами физическое, сексуальное и психологическое насилие по отношению к ним является повседневным явлением. Эти люди сталкиваются с отторжением, несправедливыми отказами при поиске работы, дискриминацией при попытках обращения в различные службы, при получении медицинской страховки и жилья. Многие из этих событий не предаются огласке, и поэтому точное бремя психических расстройств остается неустановленным³⁶.

Проводимая в России социальная политика соответствует основным целям и задачам Европейского плана действий по охране психического здоровья. Однако масштабы ее деятельности ограничены ничтожным бюджетом и попытками социальной эксклюзии психических больных³⁷.

В соответствии с Европейским планом действия по укреплению и охране психического здоровья предлагаются пути осуществления и усиления комплексных стратегий охраны психического здоровья в странах Европейского региона

ВОЗ. Стратегия предусматривает деятельность по ряду направлений³⁸ в области охраны психического здоровья, среди которых разработка и усовершенствование государственной политики, конкретные программы по улучшению и сохранению психического здоровья населения.

Примечания

- ¹ Араkelов Г.Г., Глебов В.В. Формирование психического здоровья нации как основа демографического роста населения России. URL: <http://www.uvao.ru/prefect.phtml?RubricID=9844> (дата обращения: 14.11.2010).
- ² Гурович И.Я. Психическое здоровье населения и психиатрическая помощь в России // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. № 1 С. 3–9. URL: <http://psy.piter.com/library/?tp=l&rd=3&l=254> (дата обращения: 02.11.2010).
- ³ Абрамов В.А., Лебедев Д.С. Психическая дезадаптация // Журн. психиатрии и мед. психологии. 1996. № 1(2). С. 45–55.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Гурович И.Я., Пащикова Н.Г., Висневская Л.Я., Худавердиев В.В. Особенности клиники и социальной адаптации, больных шизофренией на этапе стабилизации // Шизофрения и расстройства шизофренического спектра. М., 1999. С. 77–96; Шизофрения и расстройства шизофренического спектра / А.Б. Смулевич (ред.). М., 1999. С. 77–97.
- ⁶ См.: Жигулина И.В. Особенности проявления госпитализма у хронически инвалидизированных пациентов общепсихиатрических отделений // Журн. психиатрии и мед. психологии. 2002. № 1(9). С. 60–65.
- ⁷ См.: Дмитриева Т.Е. Новые направления социальной психиатрии в системе совершенствования охраны общественного здоровья // XIV съезд психиатров России. М., 2005. С. 50–51.
- ⁸ Елисеев Ю.Ю. Психосоматические заболевания: справочник. URL: <http://www.booksmed.com/psixiatriya-psixologiya> (дата обращения: 23.09.2010).
- ⁹ Лифинцева А.А. О соотношении понятий «психическое здоровье» и «психологическое здоровье» в отечественных и зарубежных исследованиях // Психическое здоровье и личность в меняющемся мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Рос. гос. ун-т им. И. Канта. Калининград, 2006. С. 49–50.
- ¹⁰ См.: Бойко О.В., Герасимова Е.Ю., Григорьева Н.Ю., Чернецкая А.А. Охрана психического здоровья / Саратов. гос. техн. ун-т. Ч. 1. Саратов, 2003. С. 15.
- ¹¹ См.: Уманец А. Теоретический аспект проблемы психического здоровья личности // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. 2008. № 54. С. 67–72.
- ¹² Там же.
- ¹³ Лызь Н.А. О структуре психического здоровья человека // Изв. Таганрог. радиотехн. ун-та. 2004. Т. 41, № 6. С. 241–251.
- ¹⁴ См.: Голдобина О.А., Рыбалко М.И. Психическое здоровье: факторы, его определяющие; медико-социальная значимость; профилактика психических расстройств: метод. рек. / АГМУ. Барнаул, 2005. 28 с.

- 15 См.: *Бойко О.В.* Охрана психического здоровья: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 8–9.
- 16 *Голдобина О.А., Рыбалко М.И.* Психическое здоровье: факторы его определяющие; медико-социальная значимость; профилактика психических расстройств. С. 15.
- 17 См.: *Уманец А.* Теоретический аспект проблемы психического здоровья личности. С. 67–72.
- 18 См.: *Дмитриева Т.Б., Положий Б.С.* Психическое здоровье россиян // Человек. 2000. № 6. С. 21–31.
- 19 Там же.
- 20 См.: ВОЗ. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001. Женева, 2001. С. 3.
- 21 См.: *Александровский Ю.А.* Социально-стрессовые расстройства: клинико-социальная оценка и терапевтические возможности // XIV съезд психиатров России. М., 2005. С. 155.
- 22 Там же.
- 23 См.: *Иванова А.Е.* Проблемы оценки психического здоровья россиян // Социс. 1997. № 7. С. 82.
- 24 См.: *Шадрин В.Н.* Адаптационные возможности и оценка качества жизни больных шизофренией (клинические и социальные аспекты): автореф. дис. . . . канд. мед. наук. Томск, 2006. 24 с.
- 25 См.: *Ивлиева Е.В., Тенер Г.А.* Проблемы и перспективы охраны психического здоровья жителей Саратова: роль социальной работы // Профессионализация социального менеджмента: сб. науч. ст. Саратов, 2008. С. 235–236.
- 26 См.: ВОЗ. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001. С. 101.
- 27 См.: *Ивлиева Е.В., Тенер Г.А.* Охрана психического здоровья в контексте проблемы социально ориентированного управления системой здравоохранения // Профессионализация социального менеджмента. С. 88.
- 28 См.: *Петров Д.С.* Социальный феномен «стигматизации» психически больных // Взаимодействие науки и практики в современной психиатрии: материалы Рос. конф. с участием главных психиатров и наркологов, руководителей психиатрических и наркологических учреждений, Москва, 9–11 октября, 2007. М., 2007. С. 451–452.
- 29 См.: *Ивлиева Е.В., Тенер Г.А.* Охрана психического здоровья в контексте проблемы социально ориентированного управления системой здравоохранения. С. 88.
- 30 *Акжигитов Р.* Пограничные психические расстройства // Мед. газета. 2001. № 37 (27 мая). URL: <http://medgazeta.rusmedserv.com> (дата обращения: 11.12.07).
- 31 Там же.
- 32 См.: *Александровский Ю.А.* Социально-стрессовые расстройства: клинико-социальная оценка и терапевтические возможности. С. 155.
- 33 См.: *Голдобина О.А., Рыбалко М.И.* Психическое здоровье: факторы его определяющие; медико-социальная значимость; профилактика психических расстройств. С. 55.
- 34 Цит. по: *Савенко Ю.С.* Политика психического здоровья в России и ее приоритеты // Независимый психиатр. журн. 2006. № 22. URL: <http://www.npar.ra/journal> (дата обращения: 22.09.10).
- 35 См.: *Карякина О.И., Карякина Т.И.* // Основы реабилитации инвалидов. Волгоград, 1999. С. 61–63; Контекст психического здоровья: свод методических рекомендаций по вопросам политики и оказания услуг в области психического здоровья / ВОЗ. URL: http://www.who.int/mental_health/Mental_Health_Context_ras.pdf (дата обращения: 23.09.2010).
- 36 См.: *Левикова Е.В.* Социальная компетентность больных шизофренией подростков. Ч. 1. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 2(10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.09.2010).
- 37 См.: *Аракелов Г.Г., Глебов В.В.* Указ. соч.
- 38 См.: Европейская декларация по охране психического здоровья // Рос. психиатр. журн. 2005. № 4. С. 62–63.

УДК 314.12

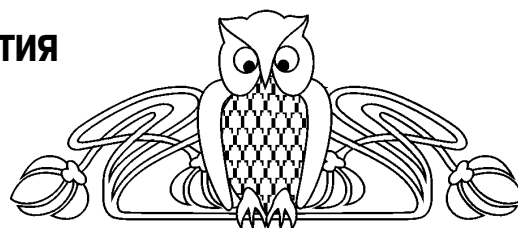
ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В.Я. Шклярчук

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kochetov@ssea.runnet.ru

В статье рассматриваются современные демографические проблемы и процессы формирования социально-демографического поведения населения.

Ключевые слова: демографические проблемы, здоровье, социально-демографическое поведение.

The Tendency of Demographic Development and Social-Demographic Behaviour of Population

V.Y. Shklyaruk

This article is considering modern demographic problems and processes of formation of social-demographic behaviour of population.

Key words: demographic problems, health, social-demographic behaviour.

- 15 См.: *Бойко О.В.* Охрана психического здоровья: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 8–9.
- 16 *Голдобина О.А., Рыбалко М.И.* Психическое здоровье: факторы его определяющие; медико-социальная значимость; профилактика психических расстройств. С. 15.
- 17 См.: *Уманец А.* Теоретический аспект проблемы психического здоровья личности. С. 67–72.
- 18 См.: *Дмитриева Т.Б., Положий Б.С.* Психическое здоровье россиян // Человек. 2000. № 6. С. 21–31.
- 19 Там же.
- 20 См.: ВОЗ. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001. Женева, 2001. С. 3.
- 21 См.: *Александровский Ю.А.* Социально-стрессовые расстройства: клинико-социальная оценка и терапевтические возможности // XIV съезд психиатров России. М., 2005. С. 155.
- 22 Там же.
- 23 См.: *Иванова А.Е.* Проблемы оценки психического здоровья россиян // Социс. 1997. № 7. С. 82.
- 24 См.: *Шадрин В.Н.* Адаптационные возможности и оценка качества жизни больных шизофренией (клинические и социальные аспекты): автореф. дис. . . . канд. мед. наук. Томск, 2006. 24 с.
- 25 См.: *Ивлиева Е.В., Тенер Г.А.* Проблемы и перспективы охраны психического здоровья жителей Саратова: роль социальной работы // Профессионализация социального менеджмента: сб. науч. ст. Саратов, 2008. С. 235–236.
- 26 См.: ВОЗ. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001. С. 101.
- 27 См.: *Ивлиева Е.В., Тенер Г.А.* Охрана психического здоровья в контексте проблемы социально ориентированного управления системой здравоохранения // Профессионализация социального менеджмента. С. 88.
- 28 См.: *Петров Д.С.* Социальный феномен «стигматизации» психически больных // Взаимодействие науки и практики в современной психиатрии: материалы Рос. конф. с участием главных психиатров и наркологов, руководителей психиатрических и наркологических учреждений, Москва, 9–11 октября, 2007. М., 2007. С. 451–452.
- 29 См.: *Ивлиева Е.В., Тенер Г.А.* Охрана психического здоровья в контексте проблемы социально ориентированного управления системой здравоохранения. С. 88.
- 30 *Акжигитов Р.* Пограничные психические расстройства // Мед. газета. 2001. № 37 (27 мая). URL: <http://medgazeta.rusmedserv.com> (дата обращения: 11.12.07).
- 31 Там же.
- 32 См.: *Александровский Ю.А.* Социально-стрессовые расстройства: клинико-социальная оценка и терапевтические возможности. С. 155.
- 33 См.: *Голдобина О.А., Рыбалко М.И.* Психическое здоровье: факторы его определяющие; медико-социальная значимость; профилактика психических расстройств. С. 55.
- 34 Цит. по: *Савенко Ю.С.* Политика психического здоровья в России и ее приоритеты // Независимый психиатр. журн. 2006. № 22. URL: <http://www.npar.ra/journal> (дата обращения: 22.09.10).
- 35 См.: *Карякина О.И., Карякина Т.И.* // Основы реабилитации инвалидов. Волгоград, 1999. С. 61–63; Контекст психического здоровья: свод методических рекомендаций по вопросам политики и оказания услуг в области психического здоровья / ВОЗ. URL: http://www.who.int/mental_health/Mental_Health_Context_ras.pdf (дата обращения: 23.09.2010).
- 36 См.: *Левикова Е.В.* Социальная компетентность больных шизофренией подростков. Ч. 1. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 2(10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.09.2010).
- 37 См.: *Аракелов Г.Г., Глебов В.В.* Указ. соч.
- 38 См.: Европейская декларация по охране психического здоровья // Рос. психиатр. журн. 2005. № 4. С. 62–63.

УДК 314.12

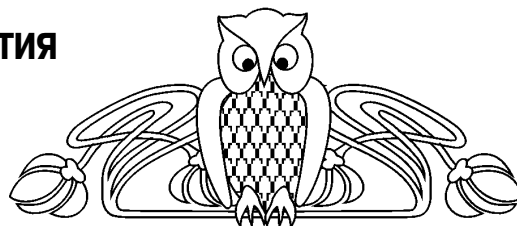
ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В.Я. Шклярчук

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kochetov@ssea.runnet.ru

В статье рассматриваются современные демографические проблемы и процессы формирования социально-демографического поведения населения.

Ключевые слова: демографические проблемы, здоровье, социально-демографическое поведение.

The Tendency of Demographic Development and Social-Demographic Behaviour of Population

V.Y. Shklyaruk

This article is considering modern demographic problems and processes of formation of social-demographic behaviour of population.

Key words: demographic problems, health, social-demographic behaviour.

Современная демографическая ситуация в России определяется как кризисная. Иногда встречаются и более жесткие определения, вплоть до катастрофы. Демографические процессы в стране сопровождаются устойчивой депопуляцией населения, ухудшением показателей здоровья человека, сокращением продолжительности жизни, высоким уровнем травматизма и инвалидизацией, которые требуют особого внимания личности к сохранению своего здоровья и к жизни в обществе. Нынешняя демографическая ситуация в значительной мере определяется демографическим прошлым страны, а будущее – соответственно, демографическим настоящим.

А.И. Антонов констатировал, что проблемы кризиса института семьи и депопуляции не находят должного понимания в России. Оценка будущей демографических изменений в 1994 г. была завышена Госкомстатом России, предполагавшим увеличение населения до 150 млн в 2000 г., 150,2 млн человек – в 2005 г. и лишь незначительное уменьшение до 148,9 млн в 2015 г. Более «оптимистическими» были оценки специалистов Бюро цензов США: 151,5, 155,9, и 159,3 млн человек соответственно в 2000, 2005 и 2015 годы. На этом фоне выделяются более осторожные оценки экспертов ООН, сделанные в 1994 г. – соответственно 145,5, 144,2 и 142,0 млн человек. Эти данные были уточнены в 1996 г. с учетом демографических тенденций 1994–1996 годов. По среднему варианту прогноза предполагалось 146,2 млн человек – в 2000 г.; 143,6 – в 2005 г.; 138,1 млн – в 2015 г. и 131,4 млн – в 2025 г. Прогнозировалась убыль населения на 20 млн россиян за счет сверхнизкого уровня рождаемости либо некоторого повышения его, но отстающего от уровня снижения смертности или же повышения средней продолжительности жизни¹.

Однако на деле, после Китая, Индии, США, Бразилии, наша страна попала в одну группу с Пакистаном и Японией. Две трети российской территории заселены так же, как и в эпоху неолита, – менее одного человека на квадратный километр. Другими словами, к востоку от Урала демографическая пустыня накладывается на географическую. Плотность населения России (12 чел. на кв. км.) в 3 раза меньше среднемировой и в 30 раз меньше, чем в Японии, Бельгии и других европейских странах. Убыль 50 млн населения неизбежно явится фактором разрушения территориальной целостности государства². Население России составляет приблизительно 143,2 млн чел. В результате сложившейся ситуации оно каждый год сокращается примерно на 900 тыс. чел., по данным Госкомстата РФ, к 2016 г. составит в среднем 138,1 млн чел. Согласно прогнозам, которые содержит доклад ООН «Население мира в 2005 году», население России к 2050 г. сократится примерно на 31 млн чел. и составит 111,8 млн чел. Отечественный прогноз, составленный Госкомстатом, является более пессимистичным. По его

данным, к 2050 г. останется 93,8 млн чел. Это приведет страну к демографической катастрофе и создаст реальную угрозу ее суверенитету, территориальной целостности и государственной независимости. Именно поэтому в настоящее время демографическая ситуация, сложившаяся в России, требует особого внимания со стороны общества и государства, которое признает задачу по ее улучшению приоритетной³.

Современные демографические проблемы в России, приведшие к катастрофической устойчивой депопуляции, которая сопровождается старением населения, ухудшением показателей здоровья человека, сокращением продолжительности жизни, настоятельно требуют особого подхода к поведению индивида в социуме. А это значит – формированию иных поведенческих принципов, создающих благоприятную почву для демографического поведения населения, его самосохранительного поведения.

Необходим пересмотр «традиционных» опор образа жизни, человеческого поведения, которые ставят под угрозу не только общечеловеческие основы цивилизации и культуры, но даже самосохранение человека. На повестке дня – социальное управление ценностными ориентациями населения.

Вопрос о роли демографического фактора в развитии человеческого общества ставили еще античные авторы. Внимание специалистов давно приковано к переменам в демографическом поведении населения. Наиболее развернутая характеристика демографических исследований в отечественной литературе дана в работах Д.И. Валентей, А.Я. Боярского и др.⁴ Термин «демография» зародился в трудах А. Гийяра (Франция). Демографические исследования XIX в. находились под влиянием биологического детерминизма Т. Мальтуса, существовали демографические концепции «органического» направления (М. Садлер, Т. Дабддей, Г. Спенсер). Параллельно разрабатывался математический и статистический аппарат демографии. В конце XIX – начале XX в. доминировало развитие наук о народонаселении. Благодаря Ж. Бертильону, возникло направление социальной демографии. Именно в это время были разработаны методы демографического анализа – «демографической сетки» (В. Лексис и др.); идеи нетто-коэффициента воспроизводства населения (Р. Бек, Германия); метод стандартизации демографических коэффициентов (У. Фарр, Великобритания); метод построения таблиц смертности (В.Я. Буныковский, Россия)⁵.

Знание, накопленное в этой области, изначально теоретически отражалось в концепциях формальной демографии, анализирующей взаимосвязь показателей воспроизводства населения. В XX в. на Западе доминировали теория предпочтительности демографической политики по сравнению со спонтанным социально-экономическим развитием, концепции «глобального демографи-

ческого развития», «международной стратегии регулирования роста населения мира», демографического перехода и демографической революции (А. Ландри, Д. Коугил, Ф. Нотенштейн, Д. Ноан, А. Омран и др.)⁶.

По мере развития демографии как самостоятельной науки концептуализировалось понятие демографической революции, или демографического перехода, которая сегодня рассматривается как наиболее широкое обобщающее объяснение демографических процессов.

Одно из наиболее ярких проявлений демографической модернизации (в том числе в России) – огромное увеличение ожидаемой продолжительности жизни к началу 60-х гг. XX века. Однако последующая стагнация на фоне продолжающихся успехов других промышленно развитых стран указывает на то, что модернизация в России приостановилась. Ее «мобилизационные» советские методы быстро выдохлись, вошли в противоречие с ее собственным содержанием.

Важным фактором изменения социально-демографического поведения в связи с данным переходом можно считать уровень урбанизации. Формирование городского типа демографического поведения, для которого характерен более низкий, по сравнению с крестьянским, уровень рождаемости, происходило в России медленнее, чем в Западной Европе. Как показывают исследования Б.Н. Миронова, до середины XVIII в. репродуктивное поведение русских горожан и крестьян было однотипным и характеризовалось высокой брачностью, нерегулируемой рождаемостью и высокой смертностью. Однако в крестьянской среде естественный прирост населения был в 2,3 раза выше, чем в городе. Процесс дифференциации репродуктивного поведения начался в России во второй половине XVIII века. Однотипность, свойственная предыдущим эпохам, была нарушена появлением в городской среде нового «рационального» типа семейного и репродуктивного поведения. Во многих западноевропейских странах этот переход начался приблизительно в то же время. Однако доля горожан в населении России была незначительной, и наметившаяся дифференциация не повлияла на общую картину репродуктивных установок⁷.

Сегодня и в нашей стране запретность внутрисемейного регулирования деторождения сменилась его дозволенностью и широким распространением, пассивность и бессилие в борьбе со смертью – эффективной активностью. Эта линия демографической модернизации России наметилась еще в начале XX в., когда появились новые формы и нормы демографического поведения, соответствующие обновившейся системе отношений в российском обществе. Урбанизация, рост территориальной подвижности населения, признание свободы эмиграции, установление контроля над новыми и новыми причинами смерти, «современивание» семьи, эмансипация

женщин, детей и пожилых, переход к новому типу демографического равновесия (низкая смертность – низкая рождаемость) – все это очень радикальные перемены. Они необыкновенно расширяют пространство индивидуальной и коллективной свободы, открывают новые пути реализации человеческих потенций – и это тоже результат XX века⁸. Разрушая устоявшиеся, окостеневшие отношения и представления, модернизационные перемены вступают в конфликт с ними, что само по себе порождает немалые напряжения в обществе; разрешая одни проблемы, они в то же время порождают новые. На линиях этих новых напряжений возникают и новые кризисы, которые чаще всего отражают неготовность общества своевременно ответить на новые вызовы истории⁹.

Названные тенденции сами по себе настолько значительны, что позволяют говорить о смене одного типа демографического поведения другим. Право человека на свободу выбора своего демографического поведения постепенно исторически утверждалась вместе с переходом сообществ к рыночным капиталистическим отношениям. Переход к данному типу поведения знаменуется тем, что человек впервые в истории действительно превращается в лицо, принимающее решения. В соответствии с ним демографическое поведение рассматривается как самостоятельное и суверенное, имеющее свою собственную систему социальной детерминации, но взаимосвязанную с другими видами поведения. По мнению западногерманского демографа Шарлотты Хён, использовать понятие «демографическое поведение» уместно лишь применительно к ситуации, о которой можно говорить, о принятии человеком решения в условиях выбора¹⁰.

Возрастающая индивидуализация личности, развитие внутреннего мира человека создали предпосылки вытеснения экзогенных мотивов эндогенными, небывало возросла роль компонентов мотивации, связывающих каждый поступок человека с его внутренними, личными, индивидуальными переживаниями, стремлениями, целями.

Теперь рождение ребенка уже не автоматическое следствие достижения определенного возраста и вступления в брак, а, как правило, результат сознательно принятого решения, которое, в свою очередь, является следствием социально ориентированного рационального выбора демографических целей и средств их достижения. Оно складывается в поисковом процессе, в непрерывном сопоставлении демографических целей и ценностей с другими социальными целями и ценностями, равно как с биологическими, экономическими, нравственными и прочими возможностями. Рациональность проявляется в постоянном присутствии элементов расчета, прогнозирования, оценивания ситуации с учетом уже достигнутых целей, меняющихся возможностей и т.п., в стремлении активно воздействовать на процесс достижения целей, сделать его более

эффективным и благодаря этому повысить степень реализации последних.

Таким образом, перед современным человеком всегда открыто множество путей, бесчисленное количество вариантов их прохождения. Он может вступить или не вступить в брак, родить или не родить ребенка, совершить тот или иной шаг сейчас или через некоторое время. «Основной принцип, механизм свободного выбора на уровне индивидуального существования – альтернативность, альтернативное построение жизни, в том числе мира целей»¹¹. Вышеизложенный подход можно охарактеризовать как появление демографического самосознания, то есть как осознание индивидом самостоятельной экзистенциальной ценности демографического поведения и его результатов.

Можно сделать вывод о том, что развитое демографическое самосознание и ориентирует человека в мире бесчисленных альтернатив, позволяет ему с достаточной полнотой судить о своих демографических интересах и формировать собственную стратегию поведения, отказавшись, в частности, от рождения ребенка в погоне за другими ценностями материальным благополучием, образованием, служебным положением.

В настоящее время решить демографические проблемы традиционными методами вряд ли удастся. Во всяком случае именно об этом говорит предшествующий опыт. Очевидно, на решение демографических проблем в России нужно взглянуть по-новому, более широко. В этих целях мероприятия демографической политики следует рассматривать как коммерческий проект государства. Здесь вполне уместно говорить об использовании принципов маркетинга, т.е. анализа демографических процессов, направленных на выявление групп населения, демографическое поведение которых можно изменить; проведение экономических расчетов и оценок рисков и издержек, которые понесет общество, проводя такую политику. Маркетинг позволит осуществить адресную деятельность в области демографического поведения в отношении различных групп населения¹².

С целью внедрения в практику основных направлений концепции сохранения жизни, укрепления здоровья и продления творческого долголетия человека нами были введены в методическую подготовку специалистов по вопросам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций объектов экономики и учреждений Ленинского района г. Саратова ряд предложений.

1. Проведение учебно-методических семинаров (первый четверг месяца, в течение 2009–2010 гг); участии семинара – уполномоченные по вопросам ГО и ЧС объектов экономики и учреждений.

Тематика семинаров:

- Профилактика девиантного поведения производственного персонала;
- Формирование мотивационно ценностных установок на здоровье сберегающее поведение;

- Формирование экологической культуры личности;

- Адаптация человека к отрицательным факторам окружающей среды.

2. Проведение мониторинга состояния здоровья отдельных социально-демографических групп производственного персонала объектов экономики.

3. Разработка и внедрение плакатов по профилактике рисков для здоровья:

- «Воздействие никотина на здоровье человека»;

- «Влияние алкоголя на организм человека».

На основе повышения методического уровня знаний специалистов ГО и ЧС были разработаны планы на объектах экономики в соответствии с тематикой семинаров, направленных на профилактику девиантного поведения рабочих и служащих, повышение экологической культуры. По результатам отчетов и проверок было установлено, что уровень посещаемости в спортивных секциях за период 2009–2010 гг. повысился на 7,3% и в группах здоровья на 10,4%. Это связано не только с повышением уровня и качества профилактической работы, но и с обустройством спортивно-технической базы многих предприятий и качеством социальных услуг, предложенных коллективом объектов экономики.

Проведенный анализ результатов оценки и самооценки состояния здоровья отдельных социально-демографических групп производственного персонала объектов экономики выявил повышение уровня социального самочувствия и настроения в производственных коллективах отдельных предприятий.

На основе анализа отчетов, представленных объектами экономики и учреждений Ленинского района г. Саратова, было выявлено снижение уровня девиантного поведения рабочих и служащих: отказ от курения на 4,0%, уменьшение употребление алкоголя на 7,0%. И что существенно, уменьшилось количество обращаемости за медицинской помощью на 12,0% (в течение 2009–2010 гг).

Таким образом, можно говорить о положительных тенденциях в социально-демографическом поведении групп населения: повороте к здоровому образу жизни, повышении экологической культуры и формировании самосохранительного поведения личности.

Примечания

- ¹ Антонов А.И. Демографическое будущее России: демопопуляция навсегда? // Социс. 1999. № 3. С. 80–87.
- ² Там же.
- ³ Филитов С.В. Демографическая катастрофа в Российской Федерации // Здоровый образ жизни для всех возрастов: сб. науч. ст. (по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 23 ноября 2006 г.). Саратов, 2007. С. 53–54.

- ⁴ Боярский А.Я. Статистика населения. М., 1938.
- ⁵ Валентей Д.И., Зверева Н.В. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М., 1978.
- ⁶ Зверева Н.В. Исследование системы демографического поведения и развитие теории воспроизводства населения // I Всерос. социол. конгресс: тез. докл. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000---0kongress->.
- ⁷ Миронов Б.Н. Комплексные методы в историко-демографических исследованиях: Урбанизация в России XVIII – первой половины XIX в. // Комплексные методы в исторических исследованиях: тез. докл. и сообщ. науч. совещания. 3–5 февр. 1988 г. М., 1989. С. 30–32.
- ⁸ Населения России в XX веке / предисл. ред. номера А. Вишневого // Мир России. Universe of Russia. Социология, этнология. 1999. Спец. номер журн., посвящ. населению России в XX в. Т. VIII, № 4(24).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Hohn Ch. Women and development – a fical issue of transition, culture and religion // Демографическое поведение и его изменения: докл. VII Междунар. демограф. семинара. Берлин, 1986.
- ¹¹ Галецкий В.Ф. Демографические аспекты устойчивого развития России // Проблемы прогнозирования. 2005. № 6. С. 170.
- ¹² Там же.

Слово молодым социологам

УДК 316.2(470+571)(09)+929

В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НАРОДНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Н.В. Чумичева

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социологические взгляды В.В. Берви-Флеровского (1829–1918), выдающегося теоретика народнического движения в России. Особое внимание уделяется раскрытию сущности и значения разработанной им методики эмпирических исследований положения российского крестьянства и рабочего класса.

Ключевые слова: народничество, народническая социология, методы эмпирического исследования, крестьянство, рабочий класс.

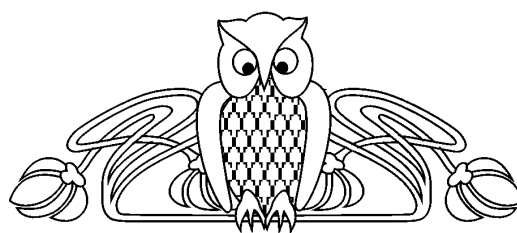
V.V. Bervi-Flerovski as an Eminent Representative of Narodnik Sociology

N.V. Chumichyova

The paper considers the sociological views of V.V. Bervi-Flerovski (1829–1918), a distinguished theoretician of the narodnik movement in Russia. Special attention is paid to exposure of the essence and significance of his technique of empirical studies of the status of the Russian peasantry and proletariat.

Key words: narodnik movement, narodnik sociology, technique of empirical study, peasantry, proletariat.

В процессе формирования и развития отечественной социологии значительную роль сыграло народническое направление, выражавшее интересы и чаяния неимущих и угнетенных слоев российского общества. Это направление дало целую плеяду ярких и оригинальных мыслителей (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, В.П. Воронцов, С.Н. Южаков и др.). Видное место в этой плеяде занимает Василий Васильевич

Берви (1829–1918), получивший известность под псевдонимом «Флеровский».

Талантливый исследователь, неутомимый собиратель фактов и вдумчивый теоретик, Флеровский проявил себя в разных сферах общественно-политической жизни – в социологии, политической экономии, философии, политической науке, пробовал свои силы как беллетрист. К сожалению, его общественно-политическая и литературная деятельность и весьма значительное научное и публицистическое наследие – около 50-ти печатных работ – до сих пор недостаточно изучены. Между тем многие работы Флеровского заслуживают пристального внимания современного читателя, поскольку не только имеют историческое значение, но и содержат мысли и идеи, не утратившие своей ценности в наши дни.

Во всех своих произведениях Флеровский выступает страстным критиком крепостничества и его последствий, негативных сторон капитализма, горячим патриотом Родины, защитником интересов народа и прежде всего выразителем надежд и чаяний многомиллионного крестьянства. Он сумел объективно и красочно нарисовать картину социально-экономического состояния тогдашней России, показать безысходное, тяжелое положение, нищету и бесправие трудящихся масс. Следует подчеркнуть и то, что Флеровский не ограничивался лишь описанием социальных противоречий и неурядиц. Он стремится раскрыть те причины, которые привели общество в такое состояние, систематизировать причинно-следственные связи, чтобы представить целостную и объективную концепцию исторической

- ⁴ Боярский А.Я. Статистика населения. М., 1938.
- ⁵ Валентей Д.И., Зверева Н.В. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М., 1978.
- ⁶ Зверева Н.В. Исследование системы демографического поведения и развитие теории воспроизводства населения // I Всерос. социол. конгресс: тез. докл. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000---0kongress->.
- ⁷ Миронов Б.Н. Комплексные методы в историко-демографических исследованиях: Урбанизация в России XVIII – первой половины XIX в. // Комплексные методы в исторических исследованиях: тез. докл. и сообщ. науч. совещания. 3–5 февр. 1988 г. М., 1989. С. 30–32.
- ⁸ Населения России в XX веке / предисл. ред. номера А. Вишневого // Мир России. Universe of Russia. Социология, этнология. 1999. Спец. номер журн., посвящ. населению России в XX в. Т. VIII, № 4(24).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Hohn Ch. Women and development – a fical issue of transition, culture and religion // Демографическое поведение и его изменения: докл. VII Междунар. демограф. семинара. Берлин, 1986.
- ¹¹ Галецкий В.Ф. Демографические аспекты устойчивого развития России // Проблемы прогнозирования. 2005. № 6. С. 170.
- ¹² Там же.

Слово молодым социологам

УДК 316.2(470+571)(09)+929

В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НАРОДНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Н.В. Чумичева

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социологические взгляды В.В. Берви-Флеровского (1829–1918), выдающегося теоретика народнического движения в России. Особое внимание уделяется раскрытию сущности и значения разработанной им методики эмпирических исследований положения российского крестьянства и рабочего класса.

Ключевые слова: народничество, народническая социология, методы эмпирического исследования, крестьянство, рабочий класс.

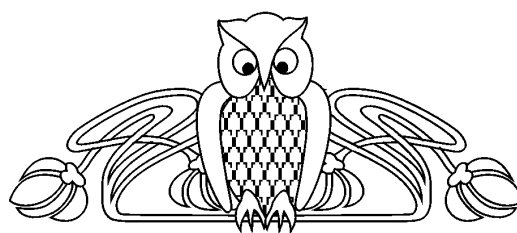
V.V. Bervi-Flerovski as an Eminent Representative of Narodnik Sociology

N.V. Chumichyova

The paper considers the sociological views of V.V. Bervi-Flerovski (1829–1918), a distinguished theoretician of the narodnik movement in Russia. Special attention is paid to exposure of the essence and significance of his technique of empirical studies of the status of the Russian peasantry and proletariat.

Key words: narodnik movement, narodnik sociology, technique of empirical study, peasantry, proletariat.

В процессе формирования и развития отечественной социологии значительную роль сыграло народническое направление, выражавшее интересы и чаяния неимущих и угнетенных слоев российского общества. Это направление дало целую плеяду ярких и оригинальных мыслителей (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, В.П. Воронцов, С.Н. Южаков и др.). Видное место в этой плеяде занимает Василий Васильевич

Берви (1829–1918), получивший известность под псевдонимом «Флеровский».

Талантливый исследователь, неутомимый собиратель фактов и вдумчивый теоретик, Флеровский проявил себя в разных сферах общественно-политической жизни – в социологии, политической экономии, философии, политической науке, пробовал свои силы как беллетрист. К сожалению, его общественно-политическая и литературная деятельность и весьма значительное научное и публицистическое наследие – около 50-ти печатных работ – до сих пор недостаточно изучены. Между тем многие работы Флеровского заслуживают пристального внимания современного читателя, поскольку не только имеют историческое значение, но и содержат мысли и идеи, не утратившие своей ценности в наши дни.

Во всех своих произведениях Флеровский выступает страстным критиком крепостничества и его последствий, негативных сторон капитализма, горячим патриотом Родины, защитником интересов народа и прежде всего выразителем надежд и чаяний многомиллионного крестьянства. Он сумел объективно и красочно нарисовать картину социально-экономического состояния тогдашней России, показать безысходное, тяжелое положение, нищету и бесправие трудящихся масс. Следует подчеркнуть и то, что Флеровский не ограничивался лишь описанием социальных противоречий и неурядиц. Он стремится раскрыть те причины, которые привели общество в такое состояние, систематизировать причинно-следственные связи, чтобы представить целостную и объективную концепцию исторической

судьбы русского народа в его прошлом, настоящим и будущем.

Долгий жизненный путь Флеровского был бесконечно трудным, полным тяжелых лишений, преследований и скитаний. Окончив в 1849 г. юридический факультет Казанского университета, он поступил на службу в министерство юстиции. Успешная карьера молодого чиновника была прервана арестом в 1862 году. Поводом послужило его выступление в защиту тринадцати тверских земских посредников, отказавшихся проводить в жизнь законы о крестьянской реформе, принятые в 1861 г., считая их несправедливыми и губительными для крестьянства. Они были арестованы и преданы суду. Надворный советник Берви, дерзнувший протестовать против полицейского произвола и апеллировать к общественному мнению, был объявлен умалишенным, опасным для общества, восемь месяцев провел в психиатрической клинике, затем был признан здоровым и отправлен в ссылку в г. Астрахань.

Так началась для В.В. Берви долгая жизненная полоса мытарств – арестов, ссылок, жительства под полицейским надзором в глухом захолустье. За четверть века, начиная с его первого ареста в 1862 г. и до освобождения от полицейского надзора в 1886 г., под конвоем жандармов он проехал 19 тыс. верст, 3500 верст прошел пешком по этапу, сидел в 32 острогах, несколько лет провел в одиночном заключении, побывал в сибирской ссылке, проживал под строгим надзором в уединенных городах Астраханской губернии. Гонения, которым подвергался он в течение 25 лет, исковеркали всю его жизнь. «Даже не всякому каторжанину, – вспоминал Берви о своей горькой участи, – приходилось переносить, сколько переносили мы, съедаемые паразитами на этапах»¹.

Но ни постоянные скитания, ни тюрьмы, ни полицейские издевательства не сломили Берви-Флеровского. Этот сильный, мужественный человек гордо, с достоинством переносил все тяготы судьбы, у него никогда не расхолилось слово и дело, никогда не шел он на сделку с совестью. Добродушный и мягкий по натуре, он становился непреклонным, когда дело касалось принципов. Главными принципами исследователя были научный объективизм, добросовестность в подборе и изложении фактов и приверженность высоким нравственным идеалам. Флеровский, как и все его единомышленники, открыто заявлял о своей солидарности с трудящимися и считал всякое угнетение недопустимым с нравственной точки зрения.

В 1869 г., находясь в очередной ссылке, Флеровский публикует свой главный труд – «Положение рабочего класса в России». Автор начинает книгу такими словами: «В этом сочинении я имел в виду отвлечь наше общество от погони за мелочными целями, которые ему выставляют как великие насущные потребности, разными заинтересованными сторонами, или которыми

стараясь занять его страсти, придавая им вид прекрасной прогрессивной деятельности. Я старался показать, какая на нем лежит действительно великая обязанность, и если с первого взгляда это великое дело покажется ему неосуществимым, то пусть же оно подумает о нем серьезно. Только с серьезной думой, с глубоким чувством можно совершать действительно прекрасное...» От этой обязанности, подчеркивает автор, образованный человек «не имеет право отречься, или же должен отречься также и тот человеческого своего достоинства»².

В этих словах заключено многое. «Серьезная дума» и «глубокое чувство» – вот что, по Флеровскому, отличает настоящего гражданина, патриота, гуманиста, вот что определяет его человеческое достоинство. Образованный, мыслящий человек не должен увлекаться мелочными целями – ориентиром его деятельности служит высокий нравственный идеал. Для Флеровского это не декларация, а естественная норма поведения, которой он следовал и в многогранной исследовательской работе.

Поэтому далеко не случайным является столь частое применение Флеровским этических категорий для оценки социальных явлений и характеристики представителей различных социальных групп. Он решительно осуждает властолюбие и самодурство царских чиновников, жадность и холодный цинизм стяжателей-капиталистов и кулаков-мироедов, праздность и безответственность помещиков, бесчеловечную жестокость европейских империалистов. В то же время Флеровский призывает высоко ценить и воспитывать «такое прекрасное и изящное свойство человеческой души, как склонность жить мировой жизнью»³.

Впрочем, использование моральных критериев при оценке социальных фактов характерно для всех без исключения идеологов народничества, которые открыто и безоговорочно осуждали все формы социального угнетения и выражали сочувствие трудящимся массам. Значение нравственного начала в общественной жизни подчеркивали Белинский и Добролюбов, Герцен и Чернышевский и другие представители передовой общественной мысли России. «Нравственно», «справедливо», «разумно и полезно» – таковы те категории, с которыми Лавров и Михайловский обращались к вопросам социального развития. Поэтому идеологические противники часто упрекали социологов-народников в излишней «морализации» и «субъективизме», в чрезмерном сгущении красок при изображении темных сторон российской действительности. Но эти упреки вряд ли можно считать обоснованными.

Флеровского невозможно обвинять в искажении истины, в пристрастном и одностороннем отборе и изложении фактов. Будучи сыном своего времени, он, разумеется, подвергался воздействию различных общественных течений,

направлений, школ – как научных, так и утопических. Но он всегда оставался самим собой и не был эклектиком, безумно использующим чужие идеи. Исследователь сумел разработать свои методологические подходы к изучению социальной жизни, руководствуясь прежде всего принципом объективности и правдивости. Особенно успешно и плодотворно он использовал метод наблюдения, традиционно занимающий важное место в арсенале социологической науки.

Еще в молодости, работая в министерстве юстиции, Флеровский познакомился с жизнью сословия чиновников, на себе испытал унижительное и бедственное положение низших чинов, произвол и высокомерие высших сановников. Одновременно он наблюдал и изучал жизнь и быт разных сословий столицы: высших классов, промышленных рабочих, мещан, кустарей. В дальнейшем, после ареста в 1862 г. в течение почти четверти века, Флеровский изездил и исходил всю Россию из края в край. При этом он тщательно собирал сведения о хозяйственной жизни, условиях труда и быта различных социальных групп. Сам Флеровский впоследствии писал, что чем больше он занимался изучением реального положения трудового народа, тем больший энтузиазм овладевал им и тем более он убеждался, что для того чтобы «добраться до истинны» и вникнуть в суть проблемы, чтобы знать, чем живут крестьянин и рабочий и что их интересует, недостаточно изредка заглядывать в курные крестьянские избы или в рабочие казармы. Чтобы понять весь ужас положения народа, подчеркивал он, надо пожить среди простых людей, наблюдать их повседневно и ежечасно, и дома, и на работе, и в холодную зиму и в весеннюю бескормицу, и в праздник и будни, надо попробовать их пищу, видеть их лохмотья, ту грязь, которой они окружены, проследить бесконечную вереницу их бед и неудач, унижений и произвола со стороны власть имущих. Только тогда все полученные впечатления, мало-помалу прославившись друг на друга, дадут истинное представление о положении различных групп трудящегося населения.

Именно так и поступил Флеровский во время своих переездов из одного конца России в другой.

В Астрахани немало времени он проводил у рыбаков и садоводов, изучал экономику края. В Сибири, исполняя канцелярскую работу в конторах золотопромышленников и заводчиков, Флеровский по делам службы бывал в сотнях деревень, на десятках приисков, в мастерских, беседовал с крестьянами, рабочими-золотоискателями. По пути из Томска в Вологду, который он в основном прошел пешком и который длился три с половиной месяца, Флеровский наблюдал жизнь и быт населения губерний, через которые пролегал его путь, беседовал и с арестантами, и с людьми разных сословий, рассказывавших ему о своей непростой судьбе.

Но не только уникальные по своей широте и многообразию личные наблюдения служили

Флеровскому материалом для социологического исследования. Он весьма умело и эффективно применял документальный метод, анализируя главным образом обширный статистический материал, статьи и сведения местных наблюдателей, данные губернской статистики, которые еще никем и никогда не были разработаны и использованы. Сравнивая эти данные со своими наблюдениями и собранными им материалами по этим же вопросам, Флеровский приходит к выводу, что всякие «утешительные речи и писания» о благоденствии и зажиточности трудящихся масс России являются лживыми. «Я убеждался, – писал он, – что Россия – страна повального пауперизма... Безучастие к страданиям рабочих людей превосходило всё, что можно было встретить»⁴.

Книга Флеровского произвела потрясающее впечатление буквально на все слои тогдашнего общества и особенно на молодое поколение 60–70-х гг. XIX века. «Такой книги, – писал участник народнического движения О.В. Аптекман, – в то время еще не было... Как современник я без преувеличения могу засвидетельствовать, что появление этой книги было призывным набатом, раздувшимся неожиданно в тиши глубокой ночи: спящие, проснитесь! Всё мыслящее общество встрепенулось, особенно молодежь»⁵.

В то время социологическая наука находилась еще на этапе становления. Флеровскому пришлось разрабатывать методику эмпирических исследований самостоятельно, исходя из собственного опыта, интуиции и здравого смысла. Тем не менее ему удалось правдиво показать положение различных слоев трудового населения после Великой реформы 1861 г., которая впервые выявилась в том виде, в котором она была в действительности. «Впервые, – указывал О.В. Аптекман, – мы узнали дополнительно, что она действительно дала народу. И потрясающая картина народного разорения, обнищания, пауперизма встала перед нами...»⁶.

Следует отметить еще одну важную особенность книги «Положение рабочего класса в России» и других произведений Флеровского. Им свойственна своеобразная художественная манера живого и яркого «письма с натуры», по сути дела, художественная форма с образными иллюстрациями, выразительными примерами, оживляющими сухой язык статистических выкладок и социологических обобщений. Если сравнить красочный, эмоциональный стиль Флеровского с тяжелым, «суконным стилем многих современных авторов, то сравнение это будет явно не в пользу последних. «Положение рабочего класса в России», как и написанная позднее «Азбука социальных наук» и другие научные статьи и публицистические очерки Флеровского привлекали читателей не только богатством мыслей, силой и убедительностью аргументации, но и яркой эмоциональностью тона и непосредственной живостью оценок и образов, пейзажей и авторских отступлений. Отсюда их широкая доступность и популярность в среде

массового демократического читателя. Автор обращался не только к разуму, но и к совести, к сердцам соотечественников, и, безусловно, находил в них отклик, рождавший горячее сочувствие к судьбе обездоленных слоев населения. Как свидетельствует современник, «Положение рабочего класса» ярко выпуклым содержанием его, богатством и разнообразием красок, выхваченных из самой гущи народной жизни, кровью сердца написанными страницами будило наше чувство, заставляло биться наши сердца, возбуждая в нас беззаветную преданность и любовь к народу»⁷.

Книги, написанные не кабинетным ученым по источникам, полученным из десятых рук, а человеком, видевшим всё собственными глазами, испытавшим многое на себе, книги, пронизанные искренней любовью к народу, сочувствием к его страданиям, – такие книги не могли в тех условиях не произвести огромное впечатление на все общество, особенно на молодежь, которая готовилась «идти в народ» и нуждалась в пособии, объясняющем действительное положение народа. Как свидетельствуют современники, «Положение рабочего класса» «Азбука социальных наук» были настольными книгами тогдашней радикально настроенной молодежи, по популярности их можно сравнить со знаменитыми «Историческими письмами» Миртова (Лаврова) и романом «Что делать?» Чернышевского.

Историческая роль Берви-Флеровского состоит в том, что наряду с Герценом и Чернышевским, Лавровым и Михайловским, он является идеоло-

гом и вдохновителем народнического движения. К сожалению, должным образом не оценен его вклад в становление русской социологии. Флеровский впервые систематически и эффективно применил разработанную им методику эмпирического исследования для решения злободневных для того времени социальных проблем. В этом отношении он был первопроходцем, смело ставившим и решавшим новые по своему характеру теоретические и методологические задачи. Для нас, людей XXI в. Флеровский остается не только выдающимся ученым, одним из основоположников отечественной социологии, но и неутомимым искателем истины, стремившимся к осуществлению великих принципов свободы и социальной справедливости.

Примечания

- ¹ Флеровский Н. (Берви В.В.) Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 140.
- ² Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 33.
- ³ Там же. С. 130.
- ⁴ Берви-Флеровский В. Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929. С. 122.
- ⁵ Антекман О.В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л., 1925. С. 164–165.
- ⁶ Антекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 73.
- ⁷ Там же. С. 75.

УДК 316.334.2

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О.Ю. Быстряков

Саратовский государственный университет
E-mail: oleg.b.1212@yandex.ru

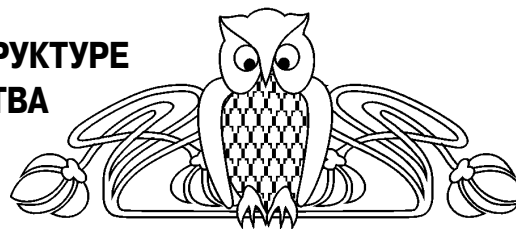
В статье дано определение социального слоя военнослужащих, показано его место в структуре современного общества, также затронут вопрос о специфике слоя военнослужащих. Приведена авторская стратификационная модель социальной группы военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, социальный слой, социальный статус, стратификационная структура.

Military Mans in the Social Structure of Modern Society

O.Yu. Bystryakov

In the article the author considers such aspects, as definition of a social stratum given by classical authors, a social stratum of servicemen especially, its place in the modern social hierarchy commit, a question of specificity of a social group of servicemen. The author of the article offers his own classification of presence of servicemen in various social strata.

Key words: military mans, social stratum, social status, stratification structure.

Военнослужащие представляют собой социальную группу, состоящую из индивидуальных субъектов права, осуществляющих определенные социально необходимые функции и выполняющих задачи в учрежденных и действующих государственных органах и организациях, в которых законом предусмотрена военная служба¹. Военнослужащие являются своего рода персоналом, обеспечивающим исполнение функций указанных органов и организаций.

В рамках теоретического подхода к изучению социальной стратификации обобщенная оценка предполагает наличие «совокупного социального статуса», под которым подразумевается место индивида в иерархии социальных

массового демократического читателя. Автор обращался не только к разуму, но и к совести, к сердцам соотечественников, и, безусловно, находил в них отклик, рождавший горячее сочувствие к судьбе обездоленных слоев населения. Как свидетельствует современник, «Положение рабочего класса» ярко выпуклым содержанием его, богатством и разнообразием красок, выхваченных из самой гущи народной жизни, кровью сердца написанными страницами будило наше чувство, заставляло биться наши сердца, возбуждая в нас беззаветную преданность и любовь к народу»⁷.

Книги, написанные не кабинетным ученым по источникам, полученным из десятых рук, а человеком, видевшим всё собственными глазами, испытавшим многое на себе, книги, пронизанные искренней любовью к народу, сочувствием к его страданиям, – такие книги не могли в тех условиях не произвести огромное впечатление на все общество, особенно на молодежь, которая готовилась «идти в народ» и нуждалась в пособии, объясняющем действительное положение народа. Как свидетельствуют современники, «Положение рабочего класса» «Азбука социальных наук» были настольными книгами тогдашней радикально настроенной молодежи, по популярности их можно сравнить со знаменитыми «Историческими письмами» Миртова (Лаврова) и романом «Что делать?» Чернышевского.

Историческая роль Берви-Флеровского состоит в том, что наряду с Герценом и Чернышевским, Лавровым и Михайловским, он является идеоло-

гом и вдохновителем народнического движения. К сожалению, должным образом не оценен его вклад в становление русской социологии. Флеровский впервые систематически и эффективно применил разработанную им методику эмпирического исследования для решения злободневных для того времени социальных проблем. В этом отношении он был первопроходцем, смело ставившим и решавшим новые по своему характеру теоретические и методологические задачи. Для нас, людей XXI в. Флеровский остается не только выдающимся ученым, одним из основоположников отечественной социологии, но и неутомимым искателем истины, стремившимся к осуществлению великих принципов свободы и социальной справедливости.

Примечания

- ¹ Флеровский Н. (Берви В.В.) Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 140.
- ² Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 33.
- ³ Там же. С. 130.
- ⁴ Берви-Флеровский В. Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929. С. 122.
- ⁵ Антекман О.В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л., 1925. С. 164–165.
- ⁶ Антекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 73.
- ⁷ Там же. С. 75.

УДК 316.334.2

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О.Ю. Быстряков

Саратовский государственный университет
E-mail: oleg.b.1212@yandex.ru

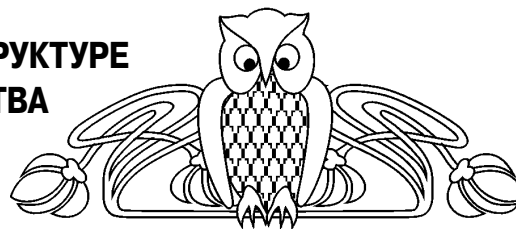
В статье дано определение социального слоя военнослужащих, показано его место в структуре современного общества, также затронут вопрос о специфике слоя военнослужащих. Приведена авторская стратификационная модель социальной группы военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, социальный слой, социальный статус, стратификационная структура.

Military Mans in the Social Structure of Modern Society

O.Yu. Bystryakov

In the article the author considers such aspects, as definition of a social stratum given by classical authors, a social stratum of servicemen especially, its place in the modern social hierarchy commit, a question of specificity of a social group of servicemen. The author of the article offers his own classification of presence of servicemen in various social strata.

Key words: military mans, social stratum, social status, stratification structure.

Военнослужащие представляют собой социальную группу, состоящую из индивидуальных субъектов права, осуществляющих определенные социально необходимые функции и выполняющих задачи в учрежденных и действующих государственных органах и организациях, в которых законом предусмотрена военная служба¹. Военнослужащие являются своего рода персоналом, обеспечивающим исполнение функций указанных органов и организаций.

В рамках теоретического подхода к изучению социальной стратификации обобщенная оценка предполагает наличие «совокупного социального статуса», под которым подразумевается место индивида в иерархии социальных

оценок, базирующееся на некотором типе кумулятивной оценки всех занимаемых статусов и всех наград, которые он способен получить². Однако далеко не всегда оценка (награда) адекватна социальной позиции, занимаемой индивидом. Нередко получается так, что занимаемая человеком позиция является довольно высокой, а ее оценка обществом – низкой.

Предполагаются самые различные теоретические схемы, объясняющие расслоение современного российского общества³. Наибольшее признание получила стратификационная модель, разработанная академиком Т.И. Заславской на базе данных, полученных в ходе мониторинговых исследований. В стратификационной структуре современного российского общества Т.И. Заславская выделила четыре слоя: верхний, средний, базовый и нижний⁴.

Верхний слой (6% занятого населения) образуют элитные и субэлитные группы, занимающие важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах. Это политические лидеры, верхушка государственного аппарата, значительная часть генералитета, руководители промышленных корпораций и банков, преуспевающие предприниматели и бизнесмены, видные деятели науки и культуры. Это самый образованный слой: две трети его представителей имеют высшее образование. Уровень доходов этого слоя в 10 раз превышает доходы нижнего слоя и в 6–7 раз доходы базового слоя. Таким образом, верхний слой обладает самым мощным экономическим и интеллектуальным потенциалом и имеет возможность оказывать прямое влияние на процессы реформ.

Средний слой (18% занятого населения) состоит из мелких и средних предпринимателей, полупредпринимателей, менеджеров средних и небольших предприятий, представителей среднего государственного аппарата, администраторов непроизводственной сферы, старших офицеров, лиц интеллектуальных профессий, фермеров, наиболее квалифицированных рабочих и служащих. Почти 60% из них заняты в негосударственном секторе. Уровень образования представителей этого слоя значительно выше, чем в среднем по стране, однако несколько ниже по сравнению с верхним слоем. По уровню доходов средний слой существенно уступает верхнему слою, и соответственно социальное самочувствие его заметно хуже⁵.

Базовый слой (66% занятого населения) включает лиц, занятых преимущественно в государственном секторе экономики. К нему относятся рабочие индустриального типа, значительная часть интеллигенции (специалисты), полуинтеллигенция (помощники специалистов), служащие из технического персонала, основная масса военнослужащих, работники массовых профессий торговли и сервиса, а также большая часть крестьянства. Хотя потребности,

интересы и ценностные ориентации групп, составляющих базовый слой, весьма различна: это приспособление к изменяющимся условиям с целью выжить и по возможности сохранить достигнутый статус.

Нижний слой (10% занятого населения) обладает наименьшим профессионально-квалифицированным и трудовым потенциалом.

В приведенной стратификационной модели военнослужащие, согласно своему штатно-должностному положению, присутствуют в каждом из этих социальных слоев. Такой вывод можно сделать, исходя из наличия у военнослужащих определенного уровня образования и должности. Но, несмотря на это, военнослужащие являются отдельной социальной категорией, социальным слоем. В доказательство можно привести исторически сложившийся факт, что при делении общества на касты, военнослужащим всегда отводилась отдельная ниша, для которой существовали свои правила, законы, ответственность и материальное обеспечение. Также доказательством достаточно значимого положения военнослужащих является тот факт, что во все времена, они были хранителями порядка и дисциплины. Военнослужащие никогда не оставались без поддержки государства⁶.

На современном этапе положение военнослужащих, так называемое «страна в стране», осталось неизменным. Согласно Закону⁷ военнослужащие ставятся в рамки специфичных нормативно-правовых документов, которые расписывают их жизнь ситуативно: ставят ограничения, оговаривают ответственность, права и обязанности, а главное, ставят общественные интересы выше личных. Военнослужащие живут по своему распорядку, они не могут быть предоставлены сами себе, а всегда действуют в рамках законов и Устава. Существует военная прокуратура, на территории частей есть все необходимые службы: санитарная часть, столовая, отделение банка, швейная мастерская, отдел кадров, финансовая часть, баня, склады, гаражи, ремонтные мастерские и многое другое, необходимое для жизнедеятельности и несения службы. Материальное обеспечение военнослужащих всегда идет в ногу со временем и ориентируется на реальное состояние экономики страны, так как армия – это необходимый инструмент, находящийся всегда в боевой готовности на случай нестабильной обстановки в государстве. Государством предприняты все шаги, чтобы обособить военнослужащих в отдельный социальный слой для достижения целей государственных масштабов.

Важная особенность состоит в том, что военнослужащие являются «мобильным» слоем, в процессе службы получая дополнительное образование и продвигаясь по карьерной лестнице. Вспомним исторический факт. В 1722 г. Петр I, который ввел «Табель о рангах». Согласно

этому документу военные, находясь на службе у государя и добросовестно выполняя свой долг, могли перемещаться по карьерной лестнице. Современные военнослужащие получают образование и выслугу, что позволяет относить их не к базовому, а уже к среднему слою⁸. Далее, в процессе службы, с каждым новым званием и заслугами перед государством, а также возможностью получения дополнительного образования они все более приближаются к высшему социальному слою.

В соответствии с вышесказанным вырисовывается авторская стратификационная модель социальной группы военнослужащих.

1. Рядовой состав (младшие специалисты). Эта группа составляет около 74%, она представлена рядовыми, сержантами, старшинами. Должностные обязанности включают в себя действия, не имеющие большой ответственности и властных полномочий. Образование общее среднее и среднее специальное. Доход этой группы варьирует в зависимости от условий прохождения военной службы и места прохождения, от 7000 руб. в месяц. Престиж и самоидентификация на начальной стадии.

2. Офицерский состав (младший и старший офицерский состав) – 25,92%, лейтенанты, капитаны, майоры, подполковники, полковники. Должностные обязанности заключаются в подготовке, обучении рядового состава (младший офицерский состав), управление деятельностью младшего офицерского состава, в случае необходимости взаимодействие с органами государственной власти (старший офицерский состав). Образование высшее и академическое, доход также в зависимости от условий, характера и места прохождения службы (от 13 000 руб. в месяц). Престиж возрастает. Самоидентификация приобретает внешние очертания.

3. Генералитет – 0,08%; генералы, высший командный состав, координация деятельности всех нижестоящих военнослужащих, образование – Академия Генштаба, доход зависит от выслуги лет, полномочий и выполняемых функций. Престиж считается самым высоким по уровню, самоидентификация достигла предела.

Учитывая деление военнослужащих на группы, рассмотрим главные критерии, являющиеся источником классификации.

Начальным критерием является звание. Оно дается при поступлении на военную службу и повышается в процессе прохождения службы и выслуги лет. В зависимости от звания формируется положение военнослужащего в воинской среде и занимаемая им должность. Должностные обязанности законодательно определяются спецификой занимаемого положения в связи с характером прохождения службы.

Следующим критерием является образование. Эта классификация самая простая: здесь можно выделить военнослужащих, только по-

ступивших на службу (рядовой состав), военнослужащих с высшим образованием (юридическим, экономическим) и тех, кто окончил академии, имеющих ученую степень и звание. Естественно, что образование напрямую связано с выслугой. Чем больше выслуга, тем больше возможности у военнослужащих получить более высокое образование.

Еще один немаловажный критерий – это уровень дохода⁹. Здесь имеются два главных условия: характер и место прохождения военной службы. Военная служба подразделяется на службу в мирное время, службу в период военных действий, период постоянной боевой готовности, службу в условиях сурового климата Севера и т.д. Место прохождения военной службы также имеет огромное значение для расчета оплаты. Немаловажную роль играет регион прохождения службы, естественно, денежное довольствие военнослужащего должно отвечать экономической ситуации и платежеспособности в данном регионе. Таким образом, размер денежного довольствия в областном центре будет значительно выше, чем на окраине. В свою очередь, на Севере ввиду климатических условий и на Кавказе в период военных действий оплата будет существенно отличаться.

Престиж и самоидентификация – это два субъективных критерия, которые, в принципе, являются взаимодополняющими. Если проанализировать перечисленные выше критерии, то их совокупность и составляет престиж военной профессии, а также самоидентификацию военнослужащих как незаменимый и полезный слой общества, направляющая деятельность которого заключается в обеспечении территориальной целостности и поддержании конституционного порядка.

В последнее время создана огромная правовая база, направленная на регламентацию деятельности военнослужащих в период прохождения ими военной службы и в период увольнения с нее¹⁰. Существующая историческая база и современное законодательство, а также специфичная деятельность военнослужащих выделяют их в особое звено социальной цепи общества.

Примечания

- 1 См.: *Большова Т.Е.* Военнослужащие. Российская энциклопедия социальной работы. М., 2003.
- 2 См.: *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социс. 1999. № 5. С. 4–12.
- 3 См.: *Шкартан О.И.* Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. № 1. С. 2–7.
- 4 См.: *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 31–34.
- 5 См.: *Андреев А.И.* Средний класс в России: социологический прогноз. СПб., 2007. С. 34–36.

- ⁶ См.: Актуальные вопросы развития военно-гражданских отношений / под общ. ред. Н.А. Чалдымова. М., 2007. 380 с.
- ⁷ Федеральный Закон от 27.05.1998. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (принят ГД ФС РФ 06.03.1998, ред. ФЗ от 09.02.2009. № 1-ФЗ).
- ⁸ См.: *Анисимов В.И.* Социальная справедливость как фактор повышения эффективности деятельности во-

енных кадров: Философско-социологический анализ. М., 2005. С. 5–9.

- ⁹ См.: *Ермолин А., Бунтман С.* Грядет реформа денежного довольствия // Рос. воен. обозрение. 2010. № 2(73). Февраль. С. 14.

- ¹⁰ См.: *Постников А.* Под силу любая задача // Рос. воен. обозрение. 2010. № 3(74). Март. С. 8.

УДК 316.334.3(470+571)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.Л. Трёмбовецкая

Саратовский государственный университет
E-mail: morne@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социологического подхода к исследованию проблемы власти, который заключается в дифференцированном подходе к потребностям, реализующимся на уровне общества, социальной группы, личности. Также в работе представлено несколько различных методологических подходов к изучению феномена власти.

Ключевые слова: власть, реляционные концепции власти, отношение населения к власти, доверие, рейтинг.

Features of the Sociological Approach to Studying Power in Modern Russia

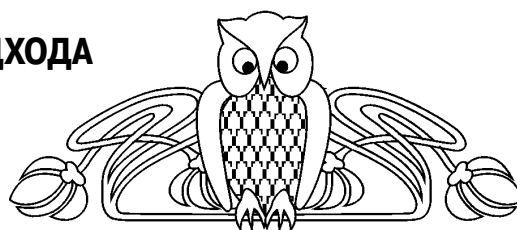
V.L. Trembovetskaya

The paper discusses peculiarities of the sociological approach to exploring the problem of power, which is in a differential approach to necessities at the level of a community, social group, or individual. The paper also presents several different methodological approaches to studying the phenomenon of power.

Key words: power, relational concepts of power, population's attitude to power, trust, rating.

Несмотря на актуальность и признанное значение власти, степень теоретической и практической изученности их в российской социологии нельзя считать достаточной. Все говорят о наличии феномена власти, но зачастую достаточно серьезная работа с ним вызывает сложности как в методике и технике, так и в применении полученных о нем знаний на практике.

Проблема власти в социологии трактуется неоднозначно, довольно четко просматривается несколько различных методологических подходов к изучению этого феномена. В основе одного из таких подходов лежит стремление рассматривать власть как социальное отношение, неравное, асимметричное по своей природе, где один из участников отношения имеет больше возможностей и прав влиять на другого. Дей-

ствительно, субъект и объект власти находятся в определенных отношениях, которые принято называть властными. Вместе с тем сама власть и возможность влиять на других зависят не только от власти предрержащих, но и от тех личностей или организованных систем, на которые оказывается влияние. Реальной, абсолютной власти не существует, так как никто не в состоянии влиять на людей во всех ситуациях.

Можно заметить, что любая совокупность людей выступает в виде иерархически организованной системы, основой которой является существование высших и низших слоев. Сущностью этой дифференциации людей является и неравномерное распределение власти и авторитета, прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличие или отсутствие социально-значимых ценностей. Конкретные проявления политической, экономической, профессиональной и др. дифференциаций весьма многочисленны и как правило теснейшим образом переплетены. Любая организованная система предполагает четко обозначенные социальные зависимости, возникающие между людьми, живущими в одном обществе, либо зависимости, возникающие из сознательных воздействий друг на друга.

Социологический подход к исследованию проблемы власти заключается в дифференцированном подходе к потребностям, реализующимся на уровне общества, социальной группы, личности. Каждый из этих уровней обладает своеобразием и собственной логикой развития. В то же время они взаимопроникают друг в друга, образуя довольно пеструю картину человеческих стремлений, желаний и мотивов, трансформирующихся в то или иное отношение к властным структурам, которые организованы и функционируют не только в разных сферах общества, но и на всех уровнях его социальной структуры: общественном, который охватывает наиболее сложные социальные и политические отношения; публичном или ассоциативном, объединяющем различные

- ⁶ См.: Актуальные вопросы развития военно-гражданских отношений / под общ. ред. Н.А. Чалдымова. М., 2007. 380 с.
- ⁷ Федеральный Закон от 27.05.1998. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (принят ГД ФС РФ 06.03.1998, ред. ФЗ от 09.02.2009. № 1-ФЗ).
- ⁸ См.: *Анисимов В.И.* Социальная справедливость как фактор повышения эффективности деятельности во-

енных кадров: Философско-социологический анализ. М., 2005. С. 5–9.

- ⁹ См.: *Ермолин А., Бунтман С.* Грядет реформа денежного довольствия // Рос. воен. обозрение. 2010. № 2(73). Февраль. С. 14.

- ¹⁰ См.: *Постников А.* Под силу любая задача // Рос. воен. обозрение. 2010. № 3(74). Март. С. 8.

УДК 316.334.3(470+571)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.Л. Трёмбовецкая

Саратовский государственный университет
E-mail: morne@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социологического подхода к исследованию проблемы власти, который заключается в дифференцированном подходе к потребностям, реализующимся на уровне общества, социальной группы, личности. Также в работе представлено несколько различных методологических подходов к изучению феномена власти.

Ключевые слова: власть, реляционные концепции власти, отношение населения к власти, доверие, рейтинг.

Features of the Sociological Approach to Studying Power in Modern Russia

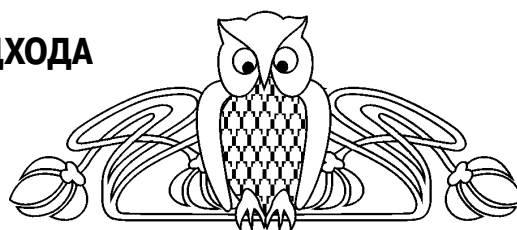
V.L. Trembovetskaya

The paper discusses peculiarities of the sociological approach to exploring the problem of power, which is in a differential approach to necessities at the level of a community, social group, or individual. The paper also presents several different methodological approaches to studying the phenomenon of power.

Key words: power, relational concepts of power, population's attitude to power, trust, rating.

Несмотря на актуальность и признанное значение власти, степень теоретической и практической изученности их в российской социологии нельзя считать достаточной. Все говорят о наличии феномена власти, но зачастую достаточно серьезная работа с ним вызывает сложности как в методике и технике, так и в применении полученных о нем знаний на практике.

Проблема власти в социологии трактуется неоднозначно, довольно четко просматривается несколько различных методологических подходов к изучению этого феномена. В основе одного из таких подходов лежит стремление рассматривать власть как социальное отношение, неравное, асимметричное по своей природе, где один из участников отношения имеет больше возможностей и прав влиять на другого. Дей-

ствительно, субъект и объект власти находятся в определенных отношениях, которые принято называть властными. Вместе с тем сама власть и возможность влиять на других зависят не только от власти предрержащих, но и от тех личностей или организованных систем, на которые оказывается влияние. Реальной, абсолютной власти не существует, так как никто не в состоянии влиять на людей во всех ситуациях.

Можно заметить, что любая совокупность людей выступает в виде иерархически организованной системы, основой которой является существование высших и низших слоев. Сущностью этой дифференциации людей является и неравномерное распределение власти и авторитета, прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличие или отсутствие социально-значимых ценностей. Конкретные проявления политической, экономической, профессиональной и др. дифференциаций весьма многочисленны и как правило теснейшим образом переплетены. Любая организованная система предполагает четко обозначенные социальные зависимости, возникающие между людьми, живущими в одном обществе, либо зависимости, возникающие из сознательных воздействий друг на друга.

Социологический подход к исследованию проблемы власти заключается в дифференцированном подходе к потребностям, реализующимся на уровне общества, социальной группы, личности. Каждый из этих уровней обладает своеобразием и собственной логикой развития. В то же время они взаимопроникают друг в друга, образуя довольно пеструю картину человеческих стремлений, желаний и мотивов, трансформирующихся в то или иное отношение к властным структурам, которые организованы и функционируют не только в разных сферах общества, но и на всех уровнях его социальной структуры: общественном, который охватывает наиболее сложные социальные и политические отношения; публичном или ассоциативном, объединяющем различные

коллективы и отношения в них; а также личном, в малых группах. При этом на всех уровнях власть определенным образом институционализируется и иерархизируется. Власть на всех уровнях может разделяться на два типа: легальную или официальную и нелегальную (теневую).

Совокупность же всех уровней и типов власти образует общую структуру власти, имеющую пирамидальное строение. На вершине – президент, правительство, парламент, в основании – общество в целом, между ними – множество ступеней, на которых располагаются различные «господствующие силы» – партии, группы единомышленников, руководство регионов, областей, городов.

Власть в обществе можно анализировать по сферам общественной деятельности, в этом случае речь может идти об экономической, военной, государственной, политической и т.п. власти. Важнейшими видами власти в современном обществе является государственная и политическая власть. Следуют подчеркнуть, что между ними нельзя ставить знак тождества, хотя они и тесно взаимосвязаны между собой.

Современные социологические концептуальные подходы к пониманию власти можно с некоторой степенью условности разделить:

- 1) на волевые (силовые и потенциальные);
- 2) реляционные;
- 3) системные;
- 4) составные (сложные)¹.

Реляционные концепции власти трактуют власть как отношение между двумя партнерами, в котором один индивид (субъект властных отношений) оказывает на другого индивида (объект властных отношений) определяющее влияние. Данный подход к пониманию власти является достаточно узким, поскольку трактует власть как асимметричное межличностное отношение, где присутствуют субъект и объект власти:

– теория «подавления – сопротивления» (Д. Картрайт, Д. Френч, Б. Рейвен) рассматривает такие властные отношения, в которых субъект власти тем или иным способом подавляет сопротивление объекта, который, в свою очередь, противодействует этому влиянию в той или иной степени;

– теория борьбы за обладание ресурсами (П. Блау, Д. Хиксон, К. Хайнингс) основана на неравномерном распределении ресурсов между сторонами (эти ресурсы имеют статус «редких» или «важных», то есть представляют большую ценность для обоих);

– теория раздела зон влияния (Д. Ронг) позволяет избавиться от асимметричности властных отношений, учитывая тот факт, что роли участников постоянно меняются, жестко не закреплены.

Подобно реляционным концепциям власти, бихевиористский подход исходит из ее трактовки как отношения между людьми, причем акцент делается на мотивы, определяющие поведение людей в борьбе за власть. В рамках подхода можно

выделить следующие импульсы к властвованию: природное стремление к власти (присущее всем индивидам), стремление к обогащению и привилегиям, которые дает власть, стремление к самоутверждению и проч.

Системные концепции допускают трактовку власти на трех уровнях:

- власть – свойство или атрибут макросоциальной системы (макроуровень);
- власть рассматривается на уровне конкретной системы: семьи, организации, властной структуры (мезоуровень);
- взаимодействие индивидов, действующих в рамках специфической социальной системы (микроуровень).

Таким образом, методологический анализ проблемы власти показывает, что еще предстоит пройти непростой и достаточно долгий путь от общесоциологической теории власти до завершения институционализации политической социологии как отрасли социологического знания.

Отношение населения к власти складывается под влиянием определенных факторов. Основными детерминантами могут быть как психологические особенности и характеристика самой власти, которые ей приписывают воспринимающие, так и личные особенности тех, кто воспринимает власть.

Доверие – ключевой и одновременно самый двойственный момент в отношении к власти из-за его субъективного, эмоционального характера.

По сравнению с городскими жителями, у сельских респондентов в 72,2% случаев уровень доверия к представителям федеральной власти выше среднего. Это связано с тем, что население сел благодаря автономности и независимости от государственных властных структур сохранило традиционное представление о федеральной власти².

Местную власть сельское население оценивает по тому, насколько успешно должностные лица решают наиболее острые вопросы их жизнедеятельности. Так, по мнению 81,3% опрошенных респондентов, село, в котором они проживают, находится в упадке. Возможность смены респондентами места жительства есть лишь у 23,5% опрошенных, а стремление к переезду возникает у 17% респондентов, преимущественно мужского пола в возрасте от 20 до 29 лет и женского пола в возрасте от 30 до 35 лет. Поэтому оценка уровня доверия к местной власти сельскими респондентами в 100% случаях имеет негативную окраску.

Отношение сельских респондентов к региональной власти характеризуется уровнем их политической просвещенности и активности. Назвать фамилии главы региона, основных чиновников и направления их профессиональной деятельности могут 43% сельских респондентов, среди городских респондентов этот процент составляет 27%. 60,7% сельских респондентов участвуют в общественно-политической жизни села и региона

в целом. Наиболее распространенными формами политического участия респондентов являются членство в политических партиях – 46,2% опрошенных респондентов и участие респондентов в митинге – 39% опрошенных.

Таким образом, при решении проблемы увеличения доверия сельского населения к власти ключевым вопросом должно являться повышение эффективности функционирования местной власти путем модернизации профессиональной подготовки и переподготовки, а также выдвижение на руководящую должность чиновников местного уровня.

Социальное самочувствие городских респондентов (по материальному положению) выше, чем у сельских. 62,8% опрошенных уверены, что их материальное положение в ближайшее время улучшится, 31,2% считают, что жизнь останется на прежнем уровне.

Уровень доверия к федеральным политическим институтам как символам страны у респондентов достаточно высок. Институт президентства городские респонденты при выявлении рейтинга доверия ставят на первое место. Однако деятельность В.В. Путина, как личностного субъекта общественно-политических отношений, 56% респондентов оценивают ниже среднего значения. Среди основных качеств, которыми, по мнению респондентов, обладает В.В. Путин, можно выделить интеллектуальные качества (15,4%), коррумпированность (9,4%), эгоистичность (9,1%).

Губернатора П.Л. Ипатова городские респонденты характеризуют как хозяйственника (12,1%), честного (10,5%) чиновника, обладающего интеллектуальными качествами (9,1%). Уровень доверия к губернатору Саратовской области у 53% опрошенных городских респондентов выше среднего. Уровень доверия к региональным чиновникам высоко коррелируется с оценкой их деятельности.

УДК 316.334.3-056(470.44)

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ИНВАЛИДАМИ В XXI ВЕКЕ (региональный аспект)

М.Е. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ABR1986@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социальной защищенности лиц с ограниченными возможностями, проблемы социальной политики в Российской Федерации, вопросы создания безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями, проблемы государственной политики социальной поддержки инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, социальная политика, социальная реабилитации, социальная защищенность, социальная помощь.

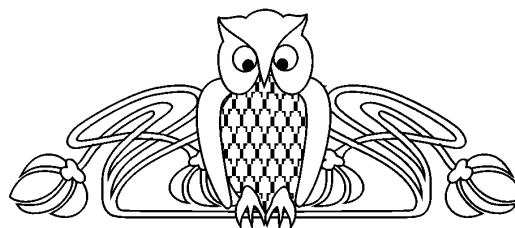
Таким образом, мы видим, что рейтинг региональных чиновников превышает рейтинг чиновников федеральных. Саратовская область одна из многих областей, в которой активными темпами происходит развитие регионального самосознания. Данное явление связано не только с различиями в историческом прошлом страны, но и в особенностях социально-экономического развития регионов, политической культуре и типе взаимодействия власти и общества.

Эта тенденция распространяется на Красноярский и Приморский края, Свердловскую, Камчатскую и Амурскую область³.

При анализе общественно-политической жизни городских респондентов на первый план выходит проблема оторванности власти от общества. Необходимо ликвидировать существующий разрыв за счет создания новых, реально функционирующих политических структур, имеющих промежуточный характер между федеральной и региональной властью, региональной и местной, привлечь новые средства для активизации политической активности населения г. Саратова, а также разработать методы и формы диалога государства с различными территориальными общностями, сформировать общественное мнение населения страны.

Примечания

- ¹ См.: Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе [и др.]. М., 1989. 328 с.
- ² Авторское исследование проводилось в июле 2005 г. по бесповторной квотной стратифицированной выборке методом раздаточного анкетирования. В ходе сбора первичной информации было опрошено 318 человек г. Саратова и с. Новопокровка Балашовского района Саратовской области в возрасте от 18 до 75 лет.
- ³ URL: <http://wciom.ru/issledovanijapolitika/ehlektoralnyeh-issledovaniya.html>.

**Social Work with Disabled Persons in the 21 Century
(a Regional Aspect)**

M.E. Abrosimova

The paper considers features of the social protection of disabled persons, social policy problems in the Russian Federation, questions of creating a barrierless medium for disabled persons, problems of the state policy of social support of invalids.

Key words: disablement, social policy, social rehabilitation, social protection, social aid.

в целом. Наиболее распространенными формами политического участия респондентов являются членство в политических партиях – 46,2% опрошенных респондентов и участие респондентов в митинге – 39% опрошенных.

Таким образом, при решении проблемы увеличения доверия сельского населения к власти ключевым вопросом должно являться повышение эффективности функционирования местной власти путем модернизации профессиональной подготовки и переподготовки, а также выдвижение на руководящую должность чиновников местного уровня.

Социальное самочувствие городских респондентов (по материальному положению) выше, чем у сельских. 62,8% опрошенных уверены, что их материальное положение в ближайшее время улучшится, 31,2% считают, что жизнь останется на прежнем уровне.

Уровень доверия к федеральным политическим институтам как символам страны у респондентов достаточно высок. Институт президентства городские респонденты при выявлении рейтинга доверия ставят на первое место. Однако деятельность В.В. Путина, как личностного субъекта общественно-политических отношений, 56% респондентов оценивают ниже среднего значения. Среди основных качеств, которыми, по мнению респондентов, обладает В.В. Путин, можно выделить интеллектуальные качества (15,4%), коррумпированность (9,4%), эгоистичность (9,1%).

Губернатора П.Л. Ипатова городские респонденты характеризуют как хозяйственника (12,1%), честного (10,5%) чиновника, обладающего интеллектуальными качествами (9,1%). Уровень доверия к губернатору Саратовской области у 53% опрошенных городских респондентов выше среднего. Уровень доверия к региональным чиновникам высоко коррелируется с оценкой их деятельности.

УДК 316.334.3-056(470.44)

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ИНВАЛИДАМИ В XXI ВЕКЕ (региональный аспект)

М.Е. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ABR1986@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социальной защищенности лиц с ограниченными возможностями, проблемы социальной политики в Российской Федерации, вопросы создания безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями, проблемы государственной политики социальной поддержки инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, социальная политика, социальная реабилитации, социальная защищенность, социальная помощь.

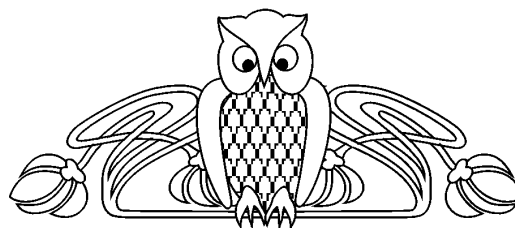
Таким образом, мы видим, что рейтинг региональных чиновников превышает рейтинг чиновников федеральных. Саратовская область одна из многих областей, в которой активными темпами происходит развитие регионального самосознания. Данное явление связано не только с различиями в историческом прошлом страны, но и в особенностях социально-экономического развития регионов, политической культуре и типе взаимодействия власти и общества.

Эта тенденция распространяется на Красноярский и Приморский края, Свердловскую, Камчатскую и Амурскую область³.

При анализе общественно-политической жизни городских респондентов на первый план выходит проблема оторванности власти от общества. Необходимо ликвидировать существующий разрыв за счет создания новых, реально функционирующих политических структур, имеющих промежуточный характер между федеральной и региональной властью, региональной и местной, привлечь новые средства для активизации политической активности населения г. Саратова, а также разработать методы и формы диалога государства с различными территориальными общностями, сформировать общественное мнение населения страны.

Примечания

- ¹ См.: Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе [и др.]. М., 1989. 328 с.
- ² Авторское исследование проводилось в июле 2005 г. по бесповторной квотной стратифицированной выборке методом раздаточного анкетирования. В ходе сбора первичной информации было опрошено 318 человек г. Саратова и с. Новопокровка Балашовского района Саратовской области в возрасте от 18 до 75 лет.
- ³ URL: <http://wciom.ru/issledovanijapolitika/ehlektoralnyeh-issledovaniya.html>.

**Social Work with Disabled Persons in the 21 Century
(a Regional Aspect)**

М.Е. Abrosimova

The paper considers features of the social protection of disabled persons, social policy problems in the Russian Federation, questions of creating a barrierless medium for disabled persons, problems of the state policy of social support of invalids.

Key words: disablement, social policy, social rehabilitation, social protection, social aid.

Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не может ни одно общество, и каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов. Однако возможности общества в борьбе с инвалидностью как социальным злом в конечном итоге определяются не только степенью понимания самой проблемы, но и существующими экономическими ресурсами. Конечно, масштаб инвалидности зависит от множества факторов, как-то: состояние здоровья нации, развитие системы здравоохранения, социально-экономическое развитие, состояние экологической среды, исторические и политические причины, в частности, участие в войнах и военных конфликтах. В России все из перечисленных факторов имеют ярко выраженную негативную направленность, которая предопределяет значительное распространение инвалидности в обществе.

Социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями – одна из наиболее важных и трудных задач современных систем социальной помощи и социального обслуживания.

В современном российском обществе быстрыми темпами актуализируется проблема социальной защищенности наиболее уязвимых слоев населения. Люди с ограниченными возможностями, являясь по своему составу достаточно многочисленной группой населения, ощущают необходимость легитимного воздействия со стороны общества. Сегодня в Российской Федерации более 13 млн человек официально признаны инвалидами¹. Процессы, происходящие в экономической, социальной, правовой сферах российского общества XXI в., влекут в дальнейшем рост числа этой категории населения.

Несмотря на то, что в современном российском обществе число лиц, имеющих инвалидность, возрастает, количество учреждений, ведущих работу по оказанию социальной, социально-медицинской, материальной и другой помощи таким гражданам, по отношению с западными развитыми государствами остается низким. Одной из важнейших проблем инвалидов российского общества, практически всех периодов его существования, является их невключенность в общественное производство, так как только часть регионов активно занимается созданием рабочих мест для лиц с ограниченными возможностями, что негативно сказывается на их материальном положении и психологическом состоянии.

Исторически сложилось так, что социальная политика в России, ориентированная на людей, имеющих инвалидность, строится сегодня на основе медицинской модели инвалидности. Опираясь на эту модель, инвалидность рассматривается в большей степени как недуг, заболевание, патология. Вследствие такого подхода реальная социальная помощь инвалидам снижает их со-

циальную значимость, ослабляет их интеграцию в общество, обрекает их на признание своего неравенства, неконкурентоспособности по сравнению с другими «здоровыми» людьми. Совершенно понятно, что медицинская модель предполагает лечение, трудотерапию, создание служб, помогающих человеку выживать, заметим – не жить, а именно выживать.

В 1995 г. в России был принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»². В законе сформулирована принципиально новая цель государственной политики в отношении инвалидов, сформированы новые понятия инвалидности и реабилитации инвалидов, введены изменения в институциональную основу политики.

До принятия этого закона основной целью государственной политики в нашей стране считалась помощь инвалиду. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» гласит о необходимости «обеспечения инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ»³. Современная российская законодательная система в отношении лиц с ограниченными возможностями декларирует новый подход к инвалидам, ориентируясь на мировые стандарты в этой области. Но проблемы, стоящие перед российским обществом XXI в., достаточно острые и сложно за короткий промежуток времени перейти к построению и использованию новой парадигмы социальной помощи инвалидам.

Принятие данного Федерального закона, с одной стороны, повлекло изменения в общей системе российского законодательства, касающегося инвалидов, а с другой – создало некий дисбаланс между провозглашенными целями нового российского демократического общества и реализацией целей социального обеспечения инвалидов на практике.

В последние годы в России сформировалась социальная политика, направленная на максимально возможную интеграцию инвалидов в общество и реализацию их общественных прав.

Реализация государственной политики в отношении инвалидов осуществляется через государственные структуры, неправительственные организации и общественные объединения.

Несмотря на то, что Федеральный закон № 181 о социальной защите инвалидов действует почти 15 лет, на местах он по-прежнему исполняется формально, «для галочки». Главная проблема выживания лиц с ограниченными возможностями в условиях современного российского общества, несомненно, связана с реализацией федеральных законов, выражающих их права и обязанности.

Государство гарантирует инвалидам проведение реабилитационных мероприятий: получение технических средств и услуг, предусмотренных

федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, а также услуг, предоставляемых инвалиду за счет средств федерального бюджета.

Одной из важнейших задач государства стало формирование системы комплексной многопрофильной реабилитации, позволяющей решить проблему интеграции в общество людей с ограниченными возможностями.

Социальная реабилитация представляет собой систему и процесс восстановления способностей к самостоятельной и семейно-бытовой деятельности. Она включает социально-средовую ориентацию, социально-бытовое образование, социально-бытовую адаптацию и социально-бытовое устройство.

Одним из эффективных механизмов реализации государственной политики в отношении инвалидов являются федеральные и региональные программы, выполнение которых призвано обеспечить необходимые условия для индивидуального развития и реализации возможностей людей с ограниченными возможностями. К таким программам относятся: «Разработка и производство технических средств реабилитации для обеспечения инвалидов», «Социальная поддержка инвалидов», «Дети России», «Дети-инвалиды» и др.

Государственная политика социальной поддержки инвалидов определена Федеральным законом от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (в ред. от 29.12.2004 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ФЗ от 02.08.1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», а также Федеральной целевой программой «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 годы».

Закономерно, что необходимость подготовки и реализации Программы вызвана тем, что в Российской Федерации наблюдается рост численности инвалидов. Ежегодно признаются инвалидами около 3,5 млн человек, в том числе более 1 млн человек – впервые. И все это во многом является следствием высокого уровня заболеваемости, травматизма, плохого экологического фона, как всей страны, так и отдельных регионов, низким качеством оказываемых услуг, а также другими причинами.

Для создания условий наиболее полной социальной реабилитации и интеграции инвалидов в общество, повышения качества их жизни принята Областная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов в Саратовской области на 2007–2010 годы», утвержденная законом Саратовской области от 29.12.2006 г. № 152-ЗСО «Об областных целевых программах».

Статистические данные о количестве лиц, признанных инвалидами, показывают, что на территории Саратовской области проживают 140 тысяч инвалидов, из них 5 тысяч человек имеют нарушения опорно-двигательного аппарата, более 3 тысяч – инвалиды по зрению.

Основной проблемой, с которой сталкиваются лица с ограниченными возможностями в

условиях России XXI в., является реализация права инвалидов на социальную адаптацию, позволяющую людям с ограниченными возможностями правильно приспособиться к социальной среде и чувствовать себя полноправным членом общества.

Одна из важнейших проблем, стоящая перед людьми, имеющими инвалидность, состоит в том, что при строительстве жилых домов и общественных зданий не соблюдаются требования по созданию безбарьерной среды для таких людей.

Необходимостью современного общества, направленного на реализацию социальной помощи людям с ограниченными возможностями, является создание и реализация легитимных основ в комитетах по градостроительной политике, предусматривающих создание безбарьерной среды для инвалидов. А те объекты, которые уже действуют, следует привести в соответствие с нормами.

В городах Саратовской области необходимо обратить внимание на отсутствие беспрепятственного доступа ко многим объектам социально-культурного назначения, административным, общественным, образовательным и производственным зданиям. При строительстве большей части объектов – поликлиник, аптек, магазинов, жилых домов, административных зданий – не учитываются особенности людей с ограниченными возможностями, отсутствуют места для парковки принадлежащих им автомобилей. Еще одной проблемой существования инвалидов в рамках большого города является то, что ни один пешеходный переход не соответствует требованиям людей с ограниченными возможностями. Необходимо уже на стадии проектирования этим заниматься. При муниципальных администрациях должны быть созданы комиссии, которые бы штрафовали собственников за несоблюдение федерального законодательства.

В условиях современного российского общества, тем более на региональном уровне, не доступным для большинства людей, имеющих инвалидность, остается общественный транспорт: трамваи, троллейбусы, автобусы с высокими ступенями. Частично решение проблемы должно осуществиться в рамках областной целевой программы. На средства областного бюджета в течение четырех лет планируется приобрести 8 автобусов с подъемниками для перевозки инвалидов.

С апреля 2006 г. транспортные услуги по перевозке инвалидов в пределах г. Саратова и области стала предоставлять служба «Социальное такси».

Создание условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной и транспортной инфраструктуры, предоставление средств реабилитации обеспечит для многих из них возможность трудоустройства.

Необходимо отметить, что данный вопрос – один из трудно решаемых. На сегодняшний день в области отсутствуют какие-либо положительные тенденции в его решении.

Таким образом, законодательная база и организационно-функциональные структуры федерального, регионального подчинения, негосударственные организации, существующие на территории современного Российского государства, позволяют обеспечить формирование и эффективное функционирование региональной системы социальной интеграции инвалидов.

Основная проблема сегодняшнего состояния системы социальной помощи лицам с ограниченными возможностями связана с отсутствием координации и взаимодействия между уровнями власти, что, в свою очередь, определяется нечеткостью целевого и функционального содержания деятельности структур, отсутствием единого координационного центра формирования и реализации политики в отношении инвалидов и отсутствием системы критериев и показателей эффективности политики. В качестве основы деятельности системы социальной интеграции инвалидов может

выступить региональная целевая программа социальной интеграции инвалидов, базирующаяся не на процессном подходе, а фиксирующая четкие показатели результативности. Пока же основная направленность региональных программ связана с развитием инфраструктуры поддержки инвалидов, ее технического оснащения, что при отсутствии единой стратегии и целевой определенности не приводит к изменению ситуации.

Примечания

- ¹ Данные Минздравсоцразвития России, расчет Росстата на 1 января 2008 года.
- ² См.: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
- ³ Там же.

УДК 316. 334 (470 + 571)

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В.С. Небога

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные формы и особенности межмуниципального сотрудничества в современной России, определяются необходимость и перспективы развития данного сотрудничества.

Ключевые слова: сотрудничество, межмуниципальное сотрудничество, агломерация.

Intermunicipal Cooperation in Modern Russia: Development Prospects

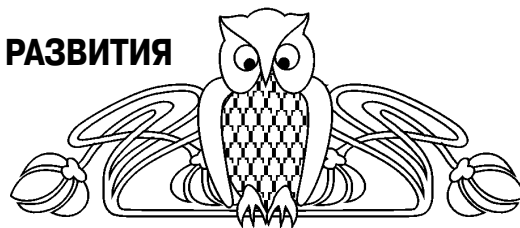
V.S. Neboga

The article considers the basic forms and features of intermunicipal cooperation in modern Russia, and the article defines necessity and prospects of development of the given cooperation.

Key words: cooperation, intermunicipal cooperation, agglomeration.

В современных условиях развития российского общества сотрудничество между органами местного самоуправления может стать важным фактором выживания и конкурентоспособности территорий в нестабильных экономических условиях.

Возможность осуществления межмуниципального сотрудничества предусмотрена в Европейской хартии о местном самоуправлении, ратифицированной Российской Федерацией Законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ¹. В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросам межмуниципального сотрудничества посвящены нормы статьей 8, 66–69. Из его положений следует, что такое сотрудничество осуществляется в целях организации взаимодействия органов местного самоуправления, муниципальных образований, советов муниципальных образований субъекта РФ для выражения и защиты их общих интересов: представления указанных интересов в органах государственной власти; взаимодействия с международными организациями и юридическими лицами, а также в целях объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов муниципальных образований для решения вопросов местного значения².

Понятие межмуниципального сотрудничества в российской научной литературе до сих пор не устоялось, не существует единого термина, отражающего такой тип отношений. Большинство авторов считает, что межмуниципальное сотрудничество – это организационное и правовое выражение кооперационных связей, складывающихся между муниципальными образованиями³.

Формы межмуниципального сотрудничества в зависимости от их организационно-правового содержания могут быть:

- договорные;
- ассоциативные;
- организационно-хозяйственные.

Таким образом, законодательная база и организационно-функциональные структуры федерального, регионального подчинения, негосударственные организации, существующие на территории современного Российского государства, позволяют обеспечить формирование и эффективное функционирование региональной системы социальной интеграции инвалидов.

Основная проблема сегодняшнего состояния системы социальной помощи лицам с ограниченными возможностями связана с отсутствием координации и взаимодействия между уровнями власти, что, в свою очередь, определяется нечеткостью целевого и функционального содержания деятельности структур, отсутствием единого координационного центра формирования и реализации политики в отношении инвалидов и отсутствием системы критериев и показателей эффективности политики. В качестве основы деятельности системы социальной интеграции инвалидов может

выступить региональная целевая программа социальной интеграции инвалидов, базирующаяся не на процессном подходе, а фиксирующая четкие показатели результативности. Пока же основная направленность региональных программ связана с развитием инфраструктуры поддержки инвалидов, ее технического оснащения, что при отсутствии единой стратегии и целевой определенности не приводит к изменению ситуации.

Примечания

- ¹ Данные Минздравсоцразвития России, расчет Росстата на 1 января 2008 года.
- ² См.: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
- ³ Там же.

УДК 316. 334 (470 + 571)

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В.С. Небога

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные формы и особенности межмуниципального сотрудничества в современной России, определяются необходимость и перспективы развития данного сотрудничества.

Ключевые слова: сотрудничество, межмуниципальное сотрудничество, агломерация.

Intermunicipal Cooperation in Modern Russia: Development Prospects

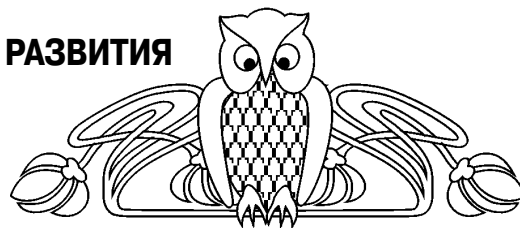
V.S. Neboga

The article considers the basic forms and features of intermunicipal cooperation in modern Russia, and the article defines necessity and prospects of development of the given cooperation.

Key words: cooperation, intermunicipal cooperation, agglomeration.

В современных условиях развития российского общества сотрудничество между органами местного самоуправления может стать важным фактором выживания и конкурентоспособности территорий в нестабильных экономических условиях.

Возможность осуществления межмуниципального сотрудничества предусмотрена в Европейской хартии о местном самоуправлении, ратифицированной Российской Федерацией Законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ¹. В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросам межмуниципального сотрудничества посвящены нормы статьей 8, 66–69. Из его положений следует, что такое сотрудничество осуществляется в целях организации взаимодействия органов местного самоуправления, муниципальных образований, советов муниципальных образований субъекта РФ для выражения и защиты их общих интересов: представления указанных интересов в органах государственной власти; взаимодействия с международными организациями и юридическими лицами, а также в целях объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов муниципальных образований для решения вопросов местного значения².

Понятие межмуниципального сотрудничества в российской научной литературе до сих пор не устоялось, не существует единого термина, отражающего такой тип отношений. Большинство авторов считает, что межмуниципальное сотрудничество – это организационное и правовое выражение кооперационных связей, складывающихся между муниципальными образованиями³.

Формы межмуниципального сотрудничества в зависимости от их организационно-правового содержания могут быть:

- договорные;
- ассоциативные;
- организационно-хозяйственные.

Для реализации целей межмуниципального сотрудничества в рамках ассоциативной формы в каждом субъекте РФ предусматривается образование советов муниципальных образований. Помимо того, может быть образовано единое общероссийское объединение муниципальных образований. Такие объединения созданы как на уровне субъектов Федерации, так и на федеральном уровне (где действует Единое общероссийское объединение муниципальных образований (Конгресс)). С учетом особенностей территориальной и организационной основы муниципальных образований на добровольной основе могут быть образованы иные объединения муниципалитетов. Такими являются, например, межрегиональные объединения муниципальных образований (Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Ассоциация городов Юга России и т.д.).

В целях объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов муниципальных образований для решения вопросов местного значения органы местного самоуправления могут заключать договоры и соглашения. Такая форма межмуниципального сотрудничества называется договорной⁴.

Указанная форма сотрудничества находит применение в разных сферах общественных отношений, возникающих на межмуниципальном уровне: культурный обмен, обмен опытом, информационный обмен, создание совместных совещательных органов без образования юридического лица. Сегодня в качестве вариантов такого межмуниципального взаимодействия можно отметить заключение органами местного самоуправления различного рода соглашений о намерениях, договоров о сотрудничестве, по обмену опытом, оказанию методической и консультативной помощи. В то же время на сегодняшний день не полностью используется возможность объединения ресурсов муниципалитетов для решения вопросов местного значения путем заключения хозяйственных договоров в соответствии с гражданским законодательством.

Действующее российское законодательство предусматривает еще один способ взаимодействия муниципальных образований – межмуниципальное хозяйственное сотрудничество, реализуемое путем создания юридических лиц совместно с несколькими муниципальными образованиями. Для реализации экономических целей межмуниципального сотрудничества могут быть учреждены хозяйственные общества и другие межмуниципальные организации в соответствии с федеральными законами и нормативно-правовыми актами представительных органов муниципальных образований (закрытые акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, автономные некоммерческие организации и фонды)⁵. При этом указанные организации не могут

наделаться полномочиями органов местного самоуправления.

Межмуниципальное сотрудничество муниципальных образований является формой объединения и согласования интересов, координации действий муниципальных образований и их органов. Оно используется не только для решения вопросов местного значения и повышения эффективности их решения, но и в целях обеспечения более четкого и слаженного взаимодействия муниципальных образований с субъектами РФ и Федерацией в целом, с органами государственной власти, в целях представительства интересов муниципальных образований на всех уровнях государственной власти.

В качестве субъектов отношений межмуниципального сотрудничества могут выступать муниципальные образования всех типов. При этом территориальные пределы межмуниципального сотрудничества не ограничиваются территорией субъекта РФ или его частью. Межмуниципальные связи могут иметь межтерриториальный, межрегиональный, а также международный характер.

В России межмуниципальное сотрудничество в основном развивается в форме союзов и ассоциаций муниципальных образований, построенных как на территориальной (существуют ассоциации, объединяющие города крупных регионов: Ассоциация муниципальных образований «Города Урала», Ассоциация городов Поволжья и др.; кроме того, практически каждый субъект РФ имеет региональную ассоциацию муниципальных образований), так и на функциональной (Союз развития наукоградов России, Ассоциация шахтерских городов России) или видовой основе (Ассоциация малых и средних городов России)⁶.

Достаточно специфичной формой межмуниципального сотрудничества может стать формирование городских агломераций на новых организационных принципах. Развитие агломераций является одним из ключевых элементов стратегии развития ряда субъектов РФ, сформированных с учетом общероссийских задач. Развитие агломераций становится частью стратегии ряда субъектов РФ: Самарской, Ростовской, Челябинской, Иркутской областей. Развитие города в контексте агломерации стало частью стратегического плана развития Екатеринбурга и ряда других крупных и крупнейших городов (Перми, Челябинска, Владивостока и др.). На наш взгляд, именно формирование мощных урбанизированных территорий, являющихся центрами притяжения капиталов, предпринимательских проектов и людей, должно стать приоритетом регионального развития.

Преимуществами агломераций является единая транспортная система, возможность совместного решения проблем рекреации, энергоснабжения, водоотведения и т.п. Кроме того,

агломерационное пространство дает возможность интенсифицировать и оптимизировать связи между населенными пунктами.

Организационное оформление агломерации как сложного и многокомпонентного явления является одной из основных проблем в настоящее время. Существует несколько организационных моделей взаимодействия – от гипотетического объединения в одно муниципальное образование до формирования советов агломерации, союзов и ассоциаций самостоятельных муниципальных образований, входящих в агломерацию. По-видимому, наиболее рациональным и оптимальным вариантом является именно формирование союзов, установление совместных партнерских отношений и механизмов экономического, градостроительного и иного межмуниципального взаимодействия, способствующего формированию единого целостного агломерационного пространства.

Важным моментом является разработка правовых механизмов регулирования экономической и градостроительной деятельности агломерации. Создание системы градостроительной документации – основы развития планировочной структуры и подсистем: транспорта, инженерной и социальной инфраструктуры, промышленного комплекса, рекреации, охраны окружающей среды.

Следует отметить, что основным недостатком хозяйственных обществ, фондов и автономных некоммерческих организаций является то, что муниципальное образование утрачивает право собственности на имущество, передаваемое этим организациям. Особенности статуса этих юридических лиц также ограничивают механизмы контроля со стороны органов местного самоуправления за функционированием данных организаций.

Кроме того, по некоторым вопросам (вопрос о возможных участниках хозяйственных обществ, вопрос об особенности статуса межмуниципальных хозяйственных обществ, вопрос о возможности внесения государственного или муниципального имущества в уставный капитал учреждаемых государством или муниципалитета-

ми хозяйствующих субъектов и т.д.) Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вступает в противоречия с ГК РФ, федеральными законами «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». Следовательно, необходимы внесения изменений в законодательные акты, предусматривающие уточнение статуса межмуниципальных некоммерческих организаций и хозяйственных обществ, а также расширение возможностей органов местного самоуправления по формированию уставного капитала некоммерческих организаций и хозяйственных обществ.

Эффективное развитие межмуниципального сотрудничества в различных его проявлениях, а также решение проблем правового регулирования межмуниципального сотрудничества даст дополнительный шанс многим муниципалитетам стабилизировать социально-экономическую ситуацию за счет объединения потенциалов соседствующих территорий, снизить зависимость от внешних экономических и социальных угроз.

Примечания

- 1 См.: Федеральный закон от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления». URL: <http://www.lawcenter> (дата обращения: 12.12.2010).
- 2 См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.lawcenter> (дата обращения: 12.12.2010).
- 3 См.: Межмуниципальная кооперация: сб. материалов / под ред. Ю.В. Кириллова; Институт муниципального управления. Обнинск, 1997.
- 4 См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.lawcenter> (дата обращения: 12.12.2010).
- 5 Там же.
- 6 См.: *Силин Я.П.* Город и политика: проблемы формирования и развития. Екатеринбург, 2005. С. 163.

УДК 316.614(470+571)

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИЯХ СФЕРЫ УСЛУГ

Ж.В. Едидович

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

E-mail: jeanne05@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы о том, что включают в себя социокультурные условия организации, как они связаны с процессом адаптации персонала и что их правильное формирование дает повышение эффективности процесса адаптации персонала.

Ключевые слова: адаптация персонала, социокультурные условия, организационная культура, внешняя и внутренняя среда организации.

To a Question on Sociocultural Conditions of Personnel Adaptation in the Organisations of Sphere of Services

Zh.V. Edidovich

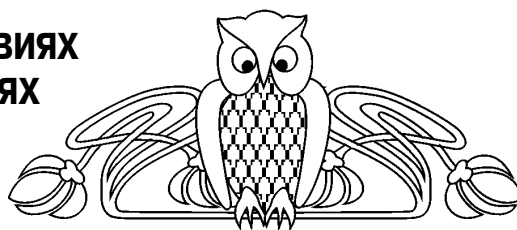
This work examines the problems of sociocultural conditions of organization, which are connected with the process of staff adaptation. Their right shaping helps the growth of adaptation process efficiency.

Key words: staff adaptation, sociocultural conditions, organizational culture.

Кадровые услуги – один из самых динамически развивающихся сегментов рынка в России. Российский кадровый рынок постепенно приобретает черты цивилизованного, что чрезвычайно ценно для руководителей серьезных компаний, которые испытывают хронический дефицит высококвалифицированных кадров.

Переход к постиндустриальному этапу развития сопровождался значительным изменением места и роли сферы услуг в системе социально-экономической деятельности: возрос удельный вес сферы услуг в общественном производстве, изменились место и роль работников этой сферы в структуре общей занятости населения. Именно сфера услуг составляет в экономически развитых странах основную часть экономики по числу занятых – более 60 %¹. Сервисные предприятия становятся все более популярной, престижной и высокооплачиваемой сферой профессиональной деятельности и в современной России. Меняется структура компаний, специализирующихся в сфере услуг; изменяется система организации бизнес-процессов и систем управления персоналом; расширяются объемы вложения капиталов в сферу услуг, растет численность персонала, занятого в организациях данной сферы.

В период перехода к рыночным отношениям изменился и подход к персоналу – сегодня кадровый состав превратился в главный стратегический

ресурс организации. Таким образом, современная концепция управления персоналом рассматривает сотрудников как человеческие ресурсы, достояние компании в конкурентной борьбе, основной фактор ее успеха и источник прибыли.

Вклад людских ресурсов в достижение целей организации и качество предоставляемых услуг зависит в первую очередь от того, насколько эффективно проводится работа по отбору персонала. Но даже лучшая система подбора не способна обеспечить должный результат, если не уделить достаточного внимания вопросу адаптации новых сотрудников.

Управление адаптацией персонала – одна из важнейших задач, которую приходится решать кадровому отделу. Недостаточное внимание службы персонала к созданию эффективного механизма адаптации сотрудников может повлечь за собой недовольство работника организацией, уменьшение производительности труда и даже уход из организации. Установление органичного взаимодействия человека и организации обеспечивает основу эффективного функционирования любого предприятия.

Первым шагом в этом направлении является процесс адаптации, т. е. приспособление потребностей и ценностей сотрудника к требованиям, предъявляемым к нему организацией в соответствии с ее стратегическими целями².

Цели любой организации включают преобразование ресурсов для достижения результатов. Организации используют два основных вида ресурсов: человеческие ресурсы и капитал.

Одной из важнейших черт организации является её взаимосвязь с внешней средой. Любая организация зависит от окружающего мира, как в части получения ресурсов, так и в части отношения потребителей, которые используют результаты её деятельности.

Понятие «внешняя среда» включает экономические условия, потребителей, профсоюзы, законодательство, конкурирующие организации, общественные взгляды, технику и технологи, другие составляющие³. Среда косвенного воздействия состоит из факторов, которые не оказывают прямого и немедленного воздействия на деятельность организации. К ним как раз относятся социокультурные факторы, под которыми понимаются, прежде всего, жизненные ценности и традиции, обычаи, установки, которые оказывают существенное влияние на деятельность организации⁴.

Совокупность социокультурных факторов формируют социокультурные условия организации. Они определяются как оптимальные условия для лучшего развития социокультурного субъекта в определенной среде⁵. Социокультурная среда – конкретное непосредственно данное субъекту социальное пространство, посредством которого он активно включается в культурные связи общества⁶. Также это совокупность различных (макро- и микро-) условий его жизнедеятельности и социального (ролевого) поведения, это его случайные и глубинные связи с другими субъектами, это конкретное природное, вещное и предметное окружение, представленное как открытая к взаимодействию часть социума.

Далее следует обратиться к внутренней среде организации. Внутренние переменные – это ситуационные факторы внутри организации. Поскольку организации представляют собой созданные людьми системы, то внутренние переменные в основном являются результатом управленческих решений. Основные переменные в самой организации, которые требуют внимания руководства, – это цели, структура, задачи, технология и люди.

Основной целью работы большинства организаций является получение прибыли. Прибыль – это ключевой показатель организации. Если руководство применяет совокупность инструментов власти, жестко ориентируясь на получение прибыли, то априори адаптация сотрудников будет проводиться неграмотно. Структуризация в построении мотивации сотрудников и их последующей правильной адаптации в своей основе должна иметь человеческий фактор как отправную точку. Мотивированный человек будет выкладываться полностью для того, чтобы двигать бизнес. Для этого одинаково важна научно обоснованная организационная структура.

Структура организации – это логические взаимоотношения уровней управления и функциональных областей, построенные в такой форме, которая позволяет наиболее эффективно достигать целей организации. Сюда включается горизонтальное и вертикальное разделение труда.

Как было отмечено выше, социокультурные факторы включают в себя ценности, традиции, установки, существующие в организации. Формирование этих факторов тесно сплетено с совокупностью господствующих внешних и внутренних связей организации. Таким образом, в данном контексте мы рассматриваем социокультурные условия как совокупность воздействия внешней и внутренней среды организации, элементов функционирующего стиля управления, организационных связей и коммуникаций, а также элементов установленной организационной культуры, влияющих на протекание процесса адаптации персонала.

Социокультурные условия, наличествующие во внешней – рыночной – среде, выдвигают определенные требования для современных ор-

ганизаций. В этом ключе задачей руководителя становится создание такой обстановки, в которой каждый человек может максимально проявить свои способности, расширив самоконтроль и самостоятельность⁷.

Еще лет десять назад в России доминировал руководитель маскулинного типа. Это был авторитарный человек, жесткость которого иногда граничила с грубостью. В человеческой жизни не найти ни одной сферы, где бы не было проявления власти – способности влиять на поведение, психологию, эмоции и решения других людей. Как считал французский политолог Жорж Бюрдо, «нет общества без правил, нет правил без власти».

Исследуя вопрос формирования социокультурных условий в организации, можно прийти к выводу, что на уровне управления персоналом эти условия определяются именно корпоративной культурой и стилем управления организацией. Часто в основе этих параметров организации лежат неправильно применяемый один из аспектов или несколько аспектов власти.

В самом общем виде организационная культура – ключевые или доминирующие ценности, поддерживаемые организацией.

Корпоративную культуру определяет формула: общие ценности – взаимовыгодные отношения и сотрудничество – добросовестное организационное поведение.

Организационные ценности и нормы могут включать в себя следующее⁸:

- предназначение организации и ее «лицо» (высокий уровень технологии; высшее качество; лидерство в своей отрасли; преданность духу профессии; новаторство);
- старшинство и власть (полномочия, присущие должности или лицу; уважение старшинства и власти; старшинство как критерий власти);
- значение различных руководящих должностей и функций (важность руководящих постов, роли и полномочия отделов и служб);
- обращение с людьми (забота о людях и их нуждах; беспристрастное отношение и фаворитизм; привилегии; уважение к индивидуальным правам; обучение и возможности повышения квалификации; карьера; справедливость при оплате; мотивация людей);
- критерии выбора на руководящие и контролируемые должности (старшинство или эффективность работы; приоритеты при внутреннем выборе; влияние неформальных отношений и групп);
- организация работы и дисциплина (добровольная или принудительная дисциплина; гибкость в изменении ролей; использование новых форм организации работы);
- стиль руководства и управления (стили: авторитарный, консультативный или сотрудничества; использование целевых групп; личный пример; гибкость и способность приспосабливаться);

- процессы принятия решений (кто принимает решение, с кем проводятся консультации; индивидуальное или коллективное принятие решений; необходимость согласия, возможность компромиссов);

- распространение и обмен информацией (информированность сотрудников; легкость обмена информацией);

- характер контактов (предпочтение личным или письменным контактам; жесткость или гибкость в использовании установившихся каналов служебного общения; значение, придаваемое формальным аспектам; возможность контактов с высшим руководством; применение собраний; кто приглашается и на какие собрания; нормы поведения при проведении собраний).

Все известные источники власти – власть принуждения, поощрения, власть связей, закона, информационная власть, экспертная, референтная и, наконец, власть убеждения – действуют в любой организации. Лидеры берут их на вооружение, но используют по-разному. Поэтому, создавая корпоративную культуру организации, руководители и управленческий аппарат должны понимать, что она обуславливает в том числе и социокультурные условия адаптации персонала.

С точки зрения управления персоналом в организации адаптация имеет двойную направленность⁹. С одной стороны, новичок знакомится с коллективом, новыми обязанностями и условиями труда, пытается осознать их и принять. С другой стороны, сама организация изменяется и адаптируется к особенностям сотрудника. В связи с этим различают два процесса адаптации: адаптацию персонала и адаптацию работника. Адаптация персонала – это процесс приспособления коллектива к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды организации. Адаптация работника – это приспособление индивидуума к рабочему месту и трудовому коллективу.

Адаптацию персонала можно рассмотреть как процесс и как результат. Анализ в первом аспекте предполагает, что организация как система имеет некоторые намерения, инструменты и предпринимает ряд действий для создания определенных условий вхождения человека в должность, в социальный климат, организационную культуру. С точки зрения результата можно говорить, что после разработки модели адаптации как инструмента управления, ее внедрения в организации и грамотного управления возможно получение значимых результатов. К объективным результатам, как правило, относят:

- уменьшение стартовых издержек, так как пока новый работник плохо знает свое рабочее место, он работает менее эффективно и требует дополнительных затрат;

- снижение напряженности и неопределенности у новых работников;

- сокращение текучести рабочей силы за счет снижения психологического барьера при входе в организацию;

- экономию рабочего времени руководителя, затрачиваемого на объяснение и обучение новичка;

- обучение поведению в организации;
- развитие позитивного отношения к работе, удовлетворенности работой.

При использовании грамотно разработанной системы адаптации человек, недавно пришедший в организацию, чувствует себя на новом месте более комфортно, а руководство получает от него максимальную отдачу в работе в кратчайшие сроки. Инструментом реализации желаемых результатов выступает программа адаптации персонала, внедрение которой позволит зафиксировать основные элементы адаптационного процесса в организации, а использование – повысит эффективность ее работы.

Успешность адаптации зависит от ряда следующих условий:

- качественный уровень работы по профессиональной ориентации потенциальных сотрудников;

- объективность деловой оценки персонала (как при отборе, так и в процессе трудовой адаптации работников);

- отработанность организационного механизма управления процессом адаптации;

- престиж и привлекательность профессии, работы по определенной специальности именно в данной организации;

- особенности организации труда, реализующие мотивационные установки сотрудника;

- наличие отработанной системы внедрения новшеств;

- гибкость системы обучения персонала, действующей внутри организации;

- особенности социально-психологического климата, сложившегося в коллективе;

- личностные свойства адаптируемого сотрудника, связанные с его психологическими чертами, возрастом, семейным положением и т. п.

В результате разработки модели адаптации как инструмента управления, ее внедрения и грамотного управления в организации возможно получение значимых результатов, которые можно разделить на субъективные и объективные.

Объективные результаты:

- снижение издержек по поиску нового персонала;

- снижение количества увольнений сотрудников, проходящих испытательный срок, как по инициативе администрации компании, так и по желанию самого сотрудника;

- сокращение времени, которое необходимо, чтобы деятельность каждого отдельного сотрудника начала влиять на конкурентоспособность организации;

- уменьшение временных затрат других людей на адаптацию новых сотрудников, что, в свою очередь, позволит направить высвободившееся время на выполнение непосредственных обязанностей.

Субъективные результаты:

- улучшение организационного климата в компании;
- формирование лояльности у сотрудника с первых дней его работы в организации, тем самым создавая стимулы и желание работать в организации длительное время;
- удовлетворенность работой и компанией в целом.

Программа адаптации новых сотрудников должна быть предназначена для введения единой формы этой процедуры во всех структурных подразделениях компании и направлена на обеспечение наиболее быстрого вхождения в должность, уменьшение дискомфорта и количества возможных ошибок, связанных с началом работы в компании, формирование позитивного образа фирмы, а также на оценку уровня квалификации и потенциала сотрудника¹⁰.

Анализ практики современных российских компаний по принципу их внимания к процессу адаптации позволяет выявить несколько типов¹¹.

1. Отсутствие четкой системы адаптации. В компаниях этого типа руководство считает, что формализованная система адаптации не нужна.

2. Присутствуют элементы системы адаптации (ведется работа с персоналом по тем или иным аспектам), однако система оценки эффективности отсутствует или присутствует частично. В большинстве таких компаний нет понимания четкой схемы (взаимосвязанности и взаимозависимости элементов процесса адаптации), отсутствует распределение обязанностей между линейными руководителями и отделом персонала. Как правило, компании второго типа ориентируются на исследования удовлетворенности персонала, не уделяя внимания при этом разработке объективных критериев.

3. Система адаптации разработана, внедряется, но не выбраны показатели ее эффективности (т.е. отсутствуют или частично отсутствуют элементы управления процессом адаптации).

4. Руководство думает, что все разработано, внедрено и успешно функционирует, но в действительности это не так. Как правило, это индикатор проблем с персоналом, невозможность со стороны руководства адекватно оценить ситуацию или же нежелание видеть «минусы». В этом случае также возникает информационная проблема. Самое главное в такой ситуации – изменить политику и видение руководства организации, что является сложной задачей.

5. Филиалы западных компаний, работающие на российском рынке, и некоторые российские компании, где разработаны, внедрены и успешно функционируют программы адаптации. Программы адаптации в такого рода компаниях обычно включены или тесно связаны с программами и положениями об обучении. В большинстве случаев реализация этих программ происходит через

институт наставничества. Однако их, как правило, трудно адаптировать к потребностям малого и среднего бизнеса.

Для внедрения единой программы адаптации во всех структурных подразделениях организации должно быть разработано и введено Положение об адаптации персонала. Это возможно лишь при наличии хорошо развитых социокультурных условий организации.

Корпоративная культура как нормативно-ценностная система, создавая социокультурные условия адаптации, должна предусматривать аутентичное развитие личности. Это облегчит включенность каждого в процесс, позволит сформировать команду единомышленников, что дает огромное преимущество в конкурентной борьбе. Большое значение имеет актуальная профессиональная ориентировка лидеров, так как референтная власть и талант убеждения лидера нового типа становятся более эффективными инструментами влияния на корпоративное сознание и на сферу адаптации персонала в том числе.

Соблюдение традиций и стандартов качества в любом бизнесе является основой для его дальнейшего развития и узнаваемости бренда на рынке. В сфере обслуживания это особенно важно – обеспечивая комфорт, компания делает своего клиента постоянным.

Некоторые организации еще издали кажутся привлекательными. Таковыми их делают именно традиции, отголоски которых можно услышать, даже не являясь сотрудником. Порой именно традиции компании становятся «корпоративной харизмой», которая удерживает в ней сотрудников, несмотря на некоторые несовершенства, свойственные любой организации.

Очень важно, чтобы коллектив был единым целым и понимал, и воспринимал корпоративные ценности как свои собственные. Для эффективной совместной работы только формальных отношений, предусмотренных договорами и протоколами, недостаточно. Эмоционально-интуитивный стиль поведения в отношении с коллективом помогает достигнуть гораздо большей отдачи в налаживании связей, выстраивании позитивных отношений, достижении лояльности сотрудников.

Таким образом, создание хорошо сформированных социокультурных условий, предполагающих идеальную адаптацию персонала, определяет одну из наиболее ответственных задач управления. Решение этой задачи обуславливает наличие сильных, компетентных и мотивированных сотрудников, генерирующих идеи для выполнения своей цели, использующих все доступные возможности для этого. Остается побуждать их к действию, выталкивая из зоны комфорта в направлении достижения целей компании.

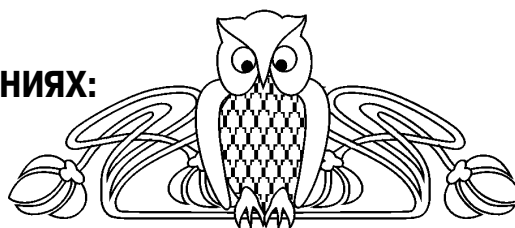
Примечания

- 1 См.: *Фатхутдинов Р.А.* Производственный менеджмент. 5-е изд. СПб., 2006.
- 2 См.: *Управление персоналом* / под ред. П.Э. Шлендера. М., 2005.
- 3 См.: *Лайтфуллинг Г.Р., Райченко А.В.* Теория организации. СПб., 2004.
- 4 См.: *Абчук В.А.* Менеджмент: учебник. М., 2002.
- 5 См.: *Орлова Э.А.* Социокультурное пространство объединяет жизни: метод. пособие. М., 2002.
- 6 См.: *Черник Б.П.* Эффективное участие в образовательных выставках. Новосибирск, 2001.

- 7 См.: *Кибанов А.Я.* Основы управления персоналом: учебник. М., 2007.
- 8 См.: *Франклин Р.* Особенности современной культуры // *Управление персоналом*. 2003. № 11.
- 9 См.: *Маусов Н.К., Кулапов М.Н.* Управление карьерой персонала в условиях производства. М., 2003.
- 10 См.: *Магура М.И., Курбатова М.Б.* Современные персонал-технологии. СПб., 2005.
- 11 См.: *Патуха М.О.* Оценка эффективности процесса адаптации: российская практика // Интернет-сайт специализированного журнала «Человеческие ресурсы России». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rhr.ru/index/rule>.

УДК 316.6

ПОТРЕБИТЕЛЬ В РЫНОЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А.А. Винников

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Статья посвящена методологическим вопросам социологического изучения роли потребителя в становлении и развитии рыночных социально-экономических отношений в России. В процессе исследования автор рассматривает различные подходы к анализу потребителей с позиций взаимоотношения с организационно-хозяйственными субъектами.

Ключевые слова: социально-экономические взаимоотношения, потребитель, теория социально-экономического обмена, теория социального действия, теории социальных конфликтов, транзакционный обмен в экономической сфере.

Consumer in Market Social-Economic Relations: Methodological Problems of a Sociological Survey

A.A. Vinnikov

The paper is devoted to methodological questions of sociological studies of the role of the consumer in the formation and development of market social-economic relations in Russia. In the course of his study, the author considers different approaches to analysis of consumers from a position of their relations with organization-economic subjects.

Key words: socioeconomic relations, consumer, socioeconomic exchange theory, social action theory, theory of social conflicts, transaction exchange in economic medium.

Социально-экономический обмен – это одна из важнейших частей коммерческой деятельности, появившейся в России сравнительно недавно, и требующая тщательного, всестороннего исследования в рамках социологических и гуманитарных наук. Социальная система призвана функционировать на основе коммерческих форм, но с учетом социальных аспектов данных

взаимодействий. Она приспособляется под нужды рынка, реализуя свои экономические возможности посредством купли–продажи. Осуществление этих процессов одновременно означает обеспечение производства. Их непрерывность требует солидных долгосрочных инвестиций и соответствующего рынка, гарантии которого призвана обеспечить система государства, посредством развитой законодательной и социальной базы. С развитием коммерческих взаимодействий расширяется и углубляется поле действия обмена, сферу которого образуют не только рынки потребительских товаров и услуг, но и средств производства, в том числе земли, финансовый, рабочей силы, недвижимости, информации, интеллектуальных товаров, прав собственности. Если прежде коммерческая деятельность отождествлялась с торгово-посреднической, то в развитой рыночной экономике она охватывает все виды товарообменных отношений. Для многих товаропроизводителей, например, жизненно важны не только закупки по приемлемой цене факторов производства и выгодная реализация своей продукции, но и решение вопросов с покупкой «дешевых денег», страхования своего бизнеса, выгодного приобретения акций чужих предприятий и продажи собственных ценных бумаг. Таким образом, социально-экономические отношения приобретают универсальный смысл, как купля-продажа любых видов товаров и услуг, что оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности человека и общества. Поэтому исследование всеобщих основ социально-экономических взаимоотношений, на каком бы уровне оно не осуществлялась, следует отнести к числу актуальных и востребованных.

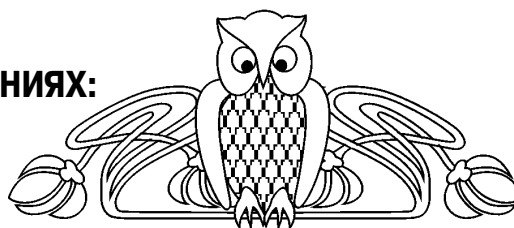
Примечания

- 1 См.: *Фатхутдинов Р.А.* Производственный менеджмент. 5-е изд. СПб., 2006.
- 2 См.: *Управление персоналом* / под ред. П.Э. Шлендера. М., 2005.
- 3 См.: *Лайтфуллинг Г.Р., Райченко А.В.* Теория организации. СПб., 2004.
- 4 См.: *Абчук В.А.* Менеджмент: учебник. М., 2002.
- 5 См.: *Орлова Э.А.* Социокультурное пространство объединяет жизни: метод. пособие. М., 2002.
- 6 См.: *Черник Б.П.* Эффективное участие в образовательных выставках. Новосибирск, 2001.

- 7 См.: *Кибанов А.Я.* Основы управления персоналом: учебник. М., 2007.
- 8 См.: *Франклин Р.* Особенности современной культуры // *Управление персоналом*. 2003. № 11.
- 9 См.: *Маусов Н.К., Кулапов М.Н.* Управление карьерой персонала в условиях производства. М., 2003.
- 10 См.: *Магура М.И., Курбатова М.Б.* Современные персонал-технологии. СПб., 2005.
- 11 См.: *Патуха М.О.* Оценка эффективности процесса адаптации: российская практика // Интернет-сайт специализированного журнала «Человеческие ресурсы России». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rhr.ru/index/rule>.

УДК 316.6

ПОТРЕБИТЕЛЬ В РЫНОЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А.А. Винников

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Статья посвящена методологическим вопросам социологического изучения роли потребителя в становлении и развитии рыночных социально-экономических отношений в России. В процессе исследования автор рассматривает различные подходы к анализу потребителей с позиций взаимоотношения с организационно-хозяйственными субъектами.

Ключевые слова: социально-экономические взаимоотношения, потребитель, теория социально-экономического обмена, теория социального действия, теории социальных конфликтов, транзакционный обмен в экономической сфере.

Consumer in Market Social-Economic Relations: Methodological Problems of a Sociological Survey

A.A. Vinnikov

The paper is devoted to methodological questions of sociological studies of the role of the consumer in the formation and development of market social-economic relations in Russia. In the course of his study, the author considers different approaches to analysis of consumers from a position of their relations with organization-economic subjects.

Key words: socioeconomic relations, consumer, socioeconomic exchange theory, social action theory, theory of social conflicts, transaction exchange in economic medium.

Социально-экономический обмен – это одна из важнейших частей коммерческой деятельности, появившейся в России сравнительно недавно, и требующая тщательного, всестороннего исследования в рамках социологических и гуманитарных наук. Социальная система призвана функционировать на основе коммерческих форм, но с учетом социальных аспектов данных

взаимодействий. Она приспособляется под нужды рынка, реализуя свои экономические возможности посредством купли–продажи. Осуществление этих процессов одновременно означает обеспечение производства. Их непрерывность требует солидных долгосрочных инвестиций и соответствующего рынка, гарантии которого призвана обеспечить система государства, посредством развитой законодательной и социальной базы. С развитием коммерческих взаимодействий расширяется и углубляется поле действия обмена, сферу которого образуют не только рынки потребительских товаров и услуг, но и средств производства, в том числе земли, финансовый, рабочей силы, недвижимости, информации, интеллектуальных товаров, прав собственности. Если прежде коммерческая деятельность отождествлялась с торгово-посреднической, то в развитой рыночной экономике она охватывает все виды товарообменных отношений. Для многих товаропроизводителей, например, жизненно важны не только закупки по приемлемой цене факторов производства и выгодная реализация своей продукции, но и решение вопросов с покупкой «дешевых денег», страхования своего бизнеса, выгодного приобретения акций чужих предприятий и продажи собственных ценных бумаг. Таким образом, социально-экономические отношения приобретают универсальный смысл, как купля-продажа любых видов товаров и услуг, что оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности человека и общества. Поэтому исследование всеобщих основ социально-экономических взаимоотношений, на каком бы уровне оно не осуществлялась, следует отнести к числу актуальных и востребованных.

Первоначально потребление рассматривалось лишь в контексте экономической науки, то есть как условие, предпосылка достижения целей производителя. Однако уже в XIX в. были заложены основы социологического подхода к потреблению, для которого характерен взгляд на него со стороны действующего субъекта, преследующего свои осознанные интересы. Первые попытки разработки теории потребления связаны с целым рядом ключевых фигур обществоведения XIX–XX веков. К. Маркс выдвинул идею товарного фетишизма, сформулировал закон возвышения потребностей по мере их удовлетворения. Американец Т. Веблен в конце XIX в. предложил теорию показного (престижного) потребления. Немецкий социолог Г. Зиммель выдвинул ряд ключевых идей теории моды. Немецкий социолог и экономист В. Зомбарт предложил концепцию роскоши. Другой немецкий социолог М. Вебер сформулировал концепцию статусных групп и протестантской этики. Эти имена часто цитируются и в современных исследованиях потребления.

Рассмотрение места потребителя в социально-экономических взаимоотношениях современного общества целесообразно с точки зрения таких теоретико-методологических направлений социологической мысли, как парадигмы взаимодействия, концепции взаимообмена и теории социального конфликта. В общей теории Т. Парсонса¹ взаимообмен – это способ рассмотрения систем человеческого действия любого уровня в терминах четырех функциональных систем, находящихся в отношении обмена вырабатываемыми внутри этих подсистем ресурсами. Согласно данной концепции производитель и потребитель могут рассматриваться как генерирующие ресурсы (продукт) подсистемы, находящиеся в состоянии обмена данными ресурсами по типичной схеме товар – деньги – товар.

В основе развития, как утверждал американский ученый Ч.Р. Миллс (в рамках теории социального конфликта), крайне критически относившийся к традиционной социальной науке, лежит конфликт, а не конформизм, согласие, интеграция². Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, олицетворяющими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что высшим проявлением этого конфликта является борьба за власть. Р. Дарендорф считает, что в основе конфликтов лежат не экономические, а политические причины, основанные на перераспределении власти. Источником конфликтов является так называемый «политический человек», который борется за ресурсы, производимые подсистемами «производитель» и «потребитель»³.

По мнению американского социолога Л. Козер, социальный конфликт – идеологическое явление, отражающее устремления социальных

групп, индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей⁴. Большинство представителей этого направления подчеркивают значимость конфликтов, которые предотвращают стагнацию общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития. Вместе с тем эта позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования.

Традиционно критерием эффективности социально-экономических взаимоотношений считается количество новых людей, готовых купить продукты компании, для чего компании регулярно замеряют свою долю на рынке. Если она увеличивалась, они считали это успехом. Однако может быть и так: рыночная доля увеличивается, а большинство потребителей чувствуют себя неудовлетворенными. Это происходит потому, что размер Вашей доли на рынке говорит лишь о том, какой частью рынка Вы «владеете» в определенное время. Узнать о том, довольны или нет Ваши потребители, можно только по тому, совершают ли они повторную покупку или рассказывают о Ваших продуктах друзьям и знакомым. Рост доли рынка может быть вызван увеличением числа потребителей, впервые покупающих продукт. За этим ростом часто не видно, насколько сильно уменьшилось количество существующих потребителей, которые отказываются от повторной покупки. Это явление получило название «дырявое ведро», когда одни потребители попадают в ведро, другие из него вываливаются. Для того чтобы установить, так ли это, недостаточно знать свою долю на рынке. Необходимо определить количество повторных покупок, степень удовлетворенности потребителей и их приверженность продуктам, таким образом, избегая конфликтов между подсистемами, осуществляющими обмен.

В экономической социологии подход, который ориентирован на привлечение новых потребителей, был назван «транзакционным маркетингом» (transaction marketing) – «маркетингом одной сделки». Акцент при этом делается на совершении одной сделки в определенный момент, и вся деятельность организации концентрируется вокруг создания условий для совершения единственной операции обмена с новым потребителем. В другом подходе, называемом «маркетингом взаимоотношений», усилия сосредоточиваются на удержании потребителей, «попавших в ведро». При этом новые потребители, конечно, нужны, и организация должна думать о том, как их привлечь, но как только потребители вошли в контакт с организацией, она должна думать о том, как создать для них новую или большую ценность. Маркетинг взаимоотношений предполагает, что потребитель может и даже должен играть главную роль в определении того, что есть ценность, которую они хотят получить от организации. Его главный принцип – чем в большей степени потребитель удовлетворен

взаимоотношениями с организацией, так же как и продуктом, тем более вероятно, что он останется приверженцем данной организации. Другими словами, они станут лояльными, связанными с организацией потребителями. Эти приверженность и связь будут способствовать созданию дополнительного дохода для организации⁵.

Было опубликовано немало доказательств того, насколько выгоднее для организации концентрировать свои усилия на развитии взаимоотношений с уже существующими потребителями, чем на привлечении новых. Консалтинговая фирма «Форум Консалтинг» (Forum Consulting) (Бостон, штат Массачусетс) и исследовательский институт Customer Service Institute (Сильвер Спринг, штат Мэриленд) пришли к выводу, что привлечение нового потребителя стоит в пять раз дороже, чем удержание уже существующего. Эта экономия затрат определяется путем вычисления стоимости для компании одного потребителя в течение времени его активных взаимоотношений с ней. Один из производителей автомобилей в США считает, что его потребитель за весь период покупательской жизни приносит компании в среднем 200 000 долл. Если посмотреть с другой стороны, то потеря одного потребителя после первой покупки будет стоить 200 000 долл. плюс стоимость его первоначального привлечения, минус стоимость автомобиля. Это будет равно примерно 190 000 долл. за период жизни потребителя⁶.

Для компаний важно привлекать в первую очередь нужных потребителей, которые бы оставались их приверженцами в течение длительного срока. Компания «Лэнд Ровер» (Land Rover), производитель полноприводных автомобилей, применила новый метод привлечения покупателей. Вместо того чтобы обращаться к аудитории с помощью средств массовой информации (СМИ), компания отобрала в качестве потенциальных покупателей 11 000 человек и разослала им довольно необычные подарки стоимостью примерно 30 ф. ст. – красивые поделки из ракушек, цветов и листьев. 85% получивших подарки посетили демонстрационный салон, чтобы посмотреть новую модель «Рэндж Ровер» (Range Rover), в сравнении с 1–2% посетителей, пришедших в салон в результате информирования СМИ. После продажи автомобиля отношения компании «Лэнд Ровер» с потребителями развиваются также достаточно необычно: она рассылает каждому брошюру в глянцевой обложке, в которой содержатся приглашения на различные мероприятия, соответствующие образу жизни каждого потребителя. Компания «Лэнд Ровер» обладает информацией о том, какие мероприятия привлекут внимание ее потребителей, поскольку регулярно опрашивает их об этом. Такими мероприятиями могут быть гольф, стрельба по летающим мишеням, рыбалка, гонки по бездорожью. На этих мероприятиях присутствуют сотрудники компании «Лэнд Ровер», которые по желанию клиентов готовы поговорить

об автомобилях, однако более важно то, что они лучше узнают своих потребителей. Ежегодно по всей Великобритании компания «Лэнд Ровер» организует для своих потребителей отдых в роскошных особняках, во время которого они могут получить уроки вождения по бездорожью, поиграть в гольф или насладиться отличной едой, приготовленной лучшими лондонскими поварами, и даже поговорить с ними. Может показаться, что все эти мероприятия стоят очень дорого, если рассматривать их в отдельности, в отрыве от ценности «пожизненного» потребителя для компании «Лэнд Ровер»⁷.

С целью минимизации возникновения социальных конфликтов в социально-экономических взаимодействиях обратим внимание на концепцию «Лестница взаимоотношений», предложенную американским исследователем Пэйном. Согласно его теории, выстраивание взаимоотношений – длительный, поэтапный, процесс. Внизу лестницы находится потенциальный потребитель, другими словами, целевой рынок. Организации должны превратить его в потребителя. В данной модели потребителем является тот, кто имел дело с организацией или хотя бы один раз контактировал с ней. После этого потребители становятся клиентами, т.е. теми, кто совершает повторные покупки. Это еще не означает, что потребитель установил взаимоотношения с организацией. Он продолжает покупать производимые ею продукты не потому, что он испытывает к ней какие-то особые чувства, а потому, что ему просто удобно это делать. Например, большинство людей пользуются услугами одного и того же банка. Это еще не говорит о том, что они имеют взаимоотношения с ним, а тем более об их лояльности. Причиной такого положения дел может быть инерция или опасение того, что переход из одного банка в другой займет время и потребует усилий. Как правило, организации жаждут перевести своих клиентов в сторонников. На этом этапе сила взаимоотношений становится очевидной. Такие люди рады быть как-то связанными с организацией, а со временем при соответствующем обращении могут превратиться в ее «адвокатов» или пропагандистов, рекомендующих эту организацию другим. Последний шаг по лестнице приведет нас к «партнеру» – тому, кто совместно с организацией будет искать пути достижения взаимовыгодных отношений. Партнерство является долговременной целью некоторых организаций, хотя, так же как и принципы маркетинга взаимоотношений, оно подходит не ко всем потребителям и типам продуктов⁸.

В российской экономике сегодня отношения обмена строятся преимущественно на недобросовестной конкуренции и получении прибыли любой ценой. Массовое вовлечение юридических и физических лиц в коммерческую деятельность носит стихийный характер, отношения обмена нередко криминализируются. Пороки стихийного

«дикого» рынка преодолеваются созданием и развитием институциональной и инфраструктурной основы коммерческой деятельности. Поэтому систему социального сотрудничества, основанную на партнерских отношениях и доверии между всеми участниками обменных отношений, предстоит еще только сформировать, что не может быть осуществлено вне научного подхода к решению этой проблемы. В свою очередь, научный подход не возможен без теоретико-методологических аспектов осмысления данной проблематики, анализа структуры коммерческих взаимодействий, социальных приоритетов ее функционирования, раскрывающих глубинные основы и причинно-следственные зависимости.

Последовательное превращение отношений обмена во всеобщую форму связи всех агентов российской рыночной экономики актуализирует исследование социально-экономических отношений в контексте основных социально-экономических теорий, отражающих принципы конкуренции и взаимовыгодности, включающих дополнительную систему партнерских взаимодействий, основанных на социальном доверии и разнородности предложений, стабильных

связей, защищенных законом и регулируемых соответствующими организационно-правовыми институтами и инфраструктурой.

Примечания

- 1 См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2007.
- 2 См.: Миллс Ч. Властвующая элита. М., 1959.
- 3 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. 2002. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/darendorf_sov.
- 4 См.: Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 122–157.
- 5 См.: Кром Е. Трансакционный маркетинг и маркетинг взаимоотношений // Эксперт Северо-Запад. № 28–29(185–186), 26 июля 2004. URL: <http://www.bkg.ru>.
- 6 См.: Проблематика потребления в маркетинге // Социология потребления. URL: <http://www.consumers.narod.ru/content.html>.
- 7 См.: Создание ценности для потребителя / пер. с англ. Жуковский: в 3 кн. Кн. 3. 2003. С. 55.
- 8 См.: Интервью с трейдером: Чарльз Пэйн. URL: www.optionetics.com.

История социологии

УДК 316.3:378.4(470.44–25)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Г.В. Дыльнов

Саратовский государственный университет
E-mail: Dylnov@info.sgu.ru

В статье рассматривается круг проблем, связанных с изучением истории отечественной социологии на социологическом факультете Саратовского университета.

Ключевые слова: история социологии, изучение истории науки, направления исследований в области истории социологии, книги, диссертации, конференции по истории социологии.

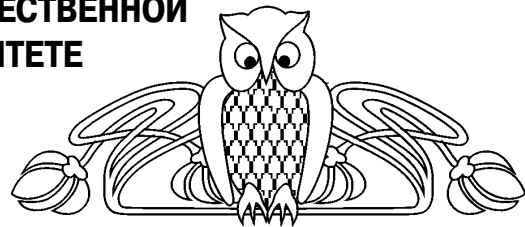
The Question on Study History of National Sociology in Saratov University

G.V. Dylnov

The deals with a set of problems connected with studying national sociology at sociology department of Saratov University.

Key words: history of sociology, studying science history, investigation trends in the field sociology history, books thesis, conferences on sociology history.

Любая наука имеет свою историю, и чем она богаче, полнее, тем более эффективнее развивается наука в современных условиях. Тем большее значение это имеет для такой науки,

как социология. Хрестоматийная истина о том, что история социологии начинается с трудов О. Конта, разделяется далеко не всеми историками этой науки. Ныне проблемы истории социологии широко обсуждаются в научной литературе¹. Естественно, что история социологии вбирает в себя истории национальных социологий, в том числе и российской.

Изучение истории социологии помогает вернуть обществу забытые и полузабытые имена ученых, их идеи, концепции, теории, которые зачастую становятся востребованными ныне и играют значительную роль в решении проблем общественных преобразований. Нельзя сбрасывать со счетов и огромный воспитательный потенциал данного момента.

Как известно, начало отечественной истории социологии положил выдающийся ученый Николай Иванович Кареев, который отдал служению этой науке более полувека². В современных условиях идеи и концепции Н.И. Кареева по

«дикого» рынка преодолеваются созданием и развитием институциональной и инфраструктурной основы коммерческой деятельности. Поэтому систему социального сотрудничества, основанную на партнерских отношениях и доверии между всеми участниками обменных отношений, предстоит еще только сформировать, что не может быть осуществлено вне научного подхода к решению этой проблемы. В свою очередь, научный подход не возможен без теоретико-методологических аспектов осмысления данной проблематики, анализа структуры коммерческих взаимодействий, социальных приоритетов ее функционирования, раскрывающих глубинные основы и причинно-следственные зависимости.

Последовательное превращение отношений обмена во всеобщую форму связи всех агентов российской рыночной экономики актуализирует исследование социально-экономических отношений в контексте основных социально-экономических теорий, отражающих принципы конкуренции и взаимовыгодности, включающих дополнительную систему партнерских взаимодействий, основанных на социальном доверии и разнородности предложений, стабильных

связей, защищенных законом и регулируемых соответствующими организационно-правовыми институтами и инфраструктурой.

Примечания

- 1 См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2007.
- 2 См.: Миллс Ч. Властвующая элита. М., 1959.
- 3 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. 2002. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/darendorf_sov.
- 4 См.: Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 122–157.
- 5 См.: Кром Е. Трансакционный маркетинг и маркетинг взаимоотношений // Эксперт Северо-Запад. № 28–29(185–186), 26 июля 2004. URL: <http://www.bkg.ru>.
- 6 См.: Проблематика потребления в маркетинге // Социология потребления. URL: <http://www.consumers.narod.ru/content.html>.
- 7 См.: Создание ценности для потребителя / пер. с англ. Жуковский: в 3 кн. Кн. 3. 2003. С. 55.
- 8 См.: Интервью с трейдером: Чарльз Пэйн. URL: www.optionetics.com.

История социологии

УДК 316.3:378.4(470.44–25)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Г.В. Дыльнов

Саратовский государственный университет
E-mail: Dylnov@info.sgu.ru

В статье рассматривается круг проблем, связанных с изучением истории отечественной социологии на социологическом факультете Саратовского университета.

Ключевые слова: история социологии, изучение истории науки, направления исследований в области истории социологии, книги, диссертации, конференции по истории социологии.

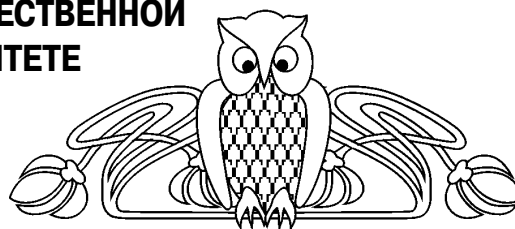
The Question on Study History of National Sociology in Saratov University

G.V. Dylnov

The deals with a set of problems connected with studying national sociology at sociology department of Saratov University.

Key words: history of sociology, studying science history, investigation trends in the field sociology history, books thesis, conferences on sociology history.

Любая наука имеет свою историю, и чем она богаче, полнее, тем более эффективнее развивается наука в современных условиях. Тем большее значение это имеет для такой науки,

как социология. Хрестоматийная истина о том, что история социологии начинается с трудов О. Конта, разделяется далеко не всеми историками этой науки. Ныне проблемы истории социологии широко обсуждаются в научной литературе¹. Естественно, что история социологии вбирает в себя истории национальных социологий, в том числе и российской.

Изучение истории социологии помогает вернуть обществу забытые и полузабытые имена ученых, их идеи, концепции, теории, которые зачастую становятся востребованными ныне и играют значительную роль в решении проблем общественных преобразований. Нельзя сбрасывать со счетов и огромный воспитательный потенциал данного момента.

Как известно, начало отечественной истории социологии положил выдающийся ученый Николай Иванович Кареев, который отдал служению этой науке более полувека². В современных условиях идеи и концепции Н.И. Кареева по

истории русской социологии получают дальнейшее развитие и конкретизацию в трудах многих ученых-социологов.

В частности, на социологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова издается серия книг по истории социологии³; проводятся Сорокинские чтения и Конкурс работ имени Н.И. Кареева. В Санкт-Петербурге создано социологическое общество имени М.М. Ковалевского; издаются сборники⁴ и отдельные работы по истории социологии, проводятся конференции по этой проблеме. Хорошо известна книга по истории социологии под редакцией В.А. Ядова⁵, большой интерес вызвали учебники и учебные пособия по истории социологии, появившиеся в нашей стране в последнее десятилетие прошлого века и начале нынешнего столетия⁶. Новый импульс в активизации изучения проблем истории отечественной социологии дали юбилеи советской социологической ассоциации Института социологии РАН, социологических факультетов Московского и Санкт-Петербургского университетов, отмеченные в 2009 году.

Посильный вклад в изучение истории отечественной социологии вносят и ученые социологического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, причем можно вести речь о ряде направлений данной работы.

На факультете издан ряд монографий, посвященных разным аспектам истории отечественной социологии. Так, в 2001 г. появилась монография О.Г. Антоновой «Отечественная социология о социальном прогрессе»; в 2003 г. увидела свет книга Ю.В. Селивановой «Политическая социология Г.П. Федотова»; в 2010 г. Д.В. Покатов опубликовал свой труд «Политическая элита России: теория, история, современность (социологический анализ)». Есть и другие публикации подобного рода.

С 2001 г. издано два выпуска книги «Отечественная социология. История и современность». В них отражены основные направления социологических исследований ученых СГУ и ряда других вузов региона в области истории отечественной социологии.

В 2005 г. вторым изданием вышла книга «Социология в Саратовском университете», в которой прослежена история становления и развития социологии в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского с момента создания в нем первой кафедры социологии и до настоящего времени. Интересно отметить, что преподавание социологии в СГУ началось в 1918 г. вначале на юридическом, а затем и на других факультетах. В 1920 г. в составе факультета общественных наук среди прочих кафедр были созданы кафедры социологии, истории социально-политических учений, уголовной социологии.

Затем, как известно, преподавание социологии было запрещено вплоть до конца 1980-х годов.

В книге рассказывается о создании в СГУ кафедры социологии в 1990 г. и социологического факультета в 2000 году. Этому событию посвящено издание книги «Социологический факультет СГУ. Люди. Годы. Факты».

В 2006 г. была издана хрестоматия «Социология в Саратове», явившаяся продолжением книги «Социология в Саратовском университете». В нее вошли материалы отечественных социологов XX в., работавших и работающих в Саратовском государственном университете. Публикуются давно ставшие библиографической редкостью издания и фрагменты из них таких ученых, как, в частности, С.З. Каценбоген, Г.Ю. Маннс, А.Г. Ковалевский, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, И.П. Разумовский.

В 2008 г. социологический факультет СГУ совместно с социологическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова организовал и провел IV Всероссийскую научную конференцию Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое». Было заслушано 212 докладов ученых 62 организаций из 16 регионов Российской Федерации. На ряде других республиканских, региональных и факультетских конференциях и семинарах социологи СГУ выступали с докладами, касающимися в той или иной мере проблем истории отечественной социологии.

Особое место в изучении истории отечественной социологии занимает деятельность диссертационного совета по социологическим наукам при СГУ. На нем защищен ряд диссертаций по этой проблематике. С 1996 г. и по 2010 г. включительно на заседаниях совета было заслушано 36 диссертаций, в том числе 5 докторских и 31 кандидатская.

Можно выделить два главных направления исследования истории отечественной социологии в защищенных диссертациях. Первое направление характеризует поиск диссертантами в истории социологии интересных и малоизученных страниц. Таких диссертаций 19, в том числе 4 докторских.

В 1996 г. аспирант Я.А. Никифоров защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему «Проблемы самоуправления в отечественной социологии» по специальности 22.00.01 – Теория, методология и история социологии. В ней он проанализировал труды отечественных ученых (преимущественно работавших в XIX в.), посвященные пониманию проблем государства и самоуправления, уделив особое внимание характеристике земства в России.

В диссертациях аспирантов и соискателей были поставлены следующие темы: проблемы личности в отечественной социологии; отечественная социология девиантного поведения; становление российской позитивистской социологии; отечественная социология молодежи; становление муниципальной демократии в России; проблемы

культуры в трудах отечественных социологов; отечественная экономическая социология; этические воззрения отечественных социологов; идея социального прогресса в отечественной социологии; проблемы социальной динамики; отечественная социология религии; социология права в России и др. В 2010 г. доцент Д.В. Покатов представил диссертационное исследование на тему «Отечественная социология о политической элите: история и современность».

Таким образом, мы видим широту охватываемых диссертациями проблем изучения истории отечественной социологии и во многом новаторский характер их постановки и решения.

Второе направление диссертационных исследований, защищенных в данном диссертационном совете, связано с анализом творческого наследия российских ученых. Таких диссертаций 18, в том числе 1 докторская.

Достаточно назвать имена ученых, социологические воззрения которых рассмотрены в диссертациях, чтобы понять всю актуальность и значимость проведенных исследований. Речь идет о П.А. Сорокине, Б.Н. Чичерине, В.М. Хвостове, Г.П. Федотове, Н.К. Михайловском, П.Л. Лаврове, К.Д. Кавелине, В.О. Ключевском, М.Я. Острогорском. В 2010 г. защищены кандидатские диссертации, посвященные анализу вклада Л.И. Мечникова, А.А. Богданова и Н.И. Кареева в становление и развитие отечественной социологии.

Некоторые аспекты истории отечественной социологии отражаются и в студенческих научных работах и дипломах выпускников факультета.

Безусловно, сделано немало, но и «белых пятен» в истории отечественной социологии остается еще очень много. Нужны новые поиски, новые учебники, диссертации, монографии по

этой проблематике, а следовательно, новые исследователи, патриоты своей науки и ее истории. Имеющиеся достижения в изучении истории отечественной социологии (учебники, монографии и т.д.) связаны с именами ученых, работавших на рубеже XX и XIX столетий. Ныне желающих посвятить себя изучению истории социологии немало, и нужны особые дополнительные усилия для вовлечения в эту работу молодых, энергичных и способных исследователей. А это уже задача всего социологического сообщества страны, всех, кого волнует и не оставляет равнодушным судьба отечественной социологии.

Примечания

- 1 См.: Данилов А.Н., Елеуков А.Н. Методологические проблемы периодизации истории социологии // Социс. 2010. № 10. С. 114 и след.
- 2 См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
- 3 См.: Социология в России XIX – начала XX веков. М., 2001. Вып. 3.
- 4 См.: Российская социология. Историко-социологические исследования. СПб., 2006. Вып. 3.
- 5 См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М., 1998.
- 6 См.: Зборовский Г.Е. История социологии: учебник. М., 2004; История социологии: учебник; под ред. Г.В. Осипова и В.П. Култыгина. М., 2009; Кравченко А.И. История социологии. М., 2008; История социологии: учебник; под ред. В.И. Добренкова: в 3 т. М., 2004; Кукушкина Е.И. История социологии: учебник. М., 2009; Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993; Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2000.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328. 36

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР АГРАРНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье речь идет о роли идеологического и социокультурного фактора в аграрных преобразованиях в истории России. Автор представил исторический ракурс понимания специфики крестьянского вопроса в дореволюционной и современной России сторонниками различной идеологической и мировоззренческой ориентации.

Ключевые слова: идеологический фактор, социокультурный фактор, аграрный вопрос в России, общинность, аграрные реформы.

The Ideological and Sociocultural Factor Agrarian Reform in Russia

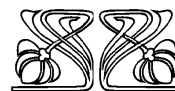
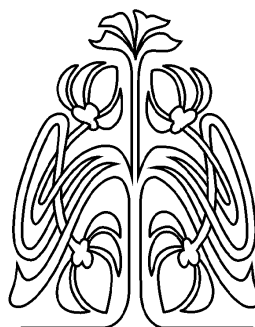
A.A. Vilkov

In this article talking about the role of ideological and sociocultural factors in the agrarian reforms in Russia's history. The author provided a historical perspective of understanding the specifics of the peasant question in pre-revolutionary and modern Russia supporters of various ideological and mental outlook.

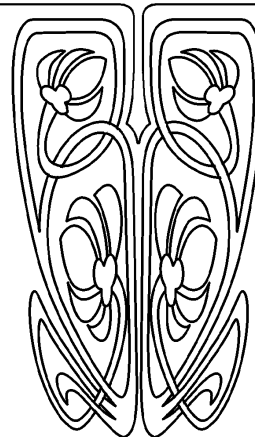
Key words: ideological factors, socio-cultural factor, agrarian question in Russia, communality, agrarian reform.

В феврале 2011 г. Россия отмечает юбилейную дату, которая пока не привлекла особого внимания политиков и широкой общественности, хотя значимость её не вызывает сомнения у представителей как левого, так и правого крыла российского политического бомонда: прошло 150 лет со дня освобождения российского крестьянства от крепостничества. Однако понимание места и роли данного явления в политическом и социально-экономическом развитии России вызывало и продолжает вызывать самые бурные дискуссии.

Началом можно считать полемическую публицистику А.С. Пушкина¹, критически оценившего запрещенную Екатериной II книгу А.Н. Радищева. На страстные обличения крепостничества последнего А.С. Пушкин отвечал не менее эмоционально: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. ... никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»²

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Понятно, что данная поэтом оценка состояния российской деревни на период середины 1830-х гг. не может быть отнесена к научно обоснованной. Но Пушкин писал о своих личных впечатлениях и собственном понимании тех проблем российского крестьянства, которые, по его мнению, были предвзято и гипертрофированно обозначены в таком же публицистическом произведении А.Н. Радищева. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что А.С. Пушкин сумел наиболее адекватно отразить доминирующие в российском дворянстве представления о том, как нужно реформировать крепостническую систему. Последующие события подтвердили, что подобный подход был характерен и для Александра II при подготовке и проведении аграрной реформы 1861 года.

Проблема крепостничества и крестьянской общины в России была также одним из важнейших предметов полемики славянофилов и западников. Главной особенностью её было то, что указанная проблематика определяла ядро более широкой дискуссии о Русской идее, о поиске самобытного пути развития России.

П.Я. Чаадаев, один из первых идеологов западничества, в качестве «образующего» начала, определяющего место русского народа среди человечества, выделял «элемент географический». Он писал: «...вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых же дней нашего существования; она внушила нам странную покорность силе вещей, всякой власти, провозгласившей себя нашим владыкой. В такой среде нет места для правильного повседневного общения умов между собой, в этой полной обособленности отдельных сознаний нет места для логического развития мысли, для непосредственного порыва души... нет места для сочувствия людей между собой... словом, мы лишь геологический продукт обширных пространств... лишь любопытная страница физической географии. Вот почему насколько велико в мире наше материальное значение, настолько ничтожно все значение нашей силы нравственной»³.

В целом, оценивая дискуссию западников и славянофилов⁴, её можно охарактеризовать следующим образом: одни руководствовались мифологическими представлениями о самобытности России и преувеличивали роль общины, другие – столь же мифологизированными представлениями о Западе и негативных сторонах общины.

Данное противостояние в оценках самобытности России и возможностей её модернизации продолжается и по сегодняшний день, подтверждая цикличность развития не только социально-политических процессов, но и цикличность их отражения в научных исследованиях.

Например, молодой самарский историк уверенно констатирует: «Единственный способ для России достичь желаемых ею социально-

экономических и военно-политических успехов и уровня западных либеральных держав состоит в отказе от своего антилиберального пути развития и преодоления собственной культурной идентичности. Насколько оно того стоит – оставляю на усмотрение читателя. Бесконечно повторять бесплодные попытки сорвать плоды либерализма, не взрастив его на своей почве – как это делается в России уже на протяжении четырех веков – не имеет ни малейшего смысла и обречено на новые циклы революций и диктатур при нищете и слабости народа с неминуемым возвратом к очередной попытке перехода к либерализму»⁵.

С одной стороны, можно оценить смелость данного исследователя, так как данные обоснования неизбежности либерализма представлены в момент его явного политического кризиса в современной России, когда либерально ориентированные партии не просто потерпели поражение на выборах в Государственную думу, но переживают определенный «момент истины», связанный с самим фактом их существования. Маргинальные движения «Другой России» и им подобные вряд ли сегодня могут рассчитывать хотя бы на малейшую поддержку в обществе.

С другой стороны, не менее отважным представляется и открытый призыв автора к россиянам к преодолению собственной культурной идентичности. Как он видит это преодоление для рядового российского гражданина – вопрос остается открытым, особенно с учетом того, что единой культурной идентичности в России не было никогда. Даже в условиях тотальной индоктринации социалистической идеологии и единой очень мощной системы политической социализации в советский период сформировать единую политическую и культурную идентичность не удалось. В то же время именно либерализация политической и социально-экономической системы постсоветского периода привела к тому, что во многих регионах бывшего СССР возродились архаичные политические режимы, опирающиеся не только на этнические, но и на родоплеменные идентификации.

Поэтому подобные точки зрения имеют место у многих российских исследователей, но чаще всего носят более завуалированный и не столь явный характер. Например, по мнению Г.В. Тимофеевой, «российская ментальность формировалась веками, и ее можно охарактеризовать как общинную, рассматривающую человека как часть целого. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины, развивало склонность к смирению и покорности и препятствовало автономизации индивидов, абсолютизируя моральные ценности в противовес материальным. Отсюда низкие оценки активности и достижительных ценностей в современной России. В русской культуре успех – это, прежде всего, удача, везение, а не результат длительных собственных усилий; скорее, результат личных свя-

зей, а не объективных процессов. Накопительство, богатство и собственность часто рассматриваются не как положительные, а как отрицательные ценности. Свобода трактуется не как независимость и самостоятельность⁶. Выводы искушенный читатель должен сделать самостоятельно – если хочешь жить нормальной жизнью – нужно отказаться от своей российской ментальности и заменить её либеральной.

По мнению С.Н. Гавры, главное средство в разрешении кризисной ситуации в России заключается в том, чтобы пустить в страну крупные западные компании, как это сделали в 90-е гг. прошлого века страны Восточной Европы, компании, которые будут платить относительно приличную по российским меркам зарплату. В этом случае «появится (уже появилась) и у нашего человека мотивированность к труду. ...С нашей же точки зрения – в потребителях сила, именно они олицетворяют в своих жизненных практиках экспансию Западной цивилизации модерности, “западнизма” вообще. Именно масса сытых, но динамичных потребителей откажется со временем от следования национальным социокультурным традициям, выбьет из под ног всякую почву у оставшихся не у дел в разных сферах общественной теории и практики, не только вытесненных в маргинальную сферу в области идеологии, но и не могущих потреблять в сопоставимых натуральных и стоимостных объемах национальных, цивилизационных, религиозных хранителей и патриотов»⁷.

В.И. Новодворская для защиты интересов таких «светлых» западников предлагает еще более действенную меру. По её мнению, «вместо милиции и ОМОНа можно будет нанять на первых порах американских копов, а всякую госбезопасность путинского пошива разогнать подальше по лесам и полям»⁸. Очевидно, что для защиты самих американских копов понадобятся и американские силы быстрого реагирования, расквартированные под Москвой и Петербургом. Заодно можно и проблему «несправедливого» распределения природных ресурсов для транснациональных корпораций разрешить. После таких аргументов становится еще более понятно, почему либерализм так плохо приживается на российской почве.

Славянофильская идеализация российских народных устоев также не канула в лету. Например, авторы учебного пособия по духовным основам истории русской культуры заключают, что «среди факторов российского исторического развития русская народно-национальная, психологически мощная стихия обычно предстает в интеллектуально аморфном, идеологически неопределенном, порой хаотическом виде. Зачастую она как бы стеснительно укрывается в тени идей вселенской церковности и универсального государства, подспудно питая все творимое на русской земле, придавая ему исключительную

самобытность, но не решаясь твердо заявлять о себе и о своих правах. Осмысливаясь и развиваясь преимущественно вне сферы официальной идеологии, она в лучшем случае подразумевается (в качестве «народности») и ставится государственными мужами на последнее место в ряду коренных устоев России (после Православия и самодержавия). Однако, по сути дела, ее настоящее место должно быть между верою и государственностью. Как непреложно свидетельствует наша история, без прочно скрепляющего первую и вторую национальное самосознания, самобытно развитого общественного организма, национально конкретного гражданского общества, без постоянной заботы Церкви и государства о своих связях с нацией, о духовном, физическом, социальном благоденствии народа, трудно хранить отеческое Православие, нельзя отстоять Российской державы и, следовательно, невозможно осуществлять всенародное служение высшим духовным целям»⁹.

Авторы как будто не вышли из тех представлений, которые идеалистически были сформулированы в XIX в. российскими мыслителями, которые в страшных снах предположить не могли, через какие испытания придется пройти России в XX столетии: страшная Гражданская война, в которой православные убивали друг друга по идеологическим соображениям (так же как и мусульмане); насильственная коллективизация и сопутствующая ей практика целенаправленного голодомора в регионах-житницах; форсированная индустриализация; массовые репрессии и ГУЛАГ; жесткая антирелигиозная и антицерковная государственная политика; с невероятным напряжением и сверхчеловеческими усилиями выигранная Вторая мировая война; масштабные миграционные процессы и раскрестьянивание; радикальные реформы 1990-х и массовое обнищание населения. Это только крупнейшие исторические события, затронувшие миллионы и десятки миллионов советских/российских граждан. А сколько было не столь масштабных, но не менее трагических, исковеркавших судьбы тысяч и десятков тысяч людей? Например, жители деревень, попавших в зоны затопления в ходе строительства гидроэлектростанций, вынужденных бросить свои дома и могилы своих предков. Какая высшая духовная цель после всего пережитого может быть сформулирована для российского народа, наблюдающего, как накопленная невероятными усилиями и жертвами предшествующих поколений общенародная собственность в одночасье досталась кучке компрадоров, посадивших Россию на нефтегазовую иглу?

Анализ состояния сельского хозяйства в Российской Федерации позволяет констатировать, что сложившийся в советское время колхозно-совхозный уклад жизни в современной деревне в значительной степени разрушен во всех его измерениях: производственном, бытовом, социокультурном,

поселенческом. Однако новый уклад не был сформирован и российская деревня в очередной раз переживает состояние выживания. В отличие от всех предшествующих кризисов российской деревни современный характеризуется особой драматичностью и катастрофичностью.

Обусловлено это тем, что в ходе большинства аграрных реформ в истории России чаще всего постоянно повторялся главный их недостаток. Суть его заключается в абсолютизации интересов государства (и элиты соответственно) и политико-идеологических факторов и недооценке экономических и социальных интересов самого крестьянства. Деревня и крестьянство рассматривались как неиссякаемый и постоянно возобновляемый источник разнообразных ресурсов, необходимых для обеспечения внутренней и внешней политики Российского государства.

Петр I в ходе реформирования деревни предписал объединить черносошных крестьян Русского Севера, инородцев Поволжья, пашенных крестьян Сибири, однодворцев Юга в единую группу, получившую название «государственные крестьяне». Этим подчеркивалось, что невладелческие, негородские группы населения, составляющие одну пятую населения страны, не остаются в неопределенном состоянии, объявляются принадлежащими государству, которое с них взимает подушную подать в увеличенном размере, приблизительно равном денежному эквиваленту повинностей крепостных крестьян. Это привело к ужесточению государственного контроля, ограничению юридических прав и возможностей этих свободных прежде социальных категорий. Привязанные к тяглу, фактически лишённые права пространственного и социального перемещения, государственные крестьяне становились своеобразными крепостными государства, резервуаром, из которого русские самодержцы черпали людей для подарков своим сановникам и фаворитам. После секуляризации к этому резервуару были добавлены «экономические» крестьяне, а также казенные западных территорий и Закавказья, украинские казаки и другие.

Более того, мы не разделяем утверждения, что во время проведения податной реформы в деревне «Петр I ликвидировал тысячелетний институт холопства, существование которого коренилось не только в идущих с древности традициях домашнего рабства, организации русской армии, но и в экономической потребности иметь категорию зависимого населения, обслуживающего помещика на барской пашне и в домашнем хозяйстве»¹⁰. Да действительно, дворовые люди, состоявшие в значительной части из холопов, были включены в единый подушный оклад «дабы вечно с крестьянами» быть в тягле и зависимости от помещика. Формально это означало повышение их рабского статуса до статуса крепостных. Однако вся последующая история крестьянства свидетельствует, что реально помещики понизили

статус крепостных до уровня холопов. Самым наглядным свидетельством ломки традиционного менталитета крестьянства стала торговля людьми, в том числе с разделением семьи и без земли. Последние обстоятельства были особенно болезненными, так как разрывали все мироощущение и мировосприятие крестьян и превращали их в апатичных и безынициативных рабов. Начатый при Анне Иоановне процесс лишения крепостных крестьян даже тени юридических прав окончательно завершился в екатерининский «золотой век» дворянства. Они уже не присягали на верность государю, их без суда и следствия ссылали в Сибирь на поселение и в каторжные работы по одной лишь воле помещиков.

Реформа 1861 г. также основывалась на первоочередном учете интересов дворянства. За 40 пореформенных лет государственные расходы увеличились в три раза и удовлетворялись они в основном за счет крестьянства. В совокупности с выкупными платежами они не только не способствовали серьезному развитию товарно-денежных отношений в деревне, но и содействовали сохранению ментальных архетипов коллективного выживания, особенно с учетом массового голода. Не стимулировали зарождение рыночных ценностей и взаимоотношения с дворянами-землевладельцами. Значительная часть их земли (особенно «отрезки», составляющие одну пятую дореформенных крестьянских наделов) арендовалась крестьянами не на капиталистических условиях, а за отработки. Фактически они были продолжением барщины, построенной уже не на личной, а на экономической зависимости.

Столыпинская реформа, на наш взгляд, имела своей целью в первую очередь уничтожение общины, в которой реформатор видел главное препятствие экономическому прогрессу в деревне. Действительно, если допустить, что задачей номер один для Столыпина было насаждение хуторов и отрубов, то трудно объяснить содержание указа 9 ноября 1906 г. Нельзя не согласиться с П.Н. Зыряновым, что наиболее разработанной является та часть указа, в которой определяется порядок укрепления в собственность чересполосного надела¹¹. Но в таком случае процесс сведения земли в отруб или выселения на хутор не только не облегчался, но и получал серьезные препятствия. Вклинившиеся в общинные земли чересполосные наделы собственников затрудняли коренные переделы, с помощью которых только и было возможно компромиссное размежевание и распределение земель для желающих выйти на хутор или отруб за пределами общины. Если же признать, что такой компромисс не был нужен, что самоцелью преобразований было ускоренное разрушение общины, то логика реформаторов объяснима: расколоть общинное землевладение изнутри, создать конфликтные ситуации, препятствующие переделам. Тем самым искусственно

создавалась предпосылка, стимулирующая процесс формирования частнособственнических отношений в деревне.

В то же время вряд ли можно однозначно согласиться с мнением Н.Г. Рогалиной, что глубоким стратегическим замыслом реформы было «создание новых форм социально-экономического быта, обстановки уважения к собственности вообще»¹². Как раз последнего *вообще* реформа и не создавала. Действительно, она соответствовала ментальности тех, кому стало тесно в рамках общины с её принудительным севооборотом и уравнительными земельными переделами, и тех, для кого надел был обузой, и он стремился от него избавиться. Они-то и вышли из общины. Однако для большинства, сохранивших общинный менталитет, обстановки уважения к собственности вообще реформа не создавала по одной простой причине – формы и методы её административного проведения не отличались уважением к их общинной собственности. Общинники отвечали «взаимностью» и сопротивлялись, используя богатый арсенал воздействия: от остракизма, до прямых угроз и действий.

Реформаторы, как правило, не учитывали устремленности массового менталитета крестьянства, а игнорировали его, либо пытались изменить в «нужную» сторону. В результате крестьянство проявляло вначале пассивную покорность и инерцию, которые постепенно накапливали взрывчатый материал максимализма и радикализма¹³. Именно он и был использован революционерами всех мастей. Не случайно Ленин утверждал, что аграрный вопрос был «гвоздем» трёх русских революций.

Доктрина революционных демократов и народников была теоретической конструкцией, построенной в соответствии с изначально неверно заданными параметрами, определяемыми «социалистической» сутью российской крестьянской общины. Внедрить в сознание крестьян «очищенный» от самодержавных наслоений идеал общинной жизни (не совпадающий с крестьянским) и поднять их на борьбу с самодержавием – вот приоритеты всех сторонников этого течения. Причем неудачи с распространением «социалистических ценностей» во время «хождения в народ» заставили сконцентрировать силы на решении второй задачи. Соответственно и акцент делался на обращении к бунтарской, дезорганизующей, разрушительной стороне крестьянского менталитета.

Победоносная результативность большевистской программы вовсе не означала ее соответствия ментальным ценностям крестьянства, а лишь свидетельствовала об их использовании для достижения кардинально иных целей. Это была своего рода поэтапная «эксплуатация» отдельных, выгодных для большевиков, характерных черт крестьянства. В таком ракурсе действительно можно говорить, что реальности «большой кре-

стьянской революции» изменяли идеологию большевиков в ее *тактической части*, обеспечивающей свержение существующего строя, но отнюдь не стратегические цели, в которых крестьянству места по-прежнему не оставалось.

Таким образом, большевики наиболее радикально пошли навстречу программным требованиям крестьянства после Февральской революции, пообещав незамедлительно воплотить их в жизнь после своего прихода к власти. Однако, по сути, стратегическая часть их идеологии была наиболее далека как от ценностей капитализирующейся части крестьянства, так и от идеалов восторжествовавшей общинной деревни, поскольку в будущем социалистическом обществе места крестьянству не отводилось вообще, и оно должно было исчезнуть как класс с исторической арены. Поэтому вынужденно и временно введя НЭП после утраты надежд на немедленную мировую революцию, большевики лишь отложили решение этого вопроса до создания необходимых условий для социалистического преобразования деревни. Лидеры большевистской партии, расходясь в вопросе о путях, способах и темпах перевода крестьянства на социалистические рельсы, были едины в конечной цели – ликвидации крестьянской мелкобуржуазной стихии «ежедневно, ежечасно рождающей капитализм». Опыт НЭПа подтвердил, что общинные ценности не имеют ничего общего с коммунарами и колхозами и, несмотря на их пропагандистскую, финансовую и материальную поддержку, большинство крестьянства добровольно отказывалось перевести свои хозяйства на социалистические рельсы. Общинный менталитет оказался неадекватным идеологическим конструкциям и его пришлось насильственно разрушить, чтобы построить «величественное здание социализма».

Социалистический модернизационный эксперимент в российской деревне, с одной стороны, был задан идеологическими догмами и мифологемами марксизма, отражавшими западноевропейские тенденции укрупнения производства и отчуждения работников от средств труда. В этих тенденциях марксисты видели объективные предпосылки перехода к социализму и созданию крупных общественных хозяйств, в том числе и в сельском хозяйстве. В середняцкой российской деревне эта тенденция прослеживалась очень слабо и ее пришлось заменить искусственной и насильно организованной коллективизацией. С другой стороны, созданные путем чрезвычайных жертв и сверхнапряженных усилий модернизированной промышленностью и колхозно-совхозная система форсированно разрешили ряд противоречий, накапливавшихся в российской деревне с XIX в.: аграрное перенаселение, рутинный уровень хозяйствования, отсутствие технической базы для внедрения передовых технологий и агрокультуры, низкий уровень грамотности и другие.

Подобная модернизация двояким образом сказалась на эволюции крестьянского менталитета. Постепенная механизация сельскохозяйственного производства и формирование соответствующей социально-профессиональной структуры, определенное повышение уровня жизни, введение гарантированной заработной платы и пенсий, бесплатное всеобщее образование, здравоохранение, развитие социальной инфраструктуры и многие другие преобразования всех сфер жизни в деревне в течение трех-четырех поколений вызвали серьезные ценностные изменения в ментальном восприятии колхозной системы. Ее положительные стереотипы не были результатом только мощного тотального идеологического воздействия, простым отражением пропагандистских штампов о самом прогрессивном в мире способе хозяйствования на земле. Историческая память крестьянства действительно запечатлела и положительно оценила значительные сдвиги в развитии материально-технической базы, улучшении условий труда и образа жизни колхозной деревни (особенно в 1950–80-е гг.). Массированная идеологическая обработка лишь внедряла в структуры менталитета стереотипы, что такие успехи стали возможны *только* в результате социалистической модернизации, *только* как следствие развития колхозного строя.

В результате за относительно короткий исторический срок у колхозников выработалось глубокое и стойкое положительное ментальное восприятие этой системы по сравнению с предшествующей, построенное на простых, но очень сильно действующих образах сравнения по типу: «соха и трактор», «нищета – достаток», «неурожайные годы – гарантированная помощь», «примитивный быт – бесплатное пользование колхозными и государственными социальными благами» и т.п.

Вместе с тем социалистическая модернизация не синтезировала технические достижения и культурный рост крестьянства с личным интересом, с развитием установок, ориентирующих на предприимчивость, инициативность, самосовершенствование, творческое и ответственное хозяйствование на земле. Напротив, колхозы и совхозы находились в жесткой системе административно-командного управления с аналогичной внутриколхозной (совхозной) системой производственных отношений. Несмотря на все попытки политического режима мерами идейно-воспитательного воздействия активизировать действие вышеназванных установок, основанных на более «высокой» социалистической морали и общественной сознательности, результативность их не могла компенсировать личную самостоятельность и заинтересованность в результатах труда. Это было, пожалуй, главной причиной того, что социалистическая модернизация сельского хозяйства уступила по эффективности не только развитым капиталистическим странам, но и «зеленой революции» в странах третьего мира.

Таким образом, особенности общинного менталитета российского крестьянства, его системно-центризм, приоритеты коллективных ценностей над индивидуальными, глубинные архетипы выживания, особая значимость государства для самосохранения народа, высокая духовность, стремление к социальной справедливости и другие архетипы на протяжении всей истории страны использовались модернизаторами в основном для достижения целей, не способствующих интересам развития самого крестьянства, его внутренним потребностям, естественному раскрытию его потенциальных возможностей. Условия чрезвычайщины и экстремальности, в которые было поставлено российское крестьянство, фактически на протяжении всей истории сделали его заложником общинного менталитета, наследие которого проявится и в условиях сегодняшней модернизации сверху в виде деколлективизации и фермеризации российской деревни и ее шокового перехода к рыночным отношениям.

На рубеже 1980–90-х гг. в основу аграрного реформирования вновь был положен идеологический фактор. Все проблемы сельского хозяйства объяснили принципиальной неэффективностью колхозно-совхозной системы. Выход из кризисной ситуации сторонники либеральных преобразований обосновали в виде концепции «возвращения хозяина земле» на основе разрушения «агроулага» и перехода к рыночным отношениям в деревне. В результате сложившаяся социально-экономическая инфраструктура в деревне в значительной степени была разрушена, а новая не была создана.

Политический фактор в ходе реформирования колхозно-совхозной системы был доминирующим даже в институциональном определении. Например, названия ЛПХ (личное подсобное хозяйство) и КФХ (крестьянское фермерское хозяйство) были связаны с идеологическими понятиями, лежащими в основе их законодательного закрепления. В советской колхозно-совхозной системе семейные хозяйства были объявлены «подсобными», обреченными с развитием этой системы на скорое исчезновение, а в период реформ 1990-х гг., когда ставилась задача превратить Россию в «нормальную» страну, т.е. в страну европейского и/или североамериканского типа, предполагалось, что семейные хозяйства, аналогично тому, как это имеет место в Европе, США, Канаде, должны стать доминирующими¹⁴.

Идеологической базой для проекта постсоветской аграрной реформы служили, с одной стороны, распространенные на Западе идеи экономического превосходства относительно небольших семейных ферм без или с минимальным использованием наемного труда, а с другой – аналогичные идеи отечественного экономиста-аграрника начала XX в. А.В. Чайнова, которые называл современными ему русские семейные фермы крестьянскими хозяйствами. Название «КФХ» соединило в себе эти два идеологических влияния¹⁵.

Современное состояние российской деревни наиболее адекватно можно определить как катастрофичное¹⁶. Среди ключевых проблем, требующих незамедлительного решения – вымирание и депопуляция деревни за счет более высокой смертности сельского населения, его деградации и пьянства, низкой продолжительности жизни и оттока молодежи¹⁷. Значительная часть сельских жителей имеет среднестатистические ресурсы ниже прожиточного уровня. Растет разрыв между городом и деревней по уровню бедности. По данным современных исследователей, сельские жители в 2 раза чаще оказываются в числе бедных¹⁸. Деревня существенно отстает от города по уровню и качеству жизни. Значительная часть сельского населения живет только за счет личных подсобных хозяйств.

Система социальной инфраструктуры (и в советское время отстававшая от города) в условиях перехода к рыночным отношениям оказалась в значительной степени разрушенной. Это создает неравные с городом условия развития человеческого капитала. Специфика сельскохозяйственного производства, узость альтернативной занятости обусловили обострение социальных проблем деревни¹⁹.

Происходит деградация и деспециализация производства, разрушение воспроизводственного потенциала. Либерализация экономических связей в АПК и приватизация колхозно-совхозного сектора на основе передачи значительной части сельскохозяйственных угодий из собственности государства в индивидуальную и коллективную частную собственность граждан и предприятий не привели к повсеместному созданию эффективно работающих стабильных хозяйств. Фермерский слой не стал доминирующим производителем в российской деревне. Сохраняются неблагоприятные общие условия функционирования сельского хозяйства, и, прежде всего, неудовлетворителен уровень развития рыночной инфраструктуры, изношены производственные фонды, растут цены на основные потребляемые отраслью ресурсы и услуги.

В 2000-е гг. произошел ряд перемен в государственной аграрной политике: начался рост аграрного бюджета, стало осуществляться регулирование земельного и зернового рынка, использоваться квотирование импорта. Особенно значимой стала реструктуризация долгов сельскохозяйственных производителей, расширение их доступа к кредитным ресурсам. В 2006 г. была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись, началось осуществление приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Был принят Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», в соответствии с которым начала реализовываться Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования агропродовольственных рынков на 2008–2012 годы.

В результате государственная поддержка аграрному сектору возросла, но финансовые вливания большую часть обозначенных выше проблем решить не смогли, с учетом того, что в условиях мирового финансового кризиса масштабы поддержки не смогли остаться запланированными. Важнейшей проблемой остается неэффективный характер использования ресурсов государственной поддержки, которая нередко не доходит до реальных сельскохозяйственных производителей или осуществляется на коррупционных условиях.

Необходима модель «опережающего развития» на основе выделения определенных инновационных приоритетов. В то же время необходимо иметь в виду, что разрушительные последствия в экономической, социальной и культурной сферах деревни в постсоветский период настолько велики, что необходим комплексный подход для их преодоления.

Для выхода из сложившейся ситуации необходим кардинальный пересмотр основных принципов разработки и реализации государственной аграрной политики.

Большинство специалистов сельского хозяйства согласны в том, что быстрый выход из создавшегося положения невозможен, слишком много накопилось нерешенных проблем. По мнению академика Л. Абалкина, нужно сделать два важных шага. «Во-первых, следует быстро и конструктивно пересмотреть базовые основы аграрной политики: ввести ценовой паритет, оказать государственную поддержку селу, как это делается во всех развитых странах мира. Потребуется два-три года при наличии четкой политической воли как в центре, так и в регионах, при слаженной работе всех структур власти и поддержке со стороны средств массовой информации. Но возрождение села и обеспечение продовольственной безопасности страны настоятельно требуют таких усилий. Во-вторых, необходимо приступить к осуществлению долгосрочной стратегии, рассчитанной как минимум на 20 лет»²⁰.

При этом многие специалисты предупреждают об опасности слепого заимствования западного опыта в сельском хозяйстве, «поскольку во многих случаях он ведет в технологический тупик»²¹. Последние события в Германии показали, что в борьбе за повышение конкурентоспособности и получение прибыли западные сельхозпроизводители используют технологии, способные принести существенный вред потребителям аграрной продукции.

Не случайно Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р, одной из основных целей государственной аграрной политики в долгосрочной перспективе определено устойчивое развитие сельских территорий, повышение уровня жизни сельского населения. Вместе

с тем большое внимание уделено обеспечению национальной безопасности страны.

Специалисты утверждают, что для освоения земли надо изменить демографическую ситуацию, привлечь в село миллионы людей. Но для этого жизнь на селе должна стать комфортной и привлекательной. Необходимо построить современное благоустроенное жилье, создать социальную сферу (школы и медицинские учреждения), закупить современную технику, обеспечить аграрный сектор удобрениями и т.д. Современные информационные технологии позволяют жить не в изоляции, а приобщаться к высшим достижениям науки и культуры, поддерживать связь с родственниками и друзьями. Такое «переселение» людей должно быть добровольным, при мощной поддержке власти, способной стратегически решать назревшие социально-экономические проблемы. Сельское население способно к воспроизводству, если развитие аграрно-промышленного комплекса станет не только экономическим, но и приоритетным социальным проектом. От этого в решающей степени зависит возрождение России, благополучие наших граждан, судьбы наших детей и внуков²².

В целом исторический опыт аграрного реформирования свидетельствует, что необходимо принципиально изменить сам государственный подход к решению проблем российской деревни. Целесообразно отказаться от доминирования идеологических факторов и мировоззренческих стереотипов и руководствоваться принципами экономической целесообразности и национальной безопасности. Новая аграрная политика должна быть основана на принципах научности, деидеологизированности, преемственности, взвешенности, комплексности, взаимоувязанности и совокупного учета экономических, социальных, демографических, культурных факторов, обуславливающих специфику сельского образа жизни в России в условиях глобализации.

Примечания

- ¹ В советское время этот пушкинский материал фактически был вне исследовательского поля пушкинистов, так как противоречил традиционно формируемому в научных трудах и учебниках образу великого русского поэта как вольнодумца и союзника декабристов.
- ² *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1969. Электронная библиотека. URL: <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1050.htm>
- ³ *Чаадаев П.Я.* Афоризмы. Статьи и письма. М., 1987. С. 173–174.
- ⁴ Подробнее см.: *Вилков А.А.* Роль общественно-политических взглядов историков середины XIX века в изучении и оценках крестьянской общины // Истори-

ческие воззрения как форма общественного сознания: материалы науч. межвуз. конф. Саратов, 2–4 июня 1993 г. Саратов. 1995. Ч. 1. С. 80–90.

- ⁵ *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара, 2010. С. 313.
- ⁶ *Тимофеева Г.В.* Влияние институциональных факторов на процесс аграрного реформирования в конце XX – начале XXI века // Вестн. ВолГУ. Сер. 3. 2008. № 1(12). С. 20–21.
- ⁷ *Гавра С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит: монография / предисл. Л.С. Перепелкина. Nebraska University of Lincoln, 2009. С. 258, 262–263.
- ⁸ *Новодворская В.И.* Ночной позор. URL: <http://grani.ru/opinion/novodvorskaya/m.185340.html> (дата обращения: 16.01.2011).
- ⁹ *Булычев Ю.Ю., Рябов Ю.А.* Духовные основы истории русской культуры от середины XIX до конца XX в.: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 412.
- ¹⁰ Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 143–144.
- ¹¹ См.: *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 78–79.
- ¹² *Роголина Н.Г.* Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 228.
- ¹³ Маятниковую модель настроений и поведения российского крестьянства в ходе реформ см.: *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1991; *Литвак А.А.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
- ¹⁴ См.: *Ефимов В.М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 75.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: *Абалкин Л.* Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 4–14; *Будалов И.* Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 121–130; *Никольский С.А.* Аграрный курс России: мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М., 2003.
- ¹⁷ См.: Численность и размещение населения. М., 2004. Т. 1. С. 8, 348.
- ¹⁸ См.: *Малева Т.М., Овчарова Л.Н.* Социальный контекст модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сб. ст. и материалов. Вып. 2 / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2009. С. 77.
- ¹⁹ См.: Сельская бедность и сельское развитие в России / Е.В. Серова и [др.]. М., 2004.
- ²⁰ *Абалкин Л.* Указ. соч. С. 14.
- ²¹ *Голубев А.* Посткризисное развитие сельского хозяйства России // Вопр. экономики. 2009. № 10. С. 131.
- ²² См.: *Абалкин Л.* Указ. соч. С. 14.

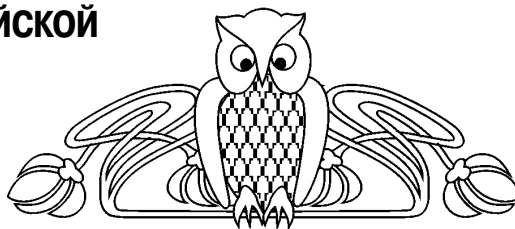

УДК 321:342.4

РЕТРОСПЕКТИВА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.Г. Сергеев

Поволжская академия государственной службы, Саратов
E-mail: vestnik@pags.ru

Предметом рассмотрения являются исторические формы отечественных внеконституционных политических институтов. Автором показаны значение, особенности возникновения и функционирования подобного рода структур в различные периоды существования Российского государства. Исследуемые образования анализируются в контексте осуществления политической властью функций государственного управления.

Ключевые слова: внеконституционные политические институты, государственное управление, конституционный строй, политическая власть.

The Retrospective Review of the Domestic Extraconstitutional Political Institutions from Russian Empire to Russian Federation

S.G. Sergeev

The subject of the research is the historical models of the domestic extraconstitutional political institutions in Russia. The author focuses on the main features of their origins and functioning within different periods of Russian history. The mentioned institutions are being analyzed in the context of political authorities performing public administration powers.

Key words: extraconstitutional political institutions, public management, constitutional system, political power.

Большую часть своей истории Россия являлась монархическим государством с самодержавной (как вариант – абсолютистской) формой правления. Источником власти в ней считался царь/император, который за исключением редких исторических моментов самостоятельно определял институциональную схему государственного управления в центре и территориях страны. Набор институтов, посредством которых осуществлялась политическая воля монарха, устанавливался помазанником Божиим, при этом монарх исходил как из собственных предпочтений, так и из доступного для него мирового опыта. В частности, хорошо известно, что внедренная Петром I система государственного управления представляла собой калькированный вариант современной ему шведской системы, а министерская реформа, осуществленная по плану М.М. Сперанского в начале XIX в., являла пример продуктивного применения на российской почве актуального опыта крупнейших европейских государств.

Единая для всей страны писаная Конституция в Российской империи отсутствовала, а

создаваемые структуры публичного управления оформлялись путем принятия законов либо соответствующих актов, изданных главой государства. Вследствие этого, казалось бы, говорить о внеконституционных (шире – о незаконных) политических институтах применительно к России до принятия в ней Основного закона РСФСР 1918 г. не корректно. Однако если понимать конституцию не в сугубо юридическом смысле – как некий более или менее жестко зафиксированный правовой акт или обычай, а как устойчивый легитимизированный политический порядок, то в контексте такой «реальной конституции» становится возможным политологический анализ проблемы конституционности/внеконституционности отечественных публичных институтов в ее историческом развитии.

Принципиальное определение конституционной или внеконституционной природы политических образований, в той или иной степени включенных в сферу государственного управления Российской империи – Российской Республики – Советской России, позволит не только ретроспективно осмыслить соответствующий отечественный исторический опыт, но и экстраполировать его на современные условия Российской Федерации. На таком фоне тем более интересно маркировать отдельные исторические формы феномена *внеконституционных политических институтов*, в реальной практике властного управления обществом и государством имевших весьма важное, а порой – решающее значение. Это позволит сделать уточнения о характере внеконституционных политических институтов, их предназначении, функциональных особенностях. Кроме того, в сравнительном ключе они могут быть проанализированы по отношению к современным российским политическим структурам такого рода, основные определяющие признаки и характеристики которых уже были представлены нами¹. Определяющее значение при отнесении тех или иных институтов ко внеконституционным, наряду с их юридической и политической природой, будет иметь их публичность и реальная включенность в систему государственного управления.

Основоположником бюрократической организации государства в России считается Петр I, который конструировал публичное управление на сугубо рациональных началах, реализуемых

посредством принятия соответствующих нормативных актов. Он рационально понимал и решал задачи, стоящие перед государством, в том числе связанные с извечным бедствием российского чиновничества – казнокрадством и взяточничеством. Осознавая, что посредством рядовых узаконенных (т.е. «конституционных») государственных институтов с этой проблемой не справиться, Петр I создал особые комиссии по расследованию, состоящие из гвардейских офицеров, которым было приказано «рассматривать дела и вершить суд не по закону, а «согласно здравому смыслу и справедливости»². По своей сути и предназначению такие специализированные структуры явно выступали как «внеконституционные», находясь за рамками регулирования правовыми средствами и за пределами установленной самим же главой государства институциональной организации системы управления.

В течение XVIII столетия в стремительно развивавшейся Российской империи происходило становление государственного аппарата. При этом заметным явлением стало функционирование совещательных органов, сосредоточивавших значительные полномочия за счет иных, государственно узаконенных органов, прежде всего, Сената: Верховный тайный совет (1726–1731 гг.), Кабинет министров (1731–1741 гг.), Конференция при Высочайшем дворе (1756–1762 гг.), Императорский совет (1762–1769 гг.), Совет при Высочайшем дворе (1769–1801 гг.)³.

Наиболее показательными примерами «внеконституционных» политических институтов в не-конституционной по определению абсолютистской России, на наш взгляд, являлись образованные в самом начале правления императора Александра I Негласный комитет и Непременный совет (1801 г.). Обе структуры были созданы по инициативе Верховной власти (Императора Всероссийского), участвовали в публичном управлении (официально не будучи государственными органами или учреждениями, облеченными какими-либо официальными властными полномочиями), целиком зависели от главы государства и в плане персонального состава, и в отношении «политического веса» конкретного образования.

В Негласный комитет вошли наиболее близкие Александру I по духу личные друзья, которые должны были подготовить реформу системы управления Российской империей. Молодой российский правитель так сформулировал цель комитета: «Обуздать деспотизм нашего правительства». Именно в связи с деятельностью этого достаточно узкого, но влиятельного кружка в отечественном общественно-политическом дискурсе того времени появились слова «конституция» и «закон»⁴. Непременный (постоянный) совет функционировал в качестве совещательного органа при императоре. Его состав определялся самим главой государства из числа доверенных высших чиновников⁵. Он предназначался для

решения «оперативных» задач – рассмотрения и обсуждения государственных дел и постановлений⁶. Возможно, правы те специалисты, которые считают, что подобные структуры обеспечивали свободу маневра формально ничем и никем не ограниченному монарху.

Период правления Николая I историки называют «апогеем самодержавия». Казалось бы, находясь в высшей точке своего развития, российский абсолютизм вполне мог обойтись тем набором институтов, которые своей легальной совокупностью образовывали систему учреждений государственного управления (Сенат, Государственный совет, министерства). Однако наиболее заметной структурой, игравшей не соответствующую ее формальному статусу роль в сфере государственного управления Российской империи, стала Личная Его Императорского Величества канцелярия⁷. Многочисленные и разнообразные Секретные комитеты, получившие распространение в это же время, также вполне могут быть отнесены к «внеконституционным» образованиям, но с учетом их изначально предопределенной не-публичности.

Следующий заметный этап, на котором фиксируются «внеконституционные» политические институты, – излет Великих реформ Александра II. В 1860–1870-х гг. постепенно создавалась конституционная по своей элементной структуре и либеральная по качественному содержанию конструкция государственной власти. Однако в качестве идеологического противовеса ей и по причине роста революционного радикализма 12 февраля 1880 г. была создана Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Ее председателем стал наделенный чрезвычайными полномочиями М.Т. Лорис-Меликов⁸. С самого начала работы Комиссии как чрезвычайного и «внеконституционного» органа он постарался подчинить своему влиянию не только проводимую силами государства борьбу с революционной опасностью, но и все основные сферы жизни общества. Как это ни покажется парадоксальным, но именно в недрах Верховной распорядительной комиссии зародился знаменитый либеральный проект «конституции Лорис-Меликова». Таким образом, Комиссия являет собой нетипичный пример наделения «внеконституционного» института непосредственно властными полномочиями в сочетании с (само)присвоением функций центра разработки программы стратегического развития всей общественно-политической системы Российской империи.

Контрреформы Александра III проводились силами узаконенных структур и учреждений, которые не выходили за рамки «конституционной» конструкции государственной власти завершающего двадцатилетия XIX века. Перед царем-мироотворцем не стояло задачи подготовки и проведения реформ, более или менее кардинально

преобразующих устройство общества и государства. Видимо, в силу такого рода обстоятельств историки не фиксируют сколь-нибудь заметных образований, которые можно было бы охарактеризовать как «внеконституционные». То же вполне можно отнести и к правлению Николая II, для которого «самодержавие было символом веры»⁹ и который при вступлении на престол декларировал неизблемость русского абсолютизма. Единственным отступлением (и то с оговоркой, что речь идет о причинах чрезвычайного свойства) следует считать введение в 1906 г. «стольпинских» военно-полевых судов, действовавших по упрощенному порядку в целях скорейшего устранения сопротивления антиправительственных сил в ходе Первой русской революции.

Однако именно последнему российскому царю пришлось оформить коренное преобразование государственного строя Российской империи. Силою сложившихся исторических обстоятельств Николай II был вынужден издать «Манифест об усовершенствовании государственного порядка»¹⁰ и «Основные государственные законы»¹¹, вследствие чего в России установился режим конституционной (думской, ограниченной) монархии. В новых – теперь уже конституционных – условиях имели место внеконституционные практики, но внеконституционные институты специалистами не фиксируются.

Осмысление исторического опыта Российской империи наталкивает на мысль, что необходимость во «внеконституционных» по своему характеру структурах возникает лишь в том случае, когда власти/верховному правителю сложно самоидентифицироваться (например, по линии «консерватизм – реформизм»). При этом совсем не обязательно, чтобы государство (политический режим) находилось в так называемом «транзитном» состоянии, хотя вероятность появления «внеконституционных» по своей природе институтов в условиях перехода к иным основам публичного управления заметно увеличивается. Отсюда следует вывод: общественно-политические преобразования, инициируемые властью, способствуют возникновению внеконституционных политических форм.

«Внеконституционные» структуры, как правило, целенаправленно и вынужденно формировались как ответ на политически значимый для власти вызов, выступали дополнительным, специализированным институциональным механизмом решения оперативной управленческой задачи. Созданные в ходе политического процесса, такие образования потенциально имели шанс укорениться, легализоваться в процессе государственного управления, стать приемлемыми, привычными и – в силу этого – вполне «конституционными». Но, выполнив возложенные на них функции (чаще всего – консультативно-совещательные, и лишь в исключительных, чрезвычайных случаях – распорядительно-исполнительные или судеб-

ные) и исчерпав свой управленческий потенциал, учрежденные институты исчезали.

С появлением в 1918 г. писаного российского Основного закона – Конституции РСФСР – система органов/институтов публичного (государственного) управления стала жестко обозначенной и предельно ясной. На первый взгляд, она в принципе не допускала образования каких-либо иных структур, кроме предусмотренных упомянутой и последующими «советскими» конституциями. Тем более интересным кажется нам то обстоятельство, что в полном смысле данного определения *внеконституционные* политические институты фиксируются на протяжении всего периода существования советского конституционного строя.

В данном контексте наиболее парадоксальным случаем в обращении на отечественную политическую историю следует считать институциональный опыт *Коммунистической партии* (РКП(б), ВКП(б), КПСС). Только в 1977 г. Основным законом СССР¹² установил, что Коммунистическая партия Советского Союза является руководящей и направляющей силой советского общества и государства, то есть формально вплоть до этого времени партийные структуры являлись внеконституционными по своему юридическому положению, что не мешало им не только отправлять властные функции на всех уровнях управления обществом, но и оформлять свои решения актами, принятыми совместно с зафиксированными в Конституции страны органами государственной власти. Например, широко известен факт издания постановлений и решений Совета Министров, принимаемых совместно с Центральным Комитетом партии¹³.

Следует согласиться с утверждением, что «на более ранних этапах конституционного развития советского государства коммунистическая партия всегда играла доминирующую роль, однако до уровня “конституционной партии” она никогда не поднималась»¹⁴. Но даже после внесения в «брежневскую» конституцию знаменитой 6-й статьи, в Основном законе СССР не были закреплены какие-либо партийные органы. Это дает основания полагать, что их статус не был преобразован, и они продолжали оставаться внеконституционными. В действительности Конституция 1977 г. лишь подтвердила то, что всегда существовало.

Безусловно, наиболее очевидным примером внеконституционного политического института в советский период отечественной истории выступает *Съезд Коммунистической партии*. Его решения носили не просто обязательный, в том числе – и для органов государственной власти, характер, но и были стратегическими по своему предназначению. И хотя формально, в соответствии с советскими Конституциями, высшими органами государства в разное время были Съезд Советов или Верховный Совет, реально таковую функцию выполняли не предусмотренные в Основном за-

коне, но регулярно проводимые и принимавшие политические решения партийные Съезды.

Некоторые исследователи склонны заострить проблему, считая, что «существовал единый орган верховной власти, называемый *Политбюро ЦК КПСС*. Политбюро имело неограниченные полномочия, но не имело конституционного статуса... Этот орган был постоянно действующим и принимал решения, касающиеся всех без исключения сторон жизни общества, которые имели общегосударственный и принципиальный характер. Политбюро брало на себя те функции, которые считались важнейшими...»¹⁵. Не только Политбюро, но и нижестоящие по уровням публичного управления партийные органы принимали решения административного характера, превращаясь в официальную инстанцию с государственными функциями¹⁶. Облеченное в конкретные формы, происходило очевидное сращивание партийного и советского/государственного аппаратов¹⁷.

Однако вышеуказанными структурами богатство советского опыта внеконституционных политических институтов не исчерпывается. Показательными являются примеры учреждения в СССР *чрезвычайных* институтов, не предусмотренных Конституцией. В таких случаях соответствующие органы по своей политической природе могли быть как партийными, так и не-партийными¹⁸. В значительной мере такую институционализированную матрицу поддерживала повсеместная практика совмещения партийных и не-партийных (советских, хозяйственных) управленческих постов в руках одних и тех же лиц. Наиболее ранними по времени примерами таких внеконституционных структур, создаваемых по причине политической целесообразности, стали комбеды (комитеты бедноты) и ревкомы (революционные комитеты), «несущие, в том числе и идеологические функции, и заменившие конституционные органы во многих уездах и губерниях»¹⁹.

Иная – хозяйственно-административная – модель внеконституционного образования была ярко воплощена в «хрущевских» *Совнархозах*: она олицетворяла собой переход от ведомственного принципа управления к территориальному²⁰. Ее предшественницей можно считать тесно связанный с планом ГОЭЛРО проект районирования Советской России (1921 г.), предусматривавший разделение страны на 21 крупную область, каждая из которых мыслилась как экономически целостный район. Таким образом, идеи внутренней конструкции внеконституционных образований обладают свойствами темпоральной трансляции.

Потребность в сохранении, а как доказало последующее развитие событий – в расширении практики создания внеконституционных структур, обращенных в сферу публичного управления, не исчезла и после ликвидации Советского социалистического государства. Как продемонстрировал опыт Российской Федерации, в некоторых случаях внеконституционные структуры создаются

не в связи с пониманием возможности решения какой-либо проблемы путем образования специализированного института и инкорпорирования его в систему публичного управления. Причины возникновения порой раскрываются в понятиях статусности положения и политического честолюбия высокопоставленных политических (государственных) деятелей. Так, например, в 1991–1992 гг. специально «под» Г.Э. Бурбулиса был сформирован Государственный совет при Президенте России, чем было «частично удовлетворено честолюбие» влиятельного политика²¹. Государственный совет, фактически возглавляемый Государственным секретарем Г.Э. Бурбулисом, в политическом отношении подменял собою высший государственный исполнительный орган – Правительство России.

Внешне схожая ситуация повторилась несколько позже, хотя причина возникновения внеконституционной структуры была иная. В ходе президентских выборов 1996 г. весомой политической фигурой стал генерал А.И. Лебедь, который по договоренности с действовавшим главой государства Б.Н. Ельциным получил должность секретаря Совета безопасности (заметим – прямо предусмотренного Конституцией РФ института). В целях уравнивания его политического влияния руководитель президентской Администрации А.Б. Чубайс инициировал создание схожего по названию, но внеконституционного органа – Совета обороны во главе с Ю. Батуриным. Когда угроза роста популярности харизматичного генерала была устранена, за дальнейшей ненужностью был упразднен и «параллельный» институт²².

Некоторые идеи проведения такой своеобразно понимаемой институционализации, витавшие в 1990-е гг., были в той или иной степени воплощены в следующем десятилетии, когда внеконституционные институты стали слишком заметным явлением внутривнутриполитической жизни страны. Так, еще в 1995 г. Аналитическим управлением Администрации Президента РФ был разработан проект создания 20–25 федеральных округов, ключевым принципом которого было различие конфигураций субъектов РФ и сетки федеральных округов²³.

Вышеизложенные соображения позволяют сделать ряд обобщающих выводов. Во-первых, инициирование в политической системе внеконституционных политических институтов не является оригинальной управленческой технологией, изобретенной современным российским политическим режимом. Практически любая форма таких образований, воплощенных в современной российской практике, имеет своих институциональных, функциональных, организационных предшественников, укорененных в отечественном историческом материале. Во-вторых, внеконституционные политические институты преимущественно учреждаются де-юре (для демократических систем) или де-факто (для

авторитарных/тоталитарных) верховными государственными органами. В связи с этим еще раз обратим внимание, что внеконституционные политические структуры могут воспроизводиться на различных уровнях публичного управления в институционально и функционально похожих или даже транслируемых во временном отношении формах. В-третьих, внеконституционные политические образования функционально ориентированы преимущественно в сферу исполнительной власти. В отдельных случаях это приводит к тому, что, будучи оформлены как органы, внеконституционные институты обретают законодательно закрепленные властные полномочия и, в пределе, трансформируются в конституционные.

Очевидно, что опыт современной России по выращиванию внеконституционных политических институтов не является уникальным. Однако конкретные формы и трансформации такого рода структур обуславливаются фундаментальными и текущими российскими условиями.

Примечания

- 1 См.: *Сергеев С.Г.* Внеконституционные политические институты: правовой феномен и политическая реальность // *Вестн. Поволжской академии гос. службы.* 2009. № 4(21). С. 57–65; *Он же.* Политическая природа и организационные формы внеконституционных политических институтов в Российской Федерации: проблемы и тенденции // *Там же.* 2010. № 2 (23). С. 40–47.
- 2 *Ключевский В.О.* Собрание сочинений: в 8 т. Курс русской истории. М.: Политиздат, 1956–1957. Т. 4. С. 165.
- 3 *Бахлов И. В.* Российская империя как политико-территориальная система // *Трансформация сложных территориальных систем: теоретические основы и методология многофакторного анализа: монография / И.В. Бахлов, О.В. Бахлова, Д.В. Давыдов, И.Г. Напалкова, Л.Н. Рузавин.* Саранск: Изд. центр Историко-социол. ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2009. С. 152.
- 4 См.: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 94.
- 5 См.: *Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А.* История СССР с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н.И. Павленко. М.: Просвещение, 1989. С. 419.
- 6 См.: *Рыжов К.* Все монархи мира. Россия (600 кратких жизнеописаний). М.: Вече, 1998. С. 16.
- 7 См.: *Миرونенко С.В.* Как Россия в начале XIX в. чуть не стала конституционной монархией // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.* М.: Владос, 1994. С. 289.
- 8 См.: *Ляшенко Л.М.* Царь-освободитель. М.: Владос, 1994. С. 198.
- 9 См.: *Боханов А.Н.* Император Николай II. М.: Русское слово, 1998. С. 95.
- 10 См.: Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года // *Российское законодательство X–XX вв.* М.: Просвещение, 1994. Т. 9. С. 41.
- 11 См.: Основные государственные законы от 23 апреля 1906 года // *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 9. С. 43–51.
- 12 См.: Конституция (Основной закон) СССР. М.: Политиздат, 1977. Ст. 6.
- 13 См.: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1997. С. 163.
- 14 *Астафичев П.А.* Народное представительство и парламентаризм: конституционные проблемы / под ред. Г.Н. Комковой. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2004. С. 95–96.
- 15 *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 218–219.
- 16 *Кислицын С.А.* Политические контрэлиты и антиэлиты в российском политическом процессе // *Властные элиты современной России в процессе политической трансформации: сб. ст. / отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понделков, А.М. Старостин.* Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2004. С. 297.
- 17 См.: *Глазунова Н.И.* Система государственного и муниципального управления: учеб. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. С. 209. 218–219.
- 18 См.: *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М.: Эксмо, 2007; *Данилов В.М.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002.
- 19 См.: *Глазунова Н.И.* Указ. соч. С. 209.
- 20 Владимир Путин. Рано подводить итоги / под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. М., 2007. С. 120.
- 21 См.: *Федорин В.* Выбор пути: Появлению правительства реформаторов в ноябре 1991 года предшествовало десять лет подготовки, два месяца политических маневров и неделя колебаний // *Форбс.* 2010. № 03(72). С. 113.
- 22 См.: *Рогозин Д.О.* Враг народа. М.: Алгоритм, 2008. С. 239.
- 23 См.: *Замятина Н.Ю.* Создание федеральных округов: проект 1995 г. // *Регионы: экономика и социология.* 2001. № 1. С. 76–84.

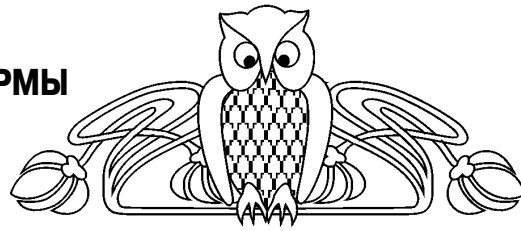

УДК 32.001

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: МЕТАМОРФОЗЫ АБСОЛЮТИСТСКОЙ ФОРМЫ (XVI – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Б.Н. Карипов

Кокшетауский государственный университет (Республика Казахстан)
E-mail: bkaripov@yandex.ru

Одной из ведущих дискуссионных тем в истории русской политической мысли является проблема становления государственности как важнейшего фактора политической и общественной модернизации. В современной политологической литературе термин «государственность» имеет множество значений. Автор статьи дает его оригинальную интерпретацию, понимая под государственностью конкретно-исторические варианты взаимодействия политического института государства с основными социальными слоями и сословиями общества. Государственность изображается как «идеальный тип» русской истории. В данной статье ставится задача проследить ключевые фазы эволюции абсолютистской формы российской государственности, которая сформировалась к XVI столетию и пришла к своему завершению в начале XX столетия, с тем, чтобы уяснить основные закономерности политического процесса, характеризующего докапиталистические и раннекапиталистические стадии общественного развития.

Ключевые слова: политическая история России, государственность, абсолютизм, модернизация, социальные сословия, политический процесс.

The Russian Statehood: Metamorphoses of the Absolutist Form (XVI – the Beginning of XX Centuries)

B.N. Karipov

One of leaders of debatable themes in the history of the Russian political thought is the problem of formation of statehood as major factor of the political and public modernization. In the modern political literature the term «statehood» has set of values. The author of article gives its original interpretation, understanding as statehood concrete historical variants of interaction of political institute of the state with the basic social strata and society estates. The statehood is represented as «ideal type» of the Russian history. In the given work the problem is put to track the key phases of the evolution of the absolutist form of the Russian statehood which was generated by XVI century and has come to the end in the beginning of XX century to understand the basic laws of the political process characterizing pre-capitalistic and the early capitalist stages of the social development.

Key words: political history of Russia, statehood, absolutism, modernization, social estates, political process.

В истории политической мысли в России одной из главных обсуждаемых тем является проблема становления государственности как важнейшего фактора политической и общественной модернизации. Следует отметить, что термин «государственность» употребляется в политологической литературе в целом ряде значений:

в виде синонима государства как такового; для выделения исторических форм этого важнейшего политического института; для указания на совокупность неких его черт или признаков; для обозначения системы государственных органов (государственного аппарата). Мы в данном случае говорим о государственности как об «идеальном типе» русской истории, понимая под государственностью конкретно-исторические варианты взаимодействия *политического* института государства с основными *социальными* слоями и сословиями общества. Ее абсолютистская форма в целом сформировалась к XVI столетию и пришла к своему завершению в начале XX столетия. В данной статье мы ставим перед собой задачу проследить ключевые фазы эволюции российской государственности с тем, чтобы уяснить основные закономерности политического процесса, характеризующего докапиталистические и раннекапиталистические стадии общественного развития.

В политической истории России обозначенного выше периода исследователи выделяют такие многоликие формы государственности, как «служилое государство XVI–XVII вв.»; «абсолютизм XVIII в.»; «самодержавие XIX в.»; «краткая фаза монархического конституционализма начала XX в.»¹. Возможность установления преемственности этих форм, а также выявления характера такой преемственности определяется прежде всего анализом того, что составляет суть механизма социального регулирования и способов его воспроизводства в меняющихся формах на каждом из этапов развития.

Анализ эволюции сословных отношений и изменений административного аппарата патриархального государства (допетровской Руси) показывает, что обе эти линии тесно коррелировали друг с другом, а точнее, представляли собой две стороны единого процесса. Формирование сословий проходило под непосредственным влиянием государства, а административные учреждения существовали постольку, поскольку обеспечивали функционирование сословного строя. В результате сословия и государство тесно смыкались между собой, что находило выражение в формировании особого типа государственности – служилого государства, сердцевину которого составляло условное землевладение. Общество и государство этого периода трудно разграничить. Каждое со-

словие, слой, группа выполняли те или иные служебные функции, занимая строго определенное место в общественной иерархии, закреплённой в законодательстве в качестве чиновных делений. Процесс государственной регламентации функций сословий, шедший постепенно, получил правовое оформление в Соборном уложении 1649 г., вследствие чего происходило усиление политической роли института государства в целом и его административного аппарата в частности. Данное обстоятельство ставило аппарат управления в особые условия, при ограниченных возможностях социального контроля вело к его внутренней консолидации, формальной легитимации, а также к росту бюрократии как *политически* значимого социального слоя.

Становление и утверждение абсолютизма в России, подготовленное предшествующими социальными тенденциями, означало в то же время качественно новый этап развития российской политической системы. Основным проявлением социально-политической трансформации общества петровского и послепетровского времени стало создание нового правящего класса – дворянства. Этот класс возник на основе предшествующих привилегированных слоев, однако отличался от них большей гомогенностью и унификацией; степенью связанности с государственной властью; статусом и престижем; отдаленностью от остального общества и, самое главное, характером рекрутирования и социальной мобильности, внутрисословной организацией и отношением к земельной собственности.

Важным этапом на пути к окончательной консолидации дворянства явилось уравнение правового статуса условной (поместной) формы землевладения с наследственной (вотчинной) формой. Юридическое признание этого факта стало возможным лишь в петровскую эпоху – благодаря Указу о единонаследии 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». Унификация отношений собственности на землю и крестьян окончательно отделила правящий класс от остальной массы населения, что способствовало его сплочению.

Активную роль в политизации дворянства играл сам институт абсолютистского государства. Власти предрасположенные были заинтересованы в том, чтобы включить дворян в процесс политического управления и поставить их в большую зависимость от политической власти. Важным шагом на этом пути стали указы императрицы Анны Иоанновны об отмене майората, мешавшего владельцам свободно распоряжаться имуществом, а также об ограничении срока военной службы дворян. Общая тенденция предоставления дворянству особых государственных льгот пробивала себе дорогу и в дальнейшем, вплоть до того времени, когда в 1762 г. «Указ о вольности и свободе российского дворянства» Петра III окончательно положил конец обязательной службе дворян. С

этого момента основным занятием этого сословия стала жизнь в имениях. Их новые социальные требования свелись к проведению генерального межевания земель в стране с целью окончательного правового закрепления этих территорий за владельцами.

Природно-географические и геополитические условия повлияли на то, что изначальным способом существования русского населения являлось экстенсивное земледелие и скотоводство². С помощью сельскохозяйственного труда закладывались основы благосостояния и общественного богатства, государству предоставлялись демографические, материальные, финансовые, военные ресурсы для нормального функционирования. Эффективность деятельности крестьян, в свою очередь, зависела от стабильности их жизненного положения, обеспечение которой явилось одной из стратегических целей государства. Не случайно вопрос о земле и крестьянстве стал одним из определяющих в развитии российской государственности.

Высвобождение дворянства от служилых функций поставило под угрозу всю систему служилых отношений государства, которая представляла собой четко отлаженный механизм взаимодействия сословий и административной власти. Дворянство окончательно превратилось в класс землевладельцев, использующих подневольный труд зависимого крестьянства. Данный способ не содержал в себе оснований для повышения эффективности производства, а потому постоянно требовал увеличения площадей обрабатываемых земель и усиления внеэкономических методов стимулирования работников. По существу, именно такую политико-экономическую программу дворянство стремилось навязать государству.

Показательно, что именно с этого момента в центре внимания российской политической мысли оказывается вопрос о положении крестьянства. Крупнейшими государственными деятелями, политиками и экономистами предлагаются разнообразные варианты его решения, в том числе и выделение крепостному крестьянству в наследственное владение земельных участков с точным определением повинностей в пользу помещиков, а также возможность богатых крестьян выкупать себе волю. Однако основная масса крестьянства выдвигала на первый план свои узкосословные интересы и ближайшие экономические выгоды и была совершенно не готова к обсуждению вопросов экономической реформы.

Крайней точкой зрения – о противоестественности крепостного состояния, его хозяйственной неэффективности и вытекавшей отсюда необходимости его отмены – противостояло разделяемое значительным большинством дворянства не менее категорическое мнение об абсолютной вредности этой меры. Сохранение крепостного права создавало безвыходную, более того, взрывоопасную ситуацию для общества и государства. Осознание

подобного обстоятельства вызвало к жизни идею совещания представителей различных сословий для ее обсуждения и выработки оптимальной политической линии. Созывая в 1767 г. для реализации этой цели Уложенную комиссию, Екатерина II стремилась обеспечить легитимность своего правления и получить достаточно полное представление о политических требованиях различных общественных слоев и соотношении политических сил. Она выступила инициатором представительского учреждения, в которое общество должно было делегировать своих депутатов с наказами от избирателей.

Особый характер социального строя России и внутренняя противоречивость представительского учреждения в крепостнической стране предопределили весьма сложный социальный состав Комиссии, а также ее практическую безрезультативность. В нее входили депутаты от дворянства, городов, правительственных учреждений, государственных крестьян, казачества, однодворцев, пахотных солдат и национальных групп, ведущих оседлый образ жизни, независимо от религиозной принадлежности. Частновладельческие крестьяне, а также духовенство как единая сословная корпорация не были представлены в Комиссии. При всем различии интересов социальных групп, входивших в состав Уложенной комиссии, их требования объединял утилитарный, распределительный подход общественного регулирования. Каждое сословие стремилось улучшить свое положение за счет остальных, понимая социальную справедливость как более благоприятное для себя распределение общественных благ. К примеру, промышленники и купечество стремились к распространению на них дворянских привилегий владения землей и крепостными крестьянами. Другим предметом межсословных споров стало право торговли, которое оспаривали одновременно дворянство, купечество и крестьянство, апеллируя к государству в надежде избавиться от нежелательных конкурентов в рыночных отношениях. Дворянство стремилось расширить свои владения за счет других сословий, а также государственных и церковных территорий.

В чем состоят причины подобной распределительной психологии? Сводится ли она исключительно к эгоистическому сознанию социальных групп, низкой политической культуре и непониманию общегосударственных перспектив? Ответ на эти вопросы может заключаться в том, что государство данного исторического периода в силу сложившихся условий существования не выработала эффективных путей и способов приумножения общественного богатства. Главным тормозом развития общества оказывалось прикрепление податных сословий к повинностям, крестьян – к владельцам, горожан – к определенному месту жительства. Поэтому торговля, предпринимательство в промышленности и сельском хозяй-

стве, промыслы и ремесла – столь эффективные источники первоначального накопления капитала в Новое время – в подобных условиях выступали в совершенно особой (по отношению к Западной Европе) роли. С одной стороны, правительство ограничивало свободное развитие рыночных отношений сетью административных запретов, с другой – было вынуждено оказывать стимулирующее воздействие на рынок в виде поощрительных тарифов, организации государственной промышленности, монополизации приоритетных отраслей деятельности. В результате стремление к рационализации общественных отношений, вызываемое объективными условиями, приобретало *модернизационный* характер.

В рассматриваемый период в России возникает пестрая гамма противоречий, внешним проявлением которых стал рост отчуждения общества от политической власти. Чтобы предотвратить дестабилизацию всей системы, политическая элита была вынуждена взять на себя роль активного реформатора прежних социальных структур и институтов. Она принялась активно апеллировать к тем социальным силам, которые выступали за изменение существующего порядка вещей. Правда, исполнение этой роли было противоречивым и непоследовательным. С одной стороны, институт государства в России этого времени представлял собой силу, инициировавшую эволюционные изменения, а с другой – он являлся весьма инертной структурой, мало соответствовавшей природе глубинных социальных преобразований как таковых и блокировавшей естественное разрешение назревавших противоречий.

В российской истории реформы неоднократно подводили страну к политическим и социальным потрясениям – к периодам так называемой «смуты». Современные исследователи высказывают суждение, что противоречивые свойства модернизационного процесса в России ни в чем ином «не выражаются столь контрастно, как в его волнообразном развитии через циклы реформ – контрреформ»³. Так, начало XIX в. ознаменовалось серией попыток конституционных реформ. При этом выявились две противоположные стратегии их реализации – «снизу» (доктрина народного суверенитета в руссоистско-якобинской интерпретации) и «сверху» (октроированный монархический конституционализм), представленные в проектах, с одной стороны, революционных организаций и в проектах правительственного конституционализма – с другой.

Можно даже сказать, что в условиях сохранения крепостного права, как основного социального и административного института государства, реализация этих проектов в полном объеме оказывалась деструктивным фактором, ибо автоматически вела к усилению контроля так называемых «крепостников»-дворян над монархом, ослаблению позиции монархии как базового элемента наличной политической системы.

Краткий обзор российского политического процесса до середины XIX столетия наглядно показывает, что абсолютистская форма государственности воспринималась как единственно возможная и неколебимая. Такая характеристика была обусловлена определенными естественно-историческими факторами и механизмами взаимодействия общества и института государства, устойчивыми отношениями собственности и власти, соответствующей политической культурой и господствующими формами религиозной идеологии. На разных этапах исторического развития государство своими попытками модернизации общественно-политического строя то способствовало, то тормозило движение общества. Однако неуклонное движение к своему финалу абсолютистская форма российской государственности начинает именно с момента отмены крепостного права и проведения других либерально-демократических реформ, то есть в период, ограниченный второй половиной XIX в. и революционными событиями 1917 года.

Исследование социально-политического состояния государственности указанного периода, эволюция которой была продиктована необходимостью осуществления серьезных политических изменений, предполагает рассмотрение основных пунктов и контрапунктов взаимоотношений власти и общества, основных тенденций в эволюции российского социума как на уровне государственных институтов и элит, так и на уровне политической культуры эпохи.

Опыт европейских революций 1848 г. заставил правящие группы многих стран европейского континента всерьез задуматься над изменением набора политических и социальных средств функционирования власти. Ускорился процесс накопления, селекции и совершенствования политических «ответов» на вызовы времени, углубились поиски в области новых форм правосознания и человеческого общежития. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. именно эти обстоятельства предопределили тенденцию к гражданскому самосознанию и обретению национально-государственной идентичности многочисленными народами Европы. Принципиальное различие между ними и Россией состояло в сроках, отведенных историей на эти поиски: Западная Европа шла этим путем уже более четырех столетий, российская держава – менее века.

Россия, как известно, избежала революционных потрясений 1848 г., вследствие чего получила все шансы, отталкиваясь от европейского опыта, заняться своевременным реформированием с тем, чтобы упредить политические катаклизмы. Стратегическая цель российского реформаторства после 1855 г. была нацелена на сохранение социальной стабильности и самодержавной государственности. Сложность заключалась в реализации дилеммы – органичного соединения

курса на либеральную модернизацию и сохранения консервативных традиций. Именно такое антиномическое противоречие определяло суть социально-политического процесса развития России во второй половине XIX – начале XX веков.

Реформаторскую эпоху 1860–1870 гг. с полным правом можно назвать одной из наиболее последовательных попыток модернизации российской государственности. Выбор пути в рамках альтернативы «реформа» versus «стагнация» был сделан в пользу существенных социальных преобразований. Они касались трех основных сфер: социально-экономической – освобождение крестьян от крепостного бремени и решение финансовых проблем; политико-административной – введение земств, реформы суда и армии; культурно-образовательной – реформы в области народного образования и печати. Изменения в жизни и деятельности российских крестьян, обусловленные реформой 1861 г., при всей ее половинчатости и незавершенности, стали импульсом, впоследствии кардинально повлиявшим на историческую судьбу России. Эти изменения знаменовали собой начало противоречивой модернизации всей системы общественных отношений в стране⁴.

В целом реформы 1860–1870-х гг. стали конкретным, хотя и не во всем последовательным проявлением единства консервативных целей и либеральных методов в политической практике абсолютистской государственности, вознамерившейся идти курсом модернизации. В этот период задача стабилизации режима в форме «консервативного обновления» осуществлялась с использованием энергичных приемов либерального преобразовательного проекта⁵.

Непоследовательность проведения реформ во многом была обусловлена тем, что модернизация экономического и социально-политического уклада проводилась в условиях сохранения традиционной формы правления. На практике это проявилось в движении маятника официального курса «вправо» практически сразу же после обнародования крестьянской реформы. Ситуация еще раз подтвердила неизменный алгоритм авторитарного правления: если либеральная идея своим воодушевлением подготавливает реформу, то проведение ее в жизнь обусловлено исключительно осторожностью консервативного осуществления. В указанную эпоху власть столкнулась с необходимостью отыскать такое безопасное поведение, которое, с одной стороны, было бы адекватно ситуации и исторической перспективе, а с другой – требованиям по изменению фундаментальной системы общества – системы ценностей. Между тем религиозная, нравственная и правовая легитимность самодержавия становилась все более спорной. Внешнее воздействие и внутренние кризисы лишь ускорили этот опасный для традиционного режима модернизационный процесс.

На протяжении большей части своей истории Россия развивалась в значительной степени цивилизационно, географически, социокультурно и политически как обособленная территория, на которой формировались своеобразные по содержанию и композиции устойчивые механизмы воспроизводства экономических, культурных и политических процессов. Взаимосвязь общего и особенного в этих процессах породила специфику России как обособленного цивилизационного ареала со свойственной ему политической историей. В целом пореформенная Россия представляла собой страну, упорно устремляющуюся в будущее, но постоянно оглядывавшуюся в прошлое, при этом достаточно «легко» перешагивавшую через настоящее. Как заметил Д.И. Менделеев: «Россия не труп, а только спящий великан, пора пробуждения которого не наступила»⁶. Пробуждение России этого времени шло через столкновение прошлого с настоящим и будущим.

УДК 342.24:330.837

МОДЕЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ 1990-Х ГОДОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Д.С. Кокорхоева

Ингушский государственный университет
E-mail: dugurhan@mail.ru

В статье исследуется политическая институционализация федерализма в России 1990-х годов. Проведен анализ формирования модели федерализма. Особое внимание уделяется альтернативным тенденциям развития федерализма.

Ключевые слова: федерализм, модель, институциональный аспект, Россия 1990-х годов.

The Model of Federalism in Russia in the 1990-s: Institutional Aspect

D.S. Kokorhoeva

In article the Political Institutionalisation of Federalism in Russia (1990-s) is investigated. The analysis of Federalism's Model Formation is Realized. The Special Attention is Given to Alternative Tendencies of Federalism's Development.

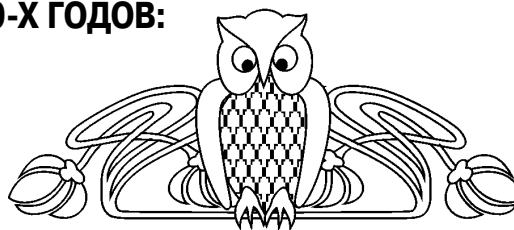
Key words: federalism, model, institutional aspect, Russia of the 1990-s.

Чем актуальна история парада суверенитетов

Актуальность темы исследования состоит в том, что Россия испытывает потребность в эффективной модели центр-региональных отношений. Распад СССР ускорил пересмотр основ политической системы России. Предстояло в условиях сепаратизма и неопределенной политической идентичности создать жизнеспособную

Примечания

- ¹ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 281.
- ² См.: Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 66–67; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 47.
- ³ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 42.
- ⁴ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
- ⁵ См.: Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития // Полис. 1995. № 4. С. 43, 48.
- ⁶ Менделеев Д.И. Дополнения к познанию России. СПб., 1907. С. 23.

систему институтов федерализма. Анализ модели федерализма, сложившейся в 1990-х гг., полезен для определения путей реформ российской политической системы, выявления противоречий и конфликтов ее институционального строения.

Цель статьи – дать оценку модели федерализма в России 1990-х гг. в политико-институциональном аспекте. Политологический подход предполагает выявление альтернативных тенденций развития федерации, обусловленных интересами акторов политики.

Период зарождения постсоветского федерализма занял 1992–1993 гг. и завершился принятием на референдуме 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. Участники обсуждения реформ высказали противоречивые предложения о будущем федерализма:

- сохранить советскую систему, расширить права национальных автономий (проект КПРФ);
- ввести договорную симметричную федерацию (проект С.М. Шахрая);
- принять унитарный строй с экстерриториальной автономией народов (А.Б. Зубов, А.М. Салмин, В.В. Жириновский);
- создать договорную асимметричную федерацию, преемственную прежнему составу субъектов федерации (возобладавший проект Б.Н. Ельцина)¹.

На протяжении большей части своей истории Россия развивалась в значительной степени цивилизационно, географически, социокультурно и политически как обособленная территория, на которой формировались своеобразные по содержанию и композиции устойчивые механизмы воспроизводства экономических, культурных и политических процессов. Взаимосвязь общего и особенного в этих процессах породила специфику России как обособленного цивилизационного ареала со свойственной ему политической историей. В целом пореформенная Россия представляла собой страну, упорно устремляющуюся в будущее, но постоянно оглядывавшуюся в прошлое, при этом достаточно «легко» перешагивавшую через настоящее. Как заметил Д.И. Менделеев: «Россия не труп, а только спящий великан, пора пробуждения которого не наступила»⁶. Пробуждение России этого времени шло через столкновение прошлого с настоящим и будущим.

УДК 342.24:330.837

МОДЕЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ 1990-Х ГОДОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Д.С. Кокорхоева

Ингушский государственный университет
E-mail: dugurhan@mail.ru

В статье исследуется политическая институционализация федерализма в России 1990-х годов. Проведен анализ формирования модели федерализма. Особое внимание уделяется альтернативным тенденциям развития федерализма.

Ключевые слова: федерализм, модель, институциональный аспект, Россия 1990-х годов.

The Model of Federalism in Russia in the 1990-s: Institutional Aspect

D.S. Kokorhoeva

In article the Political Institutionalisation of Federalism in Russia (1990-s) is investigated. The analysis of Federalism's Model Formation is Realized. The Special Attention is Given to Alternative Tendencies of Federalism's Development.

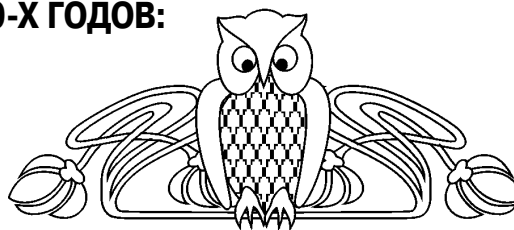
Key words: federalism, model, institutional aspect, Russia of the 1990-s.

Чем актуальна история парада суверенитетов

Актуальность темы исследования состоит в том, что Россия испытывает потребность в эффективной модели центр-региональных отношений. Распад СССР ускорил пересмотр основ политической системы России. Предстояло в условиях сепаратизма и неопределенной политической идентичности создать жизнеспособную

Примечания

- ¹ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 281.
- ² См.: Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 66–67; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 47.
- ³ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 42.
- ⁴ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
- ⁵ См.: Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития // Полис. 1995. № 4. С. 43, 48.
- ⁶ Менделеев Д.И. Дополнения к познанию России. СПб., 1907. С. 23.

систему институтов федерализма. Анализ модели федерализма, сложившейся в 1990-х гг., полезен для определения путей реформ российской политической системы, выявления противоречий и конфликтов ее институционального строения.

Цель статьи – дать оценку модели федерализма в России 1990-х гг. в политико-институциональном аспекте. Политологический подход предполагает выявление альтернативных тенденций развития федерации, обусловленных интересами акторов политики.

Период зарождения постсоветского федерализма занял 1992–1993 гг. и завершился принятием на референдуме 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. Участники обсуждения реформ высказали противоречивые предложения о будущем федерализма:

- сохранить советскую систему, расширить права национальных автономий (проект КПРФ);
- ввести договорную симметричную федерацию (проект С.М. Шахрая);
- принять унитарный строй с экстерриториальной автономией народов (А.Б. Зубов, А.М. Салмин, В.В. Жириновский);
- создать договорную асимметричную федерацию, преемственную прежнему составу субъектов федерации (возобладавший проект Б.Н. Ельцина)¹.

Еще до распада СССР (в ноябре 1991 г.) V съезд народных депутатов России начал обсуждение проекта Конституции страны. Проект предполагал создание «национально-государственных образований» (19–20 республик) и «региональных образований» (20 земель на основе укрупнения 66 краев, областей, автономных округов). Процесс создания земель рассчитывался на переходный период – 3 года. В верхней палате парламента создавался бы паритет двух типов субъектов федерации.

Данный проект не устраивал республики, отвергавшие равенство своего статуса с областями и краями², поэтому потребовался компромисс центра и регионов. 20 января 1992 г. Президиум Верховного Совета РФ принял постановление о разграничении полномочий между центральным и региональным уровнями власти. 20 республик получили право принять свои конституции и создать систему законодательных органов. 55 краев и областей, 1 автономная область и 10 автономных округов оставались не субъектами федерации, а территориальными образованиями, характерными для унитарных систем. В ответ края и области попытались повысить статус путем провозглашения республик (Уральской, Донской, Вологодской и т.д.)³.

В Чечне сепаратистский режим, захвативший власть 6 сентября 1991 г., провел незаконные выборы президента республики 27 октября 1991 г. Конституция Чечни (1992 г.) провозглашала суверенное и независимое государство в произвольных границах. Начался геноцид, организованный режимом Д.М. Дудаева. В Чечне окреп опаснейший очаг сепаратизма, угрожавший территориальной целостности и суверенитету России.

Компромисс между центром и регионами был достигнут в форме заключения Федеративного договора от 31 марта 1992 г., вошедшего в состав Конституции РФ. Договор подписали 87 субъектов РФ, кроме сепаратистской Чечни и Татарстана (настаивавшего на конфедеративной связи). Строго говоря, Федеративный договор представлял собой 3 группы договоров о разграничении предметов ведения и полномочий.

Федеральные органы власти подписывали отдельные договоры с органами власти: 1) «суверенных республик в составе РФ»; 2) краев, областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга; 3) автономной области и автономных округов⁴. Тем самым были закреплены три типа субъектов федеративных отношений: национально-государственный, административно-территориальный и национально-территориальный. Следовательно, Федеративный договор узаконил асимметричное строение РФ в следующих нормах⁵.

1. Договор закрепил суверенитет республик в формулировке: «республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей тер-

ритории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти РФ в соответствии с настоящим договором». Это была серьезная уступка конфедерализму.

2. Россия признана создаваемой путем реализации права народов на самоопределение, что усиливало этнические факторы государственного строительства.

3. Только народы, «титulyные» для своих республик, объявлялись собственниками земель, недр и других природных ресурсов.

4. Лишь республики получали право иметь конституцию, принимать законы и самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти.

Итак, Федеративный договор 1992 г. (ФД) стал временным и противоречивым компромиссом. Сторонники договорных начал и децентрализации добились конституционного закрепления статуса суверенных государств в составе РФ. В свою очередь, центральные власти настояли на подписании договора о разграничении полномочий и предметов ведения, а не учредительного конституционного акта о создании РФ. Характерно, что ФД не содержал даже термина «субъекты Федерации». Оставался неясным статус Чечни и Татарстана, игнорировавших заключение ФД. Противоречивое сочетание конфедеративных, федеративных и унитарных признаков с 1992 г. становится обычным для российского государственного строительства⁶. Факт подписания договора с областями, краями и городами означал признание их нового статуса субъектов Федерации. ФД сделал шаг от национально-территориальной к смешанной федерации.

ФД оставил неопределенными важные вопросы:

- соотношение статусов разных типов субъектов Федерации;
- механизм взаимодействия уровней власти в области совместного ведения;
- сущность и основополагающие принципы строения РФ.

Федеративный договор 1992 г. замедлил и смягчил волну сепаратизма, но не мог переломить общий вектор децентрализации. Конфедеративная тенденция ярче всего проявилась в Татарстане. 21 марта 1992 г. республика провела референдум о признании статуса «суверенного государства, субъекта международного права, строящего свои отношения с РФ и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров». Данный статус Татарстана одобрили 50,2% включенных в списки избирателей (61,4% из числа явившихся на участки)⁷. В ряде соглашений с РФ Татарстан закрепил за собой привилегированный режим налоговой и таможенной политики, фиксированные квоты на транспортировку нефти через нефтепроводы РФ. Принятая 6 ноября 1992 г. Конституция Татарстана определяла в

ст. 61 республику как «суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией–Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения»⁸.

В 1990–1993 гг. многие субъекты Федерации вслед за Татарстаном оформляли ассиметричный тип отношений с РФ. Конституции Башкортостана, Тывы, Саха-Якутии, Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии определяли статус этих регионов как суверенных государств в составе РФ⁹. Конституции Тывы, Карелии, Бурятии и Дагестана допускали изменение государственно-правового статуса лишь на основе референдума в самих республиках. Ряд республик и автономных округов, областей предоставил верховенство своим конституциям (уставам) над Конституцией РФ. Такие основные законы приняли Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Башкортостан, Татарстан, Тыва, Кабардино-Балкария, Ханты-Мансийский АО, Иркутская область.

Кризис федерализма достиг высшей точки с осени 1992 по лето 1993 г. под влиянием борьбы за власть между Президентом и Верховным Советом РФ. Федеральные органы власти заняли непоследовательную и противоречивую позицию в отношении Уральской, Вологодской и других самопровозглашенных республик. Президент РФ сначала поощрял их повышение статуса как шаг к симметричной федерации, а после разгона Верховного Совета РФ решил отвергнуть чрезмерные амбиции регионов¹⁰.

Экономический кризис подталкивал регионы к обособлению. Сумма субвенций, направленных из федерального бюджета в субъекты РФ, составила в 1993 г. 296 млрд руб. На покрытие расходов, превысивших доходы, тогда же истрачено 1302,6 млрд руб. Лишь 13 из 89 регионов не являлись дотационными¹¹. За 1992–1993 гг. 30 субъектов РФ отказались вносить свою долю в российский бюджет и потребовали особого налогового режима либо новых субсидий. В итоге доля федеральных расходов в общегосударственных снизилась вдвое: с 65% до 35% за 1992–1994 гг.¹². По подсчетам О. Дмитриевой, лишь 10% федеральных субсидий регионам направлялось в депрессивные территории. Львиная доля доставалась тем, кто и без субсидий богаче соседей¹³.

Факторы развития федеративных отношений в России

1. Экономический. Асимметрия уровней развития регионов и одновременно – их высокая зависимость от федерального бюджета и централизованной инфраструктуры (банков, бирж, транспортных и информационных сетей). Создание крупными корпорациями своих межрегиональных опорных анклавов, что чревато дроблением страны. Например, доля федеральной

финансовой помощи в доходах республик составляет: в Ингушетии и Тыве – до 90%, в Дагестане – 80%. Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии – более 70%¹⁴. С одной стороны, дотационность ослабляет сепаратизм, с другой – не создает стимулы саморазвития.

2. Социальный. Диспропорции уровня жизни, качественное различие типов стратификации (от патриархально-корпоративных сообществ Северного Кавказа и Крайнего Севера до постиндустриальных мегаполисов). Контрасты демографической и миграционной ситуации, их политизация (например, повышение этнокультурной однородности в республиках Северного Кавказа за счет выезда славянского населения).

3. Этнический. Политизация этничности в условиях краха СССР создала притязания на монопольную власть в своем субъекте РФ либо утопический лозунг «сколько народов – столько автономий», равно разрушительные русофобию и имперский унитаризм. Увы, оставшееся от СССР территориальное устройство усиливает потенциал конфликтности. По переписи 1989 г. «титовые» этносы составляли 37,8% жителей автономных образований РСФСР, а русские – 45,7%. Из 32 «национальных» субъектов РСФСР «титовые» этносы составляли более 50% жителей лишь в 8 (Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Северная Осетия, Тыва, Чувашия, Агинский Бурятский АО)¹⁵. Практика совмещения национальной политики с федерализмом породила этнократию.

4. Международный. Глобализация усиливает «слоистость» российского пространства, поощряет участие регионов в международных отношениях, интернационализирует внутренние проблемы.

5. Политическая культура. Российское пространство крайне разнородно: сосуществуют ареалы гражданской (партиципаторной), патерналистской и патриархальной культур. Принципы федерализма еще не осознаются в массовом сознании как позитивная и общепринятая ценность; вернее, общество расколото в отношении к федерализму¹⁶.

6. Правовые и политические институты сочетают в себе элементы унитарного, федеративного и конфедеративного строя. Повседневные практики взаимодействия политических акторов характеризуются патрон-клиентарными и клановыми отношениями. Институциональный строй РФ унаследован от советского государства и не реформирован до сих пор коренным образом по мотивам сохранения политической стабильности.

Итак, Россия была вынуждена определить основы политико-территориального строя в условиях сепаратизма и дефицита легитимности. Можно предположить, что неготовность региональных элит нести ответственность за свои убыточные и нестабильные территории, а также авторитарная политическая культура страны позволили пройти этап зарождения федерализма эволюционным

путем, не дать распространиться очагам насильственных сепаратистских конфликтов за пределы Северо-Восточного Кавказа.

Ожесточенная борьба за высшую государственную власть завершилась 21 сентября – 4 октября 1993 г. роспуском Верховного Совета РФ и введением президентского правления¹⁷. Всенародный референдум 12 декабря 1993 г. дал 58,4% голосов за принятие президентского проекта Конституции РФ. Вместе с тем следует отметить низкую легитимность принятого Основного закона во многих субъектах Федерации. В 22 регионах из 89 референдум был признан несостоявшимся ввиду низкой явки граждан, 17 регионов проголосовали против проекта¹⁸.

Конституция РФ 1993 г. не предусматривает права на выход из состава Федерации её субъектов¹⁹, что соответствует существующей мировой практике. Нормы конституций республик РФ, предполагавшие право сепарации, отменены на основании решений Конституционного суда РФ в 2000–2003 годы.

Центр-региональная конкуренция после принятия Конституции РФ нашла выражение в «договорном процессе». Российская Федерация заключала договоры о разграничении предметов ведения и полномочий с субъектами РФ. Эта вынужденная мера отчасти восполнила дефицит легитимности Конституции страны, смягчила противоречия между Федеративным договором и Конституцией. Она отразила политическую и экономическую слабость центра, но одновременно стала попыткой расколоть единый «фронт» республик путем ранжирования объема уступок.

Первый договор РФ подписала с Татарстаном 15 февраля 1994 г. Ряд его положений носит конфедеративный характер. Это республиканское гражданство наряду с общероссийским, участие Татарстана в международных отношениях путем межгосударственных соглашений, установление системы государственных органов РТ, самостоятельная внешнеэкономическая деятельность, использование налогов, пошлин и прибыли от объектов собственности республики²⁰.

По данным Н.П. Медведева и А.П. Овчинникова, с 1994 по 1999 г. заключено 50 договоров и 260 соглашений, что неизбежно усилило межрегиональное неравенство²¹. Рассмотрение очередности заключения договоров и сравнение их условий показывает, что раньше других подписывались договоры РФ с республиками (в первую очередь – с «проблемными»). Среди административно-территориальных субъектов первенство отдавалось Свердловской области и пограничным регионам. Объем делегированных субъектам РФ полномочий различен. Договор с Татарстаном перечисляет 17 предметов совместного ведения, с Северной Осетией – 14, с Башкортостаном, Якутией, Удмуртией и Калининградской областью – по 11, с Кабардино-Балкарией и Свердловской областью – по 8, с Бурятией – лишь 3. Чаще всего перечень

предметов ведения расширителен в сравнении с Конституцией РФ²².

Сторонники договорной практики – С.М. Шахрай, Р.С. Хакимов, Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян и др. – считают, что договоры между РФ и регионами полезны, так как они обеспечили единство страны в условиях «правового вакуума» и базируются на Федеративном договоре 1992 г.²³ Президент Татарстана М. Шаймиев шел дальше и предлагал концепцию разграничения полномочий, основанную на договорах (речь на президиуме Госсовета РФ в феврале 2001 г.)²⁴.

Противоположную позицию занимают С.С. Митрохин, И.А. Умнова, В.Н. Лысенко, Н.П. Медведев и многие другие исследователи²⁵. Договор между государствами или государственными образованиями в мировой практике, как подчеркивает Н.П. Медведев, служит лишь учредительным документом для федерирования. Применение договорных отношений внутри сложившегося государства – исключительный и частный случай. Под влиянием советской традиции этничности, а также неравноправия субъектов РФ договорная практика часто выходила за рамки Конституции РФ, служила рычагом конфедерализации страны²⁶. В.Н. Лысенко отмечает, что разграничение предметов ведения не имело серьезной научной основы, не опиралось на отечественный и зарубежный опыт. Это был «политический торг». В обстановке цейтнота и слабости центра все полномочия, которые становились спорными либо те, которые ни одна из сторон не хотела отдавать другой, «сбрасывались» в общую корзину, называемую «совместными предметами ведения». В итоге таких предметов оказалось 40, а в конституциях и уставах субъектов РФ вдобавок указано свыше 50 предметов исключительного ведения регионов²⁷. Предметы ведения были определены расплывчато, что позволило подменять Конституцию РФ и федеральные законы «договорным» правом.

Двусторонние соглашения были необходимы как первый шаг реинтеграции в российскую политическую систему нескольких регионов, претендовавших в начале 1990-х гг. на конфедеративный статус. Эти договоры оправданы в той мере, в какой они не посягали на сферу исключительных полномочий федерации. На деле договорной процесс, охвативший 50 регионов, создал малоуправляемый комплекс актов, усиливший асимметрию статусов регионов. Например, Башкортостан по договору признавался суверенным государством в составе РФ. Договор с Кабардино-Балкарией перенес некоторые предметы совместного ведения (установление системы органов власти, обеспечение законности, налоги и сборы и проч.) в исключительное ведение республики. В договорном процессе крайне слабо участвовала законодательная ветвь власти и федерального, и регионального уровня²⁸.

Децентрализация усилилась во время второго срока полномочий Президента РФ Б.Н. Ельцина (1996–1999 гг.), когда центральная власть признала формирование Совета Федерации *ex officio*, расширила практику договоров РФ с субъектами Федерации и даже признала неподконтрольность Чечни (1997 г.). С.Д. Валентей даже считал, что в России укреплялась модель конфедерации. Среди её черт: превалирование региональных (подчас также этнических) интересов над общегосударственными; ограничения рядом субъектов РФ свободы передвижения товаров и ресурсов производства; укрепление кланового и этнического принципов формирования органов власти в ряде регионов²⁹. Сходный вывод делал тогдашний Председатель Совета Федерации РФ Е.С. Строев: в России не подлинное федеративное государство, а «пародия на него». Федеративное государство подменено договорным, где «одному субъекту России даётся столько полномочий, сколько он проглотит, а другим – фактически ничего. В итоге получили очень рыхлое государственное устройство»³⁰.

Опасность договорного пути усугубилась во время экономического кризиса 1998–1999 гг. Тогда президент Саха-Якутии М. Николаев принял указ об изменении порядка перечисления добываемого золота в Госхран РФ, действовавший несколько месяцев. Президент Калмыкии К. Илюмжинов заявил о возможности ввести ассоциированную связь своей республики с РФ и перестать платить федеральные налоги. Совет Федерации РФ неоднократно превращался в лоббиста солидарных интересов регионов³¹. В ответ на просьбу парламента Югославии присоединиться к российско-белорусскому союзу (апрель 1999 г.) президенты Татарстана и Башкортостана потребовали для своих республик статуса, равноценного белорусскому. Тенденция «полураспада» федеративной модели осознавалась и зарубежными аналитиками. Так, американские политологи С. Нанн и А. Сталберг писали во влиятельном журнале «Foreign Affairs» в начале 2000 г.: «Российский федеральный центр теряет возможность формулировать и осуществлять надежную политику... Вашингтону не следует отныне думать о едином, контролируемом из центра российском правительстве... Скорее, стратегические расчеты Вашингтона должны учитывать всех независимых игроков в России»³².

В 1998–1999 гг. Россия подошла к точке выбора пути развития между конфедерализмом и жизнеспособной федерацией, включающей этнократию и сепаратизм регионов.

Первые импульсы усиления роли центральной власти в федеративных отношениях проявились еще в 1997–1998 гг. «Укрепление вертикали власти» не возникло в 2000 г. само по себе, а имело предпосылки.

Весной 1997 г. комиссия Госдумы РФ создала законопроект «О принципах и порядке разграни-

чения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ». Этот акт впервые утвердил верховенство Конституции РФ и федеральных законов над двусторонними договорами. Соглашения, заключенные центром с регионами в нарушение Конституции РФ и данного закона, должны были приводиться в соответствие с новыми актами³³. Однако Совет Федерации и Президент РФ заблокировали упомянутый закон. Он был подписан президентом лишь 24 июня 1999 г., т.е. пять лет спустя начала разработки. Данный закон закрепил принцип конституционности, по которому предметы ведения РФ и предметы совместного ведения не могут перераспределяться иными нормативными правовыми актами³⁴.

Идеи укрепления вертикали исполнительной власти выдвигались позже в период коалиционного правительства (осень 1998 – весна 1999 гг.). На Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений 26 января 1999 г.³⁵ Председатель Правительства РФ Е.М. Примаков предложил меры оздоровления Федерации: 1) внутриведомственную интеграцию и невозможность создания межрегиональных границ и претензий; 2) равенство субъектов РФ при создании наилучших условий для самобытности всех народов; 3) «реальную» вертикаль исполнительной власти; 4) ужесточение правовой экспертизы договоров между центром и регионами; 5) оптимизацию управления собственностью; 6) пересмотр трансфертов федерального бюджета регионам и обеспечение их «прозрачности»; 7) развитие горизонтальных связей и в будущем укрупнение субъектов РФ на основе межрегиональных ассоциаций. Однако предложения Примакова не нашли поддержки большинства регионов.

6 октября 1999 г. Президент РФ подписал Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти РФ»³⁶. Для укрепления единства федеративного государства важны такие новшества этого закона, как:

- закрепление принципов разделения властей, «сдержек и противовесов» в системе региональной власти;
- повышение самостоятельности и контрольных функций региональных легислатур;
- запрет избираться на пост высшего должностного лица субъекта РФ свыше 2 сроков полномочий;
- выработка действенных процедур права Президента РФ приостанавливать действие актов региональной исполнительной власти;
- наделение Президента РФ правом давать представление легислатуре региона о приведении конституции (устава) субъекта РФ в соответствие с Конституцией страны;
- воссоздание единства структуры органов власти федерального и регионального уровней.

Закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ”» ставил целью создание механизма федерального вмешательства. Закон ввел следующие новации:

- право Президента РФ распускать региональные законодательные органы и отрешать от должности глав субъектов РФ за неисполнение решений суда в случае, если оно повлекло за собой препятствия деятельности органов власти, нарушения прав человека или интересов юридических лиц;

- право Президента РФ по мотивированному представлению Генерального прокурора временно (до решения суда) отстранять от должности глав регионов в случае предъявления им обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Подчеркнем, что данные права Президента не являются произвольными. Они определены в ч. 2 ст. 85 Конституции РФ. Президент полномочен приостанавливать действие актов органов исполнительной власти (включая глав субъектов РФ, избранных населением) в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и международным обязательствам России³⁷. Конституционный суд РФ подтвердил в постановлении от 27 января 1999 г. право Президента страны издавать указы об организации и деятельности органов государственной власти на всей территории России, в том числе указы об изменениях в системе этих органов. После того как законопроект по данной проблеме вступил в юридическую силу, парламент России получил право принять закон о роспуске региональной легислатуры.

Преобразования федерализма приобрели системный и последовательный характер только после избрания Президентом РФ В.В. Путина. Мотивы реформ аргументированы в Послании Президента Федеральному Собранию 2000 г.: федеративные отношения в России не достроены, «у нас еще нет полноценного федеративного государства..., создано децентрализованное государство»³⁸. Цели преобразований обозначены в телеобращении к гражданам России 19 мая 2000 г. Это укрепление единого государства, обеспечение «диктатуры закона», усиление власти, восстановление в стране «работающей властной вертикали»³⁹.

Основные приоритеты реформы федерализма 2000-х гг. можно выделить таким образом:

- 1) обеспечение полного и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны в равной мере;

- 2) приведение конституций (уставов) регионов и прочих нормативных актов субъектов РФ в соответствие Конституции РФ;

- 3) создание единой «вертикали» государственной власти в России;

- 4) ликвидация очагов сепаратизма;

- 5) пересмотр разграничения полномочий и предметов ведения между РФ и регионами в духе централизации власти.

Итак, модель федерализма, сформированная в России 1990-х гг., обеспечила тактические задачи выживания государства после распада СССР, но оставалась крайне противоречивой и подверженной обособлению регионов. Политические параметры институционализации федерализма в 1990-х гг. таковы:

- несоответствие административно-территориального строения РФ новым условиям, опасность неустойчивости при преобразованиях;

- несоординированность действий федеральной власти и региональных элит;

- зависимость центр-региональных отношений от личных факторов;

- принятие политических решений вследствие «торга» между центральными и региональными властями;

- смешение понятий «нация» и «народ», что повлекло признание за этническими группами статуса юридических лиц;

- бытующее понимание республик РФ как «национальных» субъектов Федерации;

- проблема присвоения региональными элитами федеральных и муниципальных ресурсов власти;

- наличие условий, воспроизводящих региональные конфликты в неправовых формах.

Среди правовых аргументов критики сложившейся модели основными можно считать:

- несоблюдение конституционного принципа государственного суверенитета РФ в законотворчестве, признание государственного суверенитета республик-субъектов РФ;

- присвоение предметов исключительного ведения РФ субъектами Федерации;

- договорное регулирование федеративных отношений;

- распространённое ограничение прав и свобод человека региональным законодательством и политическими практиками;

- противоречия между федеральным и региональным законодательством, между Конституцией РФ и конституциями (уставами) регионов;

- асимметрия прав регионов по договорам о разграничении полномочий и предметов ведения, а также на деле.

Экономические доводы против модели 1990-х гг. таковы:

- она углубляет и без того чрезмерную асимметрию хозяйственного уровня развития регионов;

- территории стратегического значения и национально-территориальные образования паразитируют на государственных дотациях;

- центр не способен регулировать федеративные отношения с помощью межбюджетных потоков, некоторые регионы добились привилегий и даже безналогового статуса;

– участники центр-региональных отношений используют нерыночные методы взаимных расчетов и защиты интересов (бартер, внутривнутригосударственные барьеры на пути экономических связей).

Каковы же проблемы и противоречия модели федерализма 1990-х гг.?

1. Конституция РФ сохранила юридическое и фактическое неравенство статусов субъектов Федерации, в основе которого остается советский принцип этнотерриториальности.

2. Основным законом не сделал окончательный выбор между конституционным и договорным типом федерации. Договоры о разграничении полномочий и предметов ведения между РФ и её субъектами получили расширительное толкование вплоть до определения основ федерализма. Договоры с различными субъектами Федерации зачастую противоречили друг другу, углубляя асимметрию прав российских регионов.

3. Повышение объема полномочий краев, областей и других «негосударственных» образований до уровня республик проявилось в равном праве субъектов РФ издавать законы, согласовывать с Генеральным прокурором РФ назначение региональных прокуроров, в отсутствие в Конституции РФ институтов федерального вмешательства и принуждения.

4. Порядок формирования Совета Федерации РФ, действовавший в 1996–2000 гг., делал принятие общероссийских законов зависимым от глав представительной и исполнительной власти регионов, предоставлял этим лицам юридическую неприкосновенность. Это было чревато конфедерализацией России.

5. Предметы совместного ведения перечислены в Конституции РФ 1993 г. без конкретного закрепления ответственности федерального и регионального уровней власти, что приводит нередко к превышению полномочий органов власти, к безответственности госслужащих.

6. Неразвитость местного самоуправления в России вызывает исполнение его функций государственными структурами, «перегружает» региональный уровень власти.

7. Ряд республик РФ по этнополитическим причинам добился де-факто расширенных полномочий: неуплаты общегосударственных налогов и пошлин, монопольного использования прибыли от добывающей и перерабатывающей промышленности либо статуса оффшорных зон. Эта уступка конфедерализму противоречила Конституции 1993 г., но являлась весомым фактором укрепления региональных режимов (Татарстан, Башкортостан, Саха-Якутия, Калмыкия, Ингушетия и проч.).

8. Создание выборной системы региональной власти пошло децентрализованным путем, недостаточно регулировалось Конституцией РФ и федеральным законодательством. В итоге возник институциональный плюрализм систем региональных органов власти, вышедший за рамки общероссийского законодательства.

Таким образом, целесообразными стали реформы федерализма в 2000-х гг. Они предполагают переход от децентрализованной федерации к централизованной, от асимметричной к симметричной, от этнонациональной к смешанной, от договорной к конституционной. Модернизация политической системы потребует в будущем реформировать конституционные нормы, определяющие основы федеративного строя России.

Примечания

- 1 См.: *Варламова Н.В.* Конституционный процесс в России (1990–1993 гг.) М., 1998; Конституционное совещание: Стенограммы. Материалы. Документы: 29 апреля – 10 ноября 1993 г.: в 4 т.; под общ. ред. С.А. Филатова и др. М., 1995; *Румянцев О.Г.* Основы конституционного строя России. М., 1994.
- 2 См.: *Петров Н.В.* ...Плюс сплошная федерализация всей России // Независимая газета. 1991. 19 октября; *Глезер О.Б.* Несоветская, несоциалистическая, нефедерация // Московские новости. 1992. № 7. С. 20.
- 3 См.: *Солник С.* «Торг» между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового российского государства: 1990–1995 гг. // Полис. 1995. № 6. С. 95–108.
- 4 См.: Федеративный договор: Документ. Комментарий / рук. редкол., предисл. Р.Г. Абдулатипова. М., 1992.
- 5 См.: *Титова Т.П.* Параметры описания политикотерриториальной системы РСФСР и постсоветского процесса федерализации России // Принципы и направления политических исследований. М., 2002. С. 303.
- 6 Там же. С. 304–305; *Доленко Д.В.* Политика и территория. Саранск, 2000. С. 111–112.
- 7 См.: *Митрохин С.С.* Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти // Центр–регионы–местное самоуправление. М.; СПб., 2001. С. 61.
- 8 Цит. по: История отечественного государства и права: в 2 ч. М., 2001. Ч. II. С. 445.
- 9 См.: *Столяров М.В.* Россия в пути. Казань, 1998. С. 32–33.
- 10 См.: *Митрохин С.С.* Указ. соч. С. 64; *Орлов В.* Зорькин предостерегает федерацию от «самоубийства» // Московские новости. 1993. № 29. С. 8.
- 11 См.: *Вдовин А.И.* Федерализм как способ разрешения межнациональных противоречий и «русский вопрос» в России // Опыт европейского федерализма. М., 2001. С. 116.
- 12 См.: Сегодня. 1995. 7 июня; *Солник С.* Указ. соч. С. 101.
- 13 См.: *Дмитриева О.* Политические игры вокруг бюджета // Московские новости. 1993. № 28. С. 9.
- 14 См.: *Туровский Р.Ф.* Период полураспада // Политбюро. М., 2003. № 11. 17 марта.
- 15 Подсчет по: Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 433–435.
- 16 См.: *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Политико-идеологические и социально-экономические аспекты российского федерализма // Социс. 2001. № 1. С. 24–25; *Галкин А.А.* Эволюция российского федерализма // Полис. 2002. № 3. С. 120–124.

- ¹⁷ См.: *Пихоя Р.Г.* Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментарий историка // Отечественная история. 2002. № 4. С. 64–78; № 5. С. 113–132; *Шевцова Л.Ф.* Внесистемный режим Бориса Ельцина. М., 2001.
- ¹⁸ См.: Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ. 1994. № 1(12).
- ¹⁹ См.: Конституция Российской Федерации: Официальный текст. Действующая редакция. М., 2004. С. 7.
- ²⁰ См.: Российская газета. 1994. 18 февраля.
- ²¹ См.: *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика и проблемы российского федерализма в условиях политического транзита // Политическая регионалистика: теория и практика. М., 2002. С. 29; *Овчинников А.П.* Политическая регионалистика. Самара, 2002. С. 59. Хронологический перечень договоров см.: *Столяров М.В.* Указ. соч. С. 40.
- ²² См.: *Умнова И.А.* Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 112.
- ²³ См.: *Шахрай С.М.* О перспективах развития договорной практики как института укрепления российского федерализма. М., 1996.; *Хакимов Р.С.* Асимметричность Российской Федерации: Взгляд из Татарстана // Региология. Саранск, 1997. № 2. С. 30–31; *Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В.* Конституционное право. М., 2000. С. 333–375; *Столяров М.В.* Указ. соч. С. 40–41.
- ²⁴ См.: *Тэпс Д.* Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002. С. 119.
- ²⁵ См.: *Митрохин С.С.* Указ. соч. С. 73–76; *Умнова И.А.* Указ. соч. С. 112; *Лысенко В.Н.* Какую федерацию мы построили // Независимая газета. 1997. 28 марта; *Медведев Н.П.* Указ. соч. С. 28–29; *Марченко М.Н.* Российская Федерация на современном этапе // Федерализм: теория и история развития. М., 2000. С. 334–336; *Овчинников А.П.* Указ. соч. С. 58–60.
- ²⁶ См.: *Медведев Н.П.* Указ. соч. С. 28–30.
- ²⁷ См.: *Лысенко В.Н.* Какую федерацию мы построили...
- ²⁸ См.: *Столяров М.В.* Указ. соч. С. 63–64.
- ²⁹ См.: *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 75–76; *Он же.* Российский федерализм: иллюзии и реальность // Независимая газета. 1998. 26 марта.
- ³⁰ См.: *Строев Е.С.* Горжусь моей Родиной. М., 1999. С. 502–503.
- ³¹ См.: *Орачева О.И.* Плюсы и минусы российского федерализма // Федерализм и региональная политика в полиэтнических государствах. М., 2001. С. 44–45.
- ³² *Nunn S., Stulberg A.* The Many Faces of Modern Russia // Foreign Affairs. N.Y., 2000. № 2. P. 45–62.
- ³³ См.: *Лысенко В.Н.* Обещанного три года ждут // Рос. газ. 1997. 20 мая.
- ³⁴ Цит. по: *Медведев Н.П.* Указ. соч. С. 136–141.
- ³⁵ *Примаков Е.М.* Российский федерализм: новое в политике Центра? // Рос. регион. бюл. 1999. Т. 1. № 2. С. 3.
- ³⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; *Митрохин С.С.* Указ. соч. С. 81–82.
- ³⁷ См.: *Дедаев В.М., Цыбина Е.А.* Современная организация федеральной власти в России // Вертикаль власти: проблемы укрепления российской государственности в современных условиях. Ростов н/Д, 2001. С. 92.
- ³⁸ *Путин В.В.* Какую Россию мы строим? // Рос. газ. 2000. 11 июля.
- ³⁹ *Путин В.В.* Власть должна быть работающей! // Рос. газ. 2000. 19 мая.

УДК 1(3) (091)

ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ф.А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: jurid@info.sgu.ru

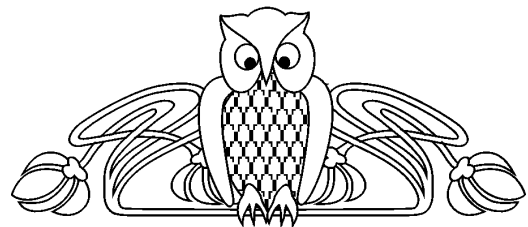
В статье анализируются различные взгляды на отношения власти и личности в правовом государстве, предпринята попытка сконструировать систему с фокусированным полезным результатом, позволяющую, во-первых, объяснить явления и процессы построения гражданского общества и правового государства; во-вторых, организовать и упорядочить совокупность межсубъектных и субъектно-объектных отношений.

Ключевые слова: правовая политика, власть, личность, правовое государство, система.

Authority and Individual Relations in Rule-of-State Law

F.A. Vestov

In article analyzed various views on authority and individual relations in a rule-of-state law and makes an attempt to create a system that enables him to explain certain phenomena and processes of building

civil society and rule-of-law state, to organize a set of intersubjective and subject-object relations and make it a system with a focused positive result.

Key words: policy of law, authority, individual, rule-of-law state, system.

Вопрос отношения государственной власти и личности начал приобретать актуальность еще в XVIII веке. Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом «Общественном договоре» попытался доказать, что свобода личности заключается в ее участии в государственном верховенстве. Более того, в свободном государстве, считал Руссо, верховная власть всецело должна принадлежать народу, общая воля которого устанавливает закон, учреждает правительственные органы и направляет их деятельность¹.

- ¹⁷ См.: *Пихоя Р.Г.* Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментарий историка // Отечественная история. 2002. № 4. С. 64–78; № 5. С. 113–132; *Шевцова Л.Ф.* Внесистемный режим Бориса Ельцина. М., 2001.
- ¹⁸ См.: Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ. 1994. № 1(12).
- ¹⁹ См.: Конституция Российской Федерации: Официальный текст. Действующая редакция. М., 2004. С. 7.
- ²⁰ См.: Российская газета. 1994. 18 февраля.
- ²¹ См.: *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика и проблемы российского федерализма в условиях политического транзита // Политическая регионалистика: теория и практика. М., 2002. С. 29; *Овчинников А.П.* Политическая регионалистика. Самара, 2002. С. 59. Хронологический перечень договоров см.: *Столяров М.В.* Указ. соч. С. 40.
- ²² См.: *Умнова И.А.* Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 112.
- ²³ См.: *Шахрай С.М.* О перспективах развития договорной практики как института укрепления российского федерализма. М., 1996.; *Хакимов Р.С.* Асимметричность Российской Федерации: Взгляд из Татарстана // Региология. Саранск, 1997. № 2. С. 30–31; *Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В.* Конституционное право. М., 2000. С. 333–375; *Столяров М.В.* Указ. соч. С. 40–41.
- ²⁴ См.: *Тэпс Д.* Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002. С. 119.
- ²⁵ См.: *Митрохин С.С.* Указ. соч. С. 73–76; *Умнова И.А.* Указ. соч. С. 112; *Лысенко В.Н.* Какую федерацию мы построили // Независимая газета. 1997. 28 марта; *Медведев Н.П.* Указ. соч. С. 28–29; *Марченко М.Н.* Российская Федерация на современном этапе // Федерализм: теория и история развития. М., 2000. С. 334–336; *Овчинников А.П.* Указ. соч. С. 58–60.
- ²⁶ См.: *Медведев Н.П.* Указ. соч. С. 28–30.
- ²⁷ См.: *Лысенко В.Н.* Какую федерацию мы построили...
- ²⁸ См.: *Столяров М.В.* Указ. соч. С. 63–64.
- ²⁹ См.: *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 75–76; *Он же.* Российский федерализм: иллюзии и реальность // Независимая газета. 1998. 26 марта.
- ³⁰ См.: *Строев Е.С.* Горжусь моей Родиной. М., 1999. С. 502–503.
- ³¹ См.: *Орачева О.И.* Плюсы и минусы российского федерализма // Федерализм и региональная политика в полиэтнических государствах. М., 2001. С. 44–45.
- ³² *Nunn S., Stulberg A.* The Many Faces of Modern Russia // Foreign Affairs. N.Y., 2000. № 2. P. 45–62.
- ³³ См.: *Лысенко В.Н.* Обещанного три года ждут // Рос. газ. 1997. 20 мая.
- ³⁴ Цит. по: *Медведев Н.П.* Указ. соч. С. 136–141.
- ³⁵ *Примаков Е.М.* Российский федерализм: новое в политике Центра? // Рос. регион. бюл. 1999. Т. 1. № 2. С. 3.
- ³⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; *Митрохин С.С.* Указ. соч. С. 81–82.
- ³⁷ См.: *Дедаев В.М., Цыбина Е.А.* Современная организация федеральной власти в России // Вертикаль власти: проблемы укрепления российской государственности в современных условиях. Ростов н/Д, 2001. С. 92.
- ³⁸ *Путин В.В.* Какую Россию мы строим? // Рос. газ. 2000. 11 июля.
- ³⁹ *Путин В.В.* Власть должна быть работающей! // Рос. газ. 2000. 19 мая.

УДК 1(3) (091)

ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ф.А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: jurid@info.sgu.ru

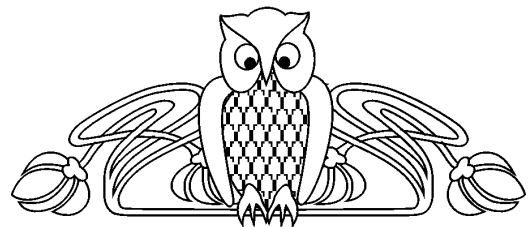
В статье анализируются различные взгляды на отношения власти и личности в правовом государстве, предпринята попытка сконструировать систему с фокусированным полезным результатом, позволяющую, во-первых, объяснить явления и процессы построения гражданского общества и правового государства; во-вторых, организовать и упорядочить совокупность межсубъектных и субъектно-объектных отношений.

Ключевые слова: правовая политика, власть, личность, правовое государство, система.

Authority and Individual Relations in Rule-of-State Law

F.A. Vestov

In article analyzed various views on authority and individual relations in a rule-of-state law and makes an attempt to create a system that enables him to explain certain phenomena and processes of building

civil society and rule-of-law state, to organize a set of intersubjective and subject-object relations and make it a system with a focused positive result.

Key words: policy of law, authority, individual, rule-of-law state, system.

Вопрос отношения государственной власти и личности начал приобретать актуальность еще в XVIII веке. Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом «Общественном договоре» попытался доказать, что свобода личности заключается в ее участии в государственном верховенстве. Более того, в свободном государстве, считал Руссо, верховная власть всецело должна принадлежать народу, общая воля которого устанавливает закон, учреждает правительственные органы и направляет их деятельность¹.

Его идеи осуществились во времена Великой Французской революции², когда для решения вопроса об установлении правильных отношений между государством и личностью французским Национальным собранием в 1789 г. была провозглашена Декларация прав человека³.

Однако очень скоро стало ясно, что проблема имеет более глубокие корни решения, нежели положения Декларации⁴. Взгляды были диаметрально противоположными. Если сторонники Декларации исходили в своих теоретических построениях из отдельного человека, то ее противники были проникнуты отрицательным отношением к индивидуализму. Так, по учению О. Конта, идея субъективного права есть продукт метафизической философии; напротив, при организации общества на позитивно-научных началах отдельному лицу должны быть присвоены обязанности, а не права⁵. Как видно, «здесь ... подрывались прочность и устойчивость самого основания права, а это лишало последнее наиболее существенной доли его значения и смысла. Отсюда не труден был переход к полному отрицанию субъективного права, да и права вообще»⁶.

Хотя идею О. Конта поддерживали многие известные ученые, ее противником впервые выступил Г. Еллинек, изложивший свою позицию в книге «Система субъективных публичных прав». «Г. Еллинек, – писал Ф. Тезнер, – первый вскрыл значение проблемы субъективного права во всех областях публичного права и проследил эту проблему по всем разветвлениям его ... Работа Г. Еллинека представляет собою отчет к концу столетия относительно того, что дало это столетие для науки публичного права»⁷.

«Несмотря ... на направленность исходных методологических предпосылок Г. Еллинека, – укажет несколько позже Б.А. Кистяковский, – его труд сохранит навсегда свое значение как образец замечательного юридико-догматического построения. Все юридико-догматические исследования в этой области по необходимости должны будут примыкать к тому, что вскрыл своим углубленным и прозорливым научным анализом Г. Еллинек». Тем не менее, «... оставаясь на почве юридической догматики, никогда нельзя придти к общеобязательному решению вопросов, лежащих в основании юриспруденции. Поэтому в будущем все решения в этой области должны производиться под направляющим и исправляющим контролем общей теории права. Тогда права личности будут обоснованы не только как субъективные публичные права, но и как права человека и гражданина»⁸. Действительно, это и ему подобные мнения показывают, что только та научная позиция, которую вырабатывает общая теория права, способна дать научное обоснование прав личности. Для этого право и правомочие нужно брать как первичные явления, как известную реальность, существующую помимо и независимо от государства. Тогда утвердится и научно правильный

взгляд на государство, которое по своему существу, по своей идее есть союз свободных лиц. При этом последнее признается самим Г. Еллинеком, который указывал на исторический факт, что государство никогда не состояло из рабов. Истинные цели и задачи государства заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого и ценно людям. Государство само по себе есть пространственно самая обширная и внутренне наиболее всеобъемлющая форма вполне организованной солидарности между людьми. Даже наиболее жесткие формы государственной власти обыкновенно оправдываются соображениями о пользе и нуждах всего народа. Общее благо – вот формула, в которой кратко выражаются цели и задачи государства⁹.

Таким образом, с одной стороны, нормальное существование и развитие общества и государства невозможно без основных, жизненно важных прав и свобод человека. Государство, построенное на принципах декларации прав человека и гражданина, должно быть организованным и вполне свободным государством, в котором каждая личность получит возможность вести достойное человеческое существование. Но, с другой, – представляя народ в его целом, являясь всепоглощающей организацией его, государство вместе с тем может заслонить собой народ. Эта угроза заключается в том, что, становясь на место народа, государство начинает рассматривать себя как самоцель и превращать народ в подчиненное себе средство. «Для ... устранения государственного деспотизма, – предупреждал Б.А. Кистяковский, – далеко не достаточно одного участия народа в выработке законов и в контроле над их исполнением, как бы деятельно это участие не проявлялось»¹⁰.

В России 1990-х мы наблюдали процесс, когда «центральная власть ...» была «вынуждена смотреть на дело по государственному, то есть заботиться об интересах выживания не только себя, любимой, но попутно по необходимости и всего управляемого ею общества... Именно центру волею судеб приходится проводить в стране буржуазные реформы»¹¹, – пишет А.С. Хоцев.

Напротив, сегодня мы наблюдаем процесс, где полное поглощение индивидуума государством просто невозможно. Здесь прав был Б.А. Кистяковский, считавший, что в правовом государстве – правовой организации народа¹², именно отдельный человек, представляющийся с первого взгляда ничтожной величиной по сравнению с государством, оказывается наиболее сильным для него противником, потому как отдельный человек является единственным вполне реальным основанием всякой общественной и государственной жизни¹³.

Но здесь появляется новая проблема – не всякий человек способен противопоставлять себя государству, а только тот, который является лич-

ностью в полном смысле этого термина¹⁴. Такие люди способны реально влиять на государство и власть.

Мнения по этому поводу расходятся. Так, марксистская теория отвергала возможность влияния личности на власть, противопоставляя этот процесс общественному воздействию. «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, – утверждал К. Маркс. – В действительности она есть совокупность (в немецком оригинале «ансамбль») всех общественных отношений»¹⁵. Развивая этот тезис, В.И. Ленин, в полемике с представителями субъективной социологии, упрекал последних в том, что они начинают с личностей, будто личность есть нечто первичное и элементарное. На деле же личность – продукт всей человеческой истории, общественно исторической формации, представитель определенного класса¹⁶. Социолога должны интересовать не состояние отдельных индивидов, а вероятные действия определенных классов. «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы останутся»¹⁷. «Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц»¹⁸.

Данная позиция была воспринята как единственно верная и поддержана рядом советских ученых. Ю.В. Франкфурт¹⁹, М.Д. Каммари²⁰ и многие другие утверждали, что личность с ее индивидуальными, чисто личными чертами накладывает только второстепенный отпечаток на исторические события, поскольку сила ее не в ее личных, а в ее общеклассовых чертах.

Такое упрощенное представление о роли личности в государстве как раз и приводит к ее поглощению государственной властью. На это указывал А.Н. Фатеев, по словам которого само по себе народовластие еще не может оградить граждан, их личность, свободу и права от деспотизма государственной власти²¹.

Смысл и предназначение правового государства, как отмечает Г.В. Атаманчук, «заключается в том, чтобы всем людям (своим гражданам) представить равные (в юридическом отношении) права и свободы и потребовать (в необходимых пределах) выполнение каждым равных обязанностей перед обществом, а не по роду деятельности. В остальном реальные отношения между людьми, между каждым из них и обществом, полнота прав и свобод человека и гражданина зависят от человека, от того, как он сумеет использовать юридические возможности для устройства своей жизни»²². «В результате конкретный индивид не опускается до уровня “среднестатистического человека”», не превращается в винтик государственного механизма, а получает возможность в относительно широких государственных рамках развиваться как личность»²³ и влиять на власть.

В условиях, когда в России идет процесс построения правового государства, отношения между государственной властью и личностью

должны рассматриваться как их взаимодействие, где права личности реальны именно на сегодняшний день, а власть государства ограничена правом и контролируется гражданами, давшими ей конкретные полномочия. В этом направлении в России уже делаются определенные шаги. Как заявил Д.А. Медведев, выступая на экономическом форуме в Давосе в 2007 г., «мы строим новые институты, основанные на базовых принципах полноценной демократии. Демократии – без ненужных дополнительных определений. Демократии эффективной, опирающейся на принципы рыночной экономики, верховенство закона и подотчетности власти остальному обществу»²⁴. Позже, будучи Президентом РФ, Д.А. Медведев неоднократно отметит, что развитие данных демократических институтов является условием формирования гражданского общества в России²⁵.

В наши дни для гражданского общества характерна высокая степень самоорганизации на основе экономических, социально-политических и иных систем регуляций, но эффективность функционирования этого общества с учетом сложности, глубины, а в известной мере и противоречивости его развития не может быть вне государственно-правового воздействия. По мере развития цивилизации вместе с утверждением идей гуманизма и свободы наблюдается и зависимость человека от мощных, всё возрастающих общественных сил – экономики, власти, идеологии²⁶.

Поэтому гражданское общество предполагает сплоченность всех его членов, наличие общих духовных ценностей, нравственных принципов, интересов и целей²⁷. Оно призвано быть противовесом государству, важным элементом в достижении равновесия в социальных отношениях²⁸.

В отличие от общества как целостной, исторически устойчивой формы совместной жизнедеятельности людей гражданское общество – это тип общественного устройства, отличительным признаком которого является реальная многосубъектность общественной, экономической, социальной, культурной, политической жизни²⁹. Это «взаимодействие всех имеющихся в обществе больших и малых социальных групп. Экономической основой их взаимодействия должны быть свободно развивающиеся различные формы собственности. А защищать их интересы призваны соответствующие органы правового государства, в котором все подчинено закону. В итоге в подлинно гражданском обществе, в основу которого положены интересы и права гражданина, каждый человек имеет возможность свободно и творчески проявить себя, удовлетворить свои потребности в соответствии с той пользой, которую он приносит другим людям и обществу. При этом он будет пользоваться всеми средствами правовой и социальной защиты государства»³⁰.

Таким образом, гражданское общество – это «способ утверждения социальной справедливо-

сти»³¹; это «свободное демократическое, правовое общество, ориентированное на конкретного человека, основанное на различных формах собственности и самоуправления, функционирующее в правовом режиме социальной справедливости, свободы, способствующее, удовлетворению материальных и духовных потребностей личности как высшей ценности современной цивилизации»³².

Гражданское общество неразрывно связано с правовым государством. Это единый организм, функционирование которого способно обеспечить взаимодействие личности и власти. «Правовое государство представляет собой определенную форму организации государственной власти, при которой государство и граждане связаны взаимной ответственностью при безусловном главенстве конституции, демократических законов и равенства всех перед законом»³³.

Однако что первично в этом едином организме, иначе говоря, что строить вначале – гражданское общество, а на его основе правовое государство или наоборот – правовое государство, а на его основе гражданское общество? Мнения по этому вопросу расходятся. Так, например, А.В. Крутов³⁴ и Л.С. Мамут³⁵ акцентируют внимание на особой роли правового государства как главной предпосылки становления гражданского общества. Напротив, по мнению С.Г. Сергеева³⁶ и М.Н. Марченко³⁷, именно гражданское общество выступает предпосылкой становления правового государства. В частности, «гражданское общество, – пишет М.Н. Марченко, – первично по отношению к правовому государству, так же как и традиционное общество – по отношению к “до-правовому” государству: сначала формируется гражданское общество, а затем на его основе “конструируется” правовое государство, но не наоборот»³⁸.

С одной стороны, без идеи правового государства, заложенной в Конституции РФ, невозможно построить гражданское общество. Но, с другой стороны, идея правового государства, заложенная в Конституции, – это еще не правовое государство, а конституционное. Оно станет правовым лишь тогда, говорил Б.А. Кистяковский, когда будут реализованы ее положения о правовом государстве³⁹. А это возможно лишь в условиях гражданского общества. «Процессы формирования гражданского общества и построения правового государства, – пишет М.Т. Баймаханов, – как бы подталкивают друг друга, взаимно создают один для другого благоприятные условия и предпосылки. Оба эти процесса проходят в общем и целом параллельно», причем «в реальной жизни один из них может на какой-то отрезок времени опережать другой или отставать от него»⁴⁰.

На сегодняшний день процесс построения гражданского общества в России несколько опережает процесс построения правового государства. По-видимому, это искусственно созданное опережение, ориентированное на зарубежный

опыт формирования гражданского общества, где данный процесс полностью укладывается в рамки исторической закономерности опережающего⁴¹. Тем не менее мы будем исходить из реально сложившейся ситуации и рассматривать построение гражданского общества как процесс, опережающий построение правового государства.

Построение гражданского общества – сложный, противоречивый и долгий процесс, требующий от его участников – государства и общества, определенных взаимных усилий в силу их взаимозависимости и взаимообусловленности. «Без государственных органов и иных институтов государственной власти не может существовать гражданское общество», в частности, его институты «в его современном понимании»⁴². «Гражданское общество обретает силу и способность к развитию именно во взаимодействии» – «диалоге и партнерстве» с государственной властью⁴³.

В то же время «без гражданского общества, институты которого ограничивают и в определенной степени контролируют (отслеживают) деятельность государственных органов, не допуская их бесконтрольности и незаконности»⁴⁴, не существовало бы сегодняшнего демократического государства, стремящегося стать правовым, в том понимании, которое мы представили выше.

Гражданское общество и государство, по И.В. Андроновой, охватываются единым пространством – «социумом». Гражданское общество, как часть этого социума, охватывает «сферу действия таких общественных отношений и институтов, которые выражают разнообразные потребности, интересы и ценности людей и гарантируют каждому реализацию его интересов и прав. Государство в этом случае выступает как часть социума, юридически организующая свободное и ответственное взаимодействие людей, которое поддерживается соответствующими органами»⁴⁵. В данном контексте гражданское общество не может создаваться «по своим законам, отличным и не зависящим от национальной системы законодательства, политического режима». Кроме того, «гражданское общество не может оставаться гражданским, если политическими методами в него не привносится порядок. Только государственная власть – государство, управляемое посредством легитимной верховной власти с помощью действующего в стране законодательства – может стать эффективной защитой от несправедливостей самого гражданского общества и синтезировать его частные интересы во всеобщее политическое сообщество»⁴⁶. В то же время взаимодействуя с государственной властью, гражданское общество не должно находиться от нее в зависимости. Государственная власть лишь создает условия, в которых личность может реализовать свои интересы не только через государство и с помощью государственных гарантий и механизмов, но и посредством полноценных институтов гражданского общества⁴⁷.

Таким образом, гражданское общество представляет собой многообразие взаимоотношений между государственной властью, с одной стороны, и индивидуумами, организованными в негосударственные, неправительственные объединения по социальному, профессиональному и другим признакам, функционирующими независимо от государства или поддерживаемые им – институты гражданского общества, – с другой⁴⁸.

В последние годы создалась ситуация, когда государственная власть пытается консолидировать гражданское общество. На этой позиции стоял президент В.В. Путин⁴⁹, на этой позиции стоит и ныне действующий Президент РФ Д.А. Медведев. В своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ в 2009 г. он отметил, что «задачей государства» является «создание условий для развития гражданского общества. Люди, неравнодушные к тому, что происходит вокруг, должны иметь все возможности для реализации своих благородных устремлений»⁵⁰.

Исследователи в области правового государства и гражданского общества пытаются отразить этот российский «феномен» в своих работах. Так, «российская специфика, – пишет И.В. Андропова, – заключается в том, что в нашей стране политико-правовые нормы и решения не только задают условия и рамки, в которых субъекты гражданского общества осуществляют свои практики, воспроизводя или трансформируя их, но и выступают инициаторами в данной сфере»⁵¹.

Интересно в этом отношении диссертационное исследование Л.Ю. Грудцыной, по мнению которой именно государству принадлежит ключевая роль в построении гражданского общества⁵².

Подобную точку зрения высказывал ранее О.Ф. Шабров⁵³. Однако, как показывают исследования, «взаимодействие гражданского общества и государства приводит к изменению их сфер или величин в рамках социума, а также к определенному взаимопроникновению»⁵⁴. Государство и гражданское общество, взаимодействуя между собой, стремятся захватить все «свободные места» в социуме, в результате расширение прерогатив одного приводит к сужению сферы влияния другого⁵⁵. Отсюда «ограничение сфер влияния государства должно способствовать расширению прав институтов гражданского общества как независимых источников инициатив»⁵⁶. И, наоборот, расширяя сферы влияния государства, мы ограничиваем права институтов гражданского общества как независимых источников инициатив, отодвигаем на второй план личностную инициативу. В этом случае наступает реальная угроза поглощения государством личности, о которой мы говорили выше.

Для построения гражданского общества в современном его понимании – с развитыми демократическими институтами, самоуправлением, инициативными и активными гражданами и их организациями⁵⁷, необходимо выстроить отношения

между государством и гражданским обществом таким образом, чтобы они сдерживали и уравновешивали друг друга. При этом ключевой фигурой данного процесса является личность. Иначе говоря, процесс построения гражданского общества необходимо организовать таким образом, чтобы государственная власть была вынуждена создавать такую политико-правовую среду, в условиях которой индивид стремится приобрести качества личности и вступить в диалектическое единство с государственной властью по поводу построения гражданского общества и правового государства.

Однако гражданское общество является особой сферой социума, противостоящей государству и одновременно связанной с ним множеством форм взаимодействий. Это сложная структура, сеть межсубъектных и субъектно-объектных отношений, которые не сводятся к простой сумме институтов гражданского общества и политических институтов⁵⁸. В этом смысле довольно проблематично создать теоретическую конструкцию, способную объяснить процесс функционирования этой довольно сложной структуры. Тем не менее такая возможность, гипотетически конечно, существует, если обратиться к системному подходу, в частности, к теории функциональной системы, основные положения которой, спроектированные на данные предметные исследования, помогут, во-первых, объяснить явления и процессы построения гражданского общества и правового государства; во-вторых, организовать и упорядочить всю ту совокупность межсубъектных и субъектно-объектных отношений в систему с фокусированным полезным результатом.

Итак, власть и личность в процессе построения гражданского общества и правового государства – ключевые фигуры, от взаимоотношений которых зависит результат развития социума. От формы их организации зависит, будут ли они стремиться к расширению своего влияния в социуме, что станет препятствием на пути построения гражданского общества и правового государства, или вступят в диалектическое единство, что приведет к оптимальному варианту гражданского общества и правового государства.

Примечания

- 1 См.: *Michel H. L'Idée de L'Etat. Essai critique sur l'histoire des theories sociales et politiques en France depuis la Revolution.* 3 ed. P., 1898. P. 42; *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 250.
- 2 См.: *Lafebure G. La Revolution fransaise.* P., 1951.
- 3 См.: *Ковалевский М.* Происхождение современной демократии. М., 1985. С. 56–58.
- 4 См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1999. С. 286.
- 5 *Conte Aug. Systeme de Politique positive.* P., 1851. (Discours preliminaries). Т. I. P. 361.

- ⁶ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 292.
- ⁷ *Tecner Fr. System der subjektiven öffentlichen Rechte von Georg Jellinek // Grunhut's Zeitschrift. 1893. Bd. XXI. S. 252–253.*
- ⁸ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 323.
- ⁹ Там же. С. 324.
- ¹⁰ Там же. С. 284.
- ¹¹ Хоцей А.С. Теория общества: в 3 т. Т. III. Кн. 2. Казань, 2002. С. 600.
- ¹² См.: Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С. 6.
- ¹³ См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 283.
- ¹⁴ См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. перераб. и доп. М., 1991. С. 222–223.
- ¹⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 3.
- ¹⁶ См.: Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве // Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т. 1. С. 391.
- ¹⁷ Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 207.
- ¹⁸ Ленин В.И. Речь на 1 Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 140.
- ¹⁹ См.: Франкфурт Ю.В. Плеханов и методология психологии. М., 1930. С. 38.
- ²⁰ См.: Каммари М.Д. Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. М., 1953.
- ²¹ См.: Фатеев А.Н. Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства. Идея политического индивида. Ч. 1. Харьков, 1904. С. 110.
- ²² Атаманчук Г.В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 129–130.
- ²³ Андропова И.В. Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России / под ред. А.А. Вилкова. Саратов, 2004. С. 146.
- ²⁴ Цит. по: Арсюхин Е. Давос и ныне там // Рос. газ. (Федеральный вып.). 2007. № 4280. 27 янв.
- ²⁵ См. напр.: Медведев Д.А. Вперед, Россия! // Газета.Ru. 2009. 10 сент.; Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009. Полный текст. URL: kremlin.ru.
- ²⁶ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 54.
- ²⁷ См.: Керимов А.Д. К вопросу о формировании в России гражданского общества // Право и политика. 2002. № 8. С. 4–9.
- ²⁸ См.: Коломийцев В.Ф. Социология права и правовая культура // Гражданин и право. 2006. № 6. Июнь. С. 3–11.
- ²⁹ См.: Социальная политика / под общ. ред. Н.А. Волгина. М., 2002. С. 25.
- ³⁰ Философия / под ред. В.Н. Лавриненко. 3-е изд., исп. и доп. М., 2007. С. 373.
- ³¹ Папырин Д.И. Гражданское общество: социально-философское содержание понятия и его применение к социальной действительности России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 9.
- ³² Савватеев А.И. Местное самоуправление как институт развития гражданского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. С. 12.
- ³³ Андропова И.В. Указ. соч. С. 146–147.
- ³⁴ См.: Крутов А.В. Взаимодействие гражданского общества и государства как фактор политической стабилизации российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000.
- ³⁵ См.: Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 94–103.
- ³⁶ См.: Сергеев С.Г. Становление гражданского общества в России: историко-политический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 1999.
- ³⁷ См.: Марченко М.Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журн. рос. права. 2008. № 10. Октябрь. С. 52–64.
- ³⁸ Там же. С. 57.
- ³⁹ См.: Львов С.А. Теория правового государства Б.А. Кистяковского: Критический анализ // Правоведение. 1983. № 5. С. 93.
- ⁴⁰ Баймаханов М.Т. Избранные труды по теории государства и права. Алматы, 2003. С. 332.
- ⁴¹ См.: McLennan G., Held D., Hall St. (eds.). The idea of Modern State. Philadelphia, 1994. P. 22–23.
- ⁴² Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 36.
- ⁴³ Грудцына Л.Ю. Концепция формирования и поддержки государством институтов гражданского общества: возникновение, развитие и содержание // Законодательство и экономика. 2008. № 9. Сентябрь. С. 5.
- ⁴⁴ Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России. С. 36.
- ⁴⁵ Андропова И.В. Указ. соч. С. 153.
- ⁴⁶ Грудцына Л.Ю. Концепция формирования и поддержки государством институтов гражданского общества: возникновение, развитие и содержание. С. 5.
- ⁴⁷ См.: Абакумов С.А. Гражданское общество и власть: противники или партнеры? М., 2005. С. 33, 34.
- ⁴⁸ См.: Кочетков А.П. Россия на пороге 21 века. М., 1998. С. 112.
- ⁴⁹ См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ. (Федеральный вып.). 2007. № 4353. 27 апреля.
- ⁵⁰ Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009. Полный текст. URL: kremlin.ru.
- ⁵¹ Андропова И.В. Указ. соч. С. 59.
- ⁵² См.: Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России. С. 16–17, 34, 41.
- ⁵³ См.: Шабров О.Ф. Политическая система: структура, типология, устойчивость. М., 1993. С. 12.

⁵⁴ Андропова И.В. Указ. соч. С. 148.

⁵⁵ Там же. С. 153.

⁵⁶ Васильев В.А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки // Соц.-полит. журн. 1997. № 4. С. 105.

⁵⁷ См.: Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. С. 10.

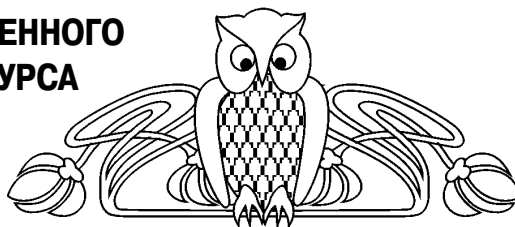
⁵⁸ См.: Андропова И.В. Указ. соч. С. 58.

УДК 323.232

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет
E-mail: martynovayu@mail.ru

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты современного политического дискурса, в частности, описывается роль метафоры в политическом тексте с точки зрения формирования чувства патриотизма с помощью употребления метафор в речи политиков. Подчеркивается особенность метафоры как когнитивного феномена влиять на восприятие человеком тех или иных социальных событий или явлений, а также формировать их оценку. **Ключевые слова:** патриотизм, метафора, соглашение, общество, информация, демократия.

Metaphor Foundations of Modern Russian Patriotic Discourse

Yu.A. Martynova

This article considers some aspects of the modern political discourse. In particular, it describes the role of metaphor in political texts from the point of view their ability to form the sense of patriotism. The ability of metaphor as a cognitive phenomenon to influence a person's attitude to different social events and form the evaluation of them is underlined.

Key words: patriotism, metaphor, agreement, society, information, democracy.

Характерной особенностью развития современной научной мысли является пересечение разных областей знания: нанотехнологии, например, вбирают в себя достижения не только естественных наук, но и наработки информационных технологий. Активно развивается и политическая лингвистика, новая область науки, совместившая языкознание и политологию. Возникновение такого синтеза научных сфер объясняется увеличивающимся интересом общества к закономерностям политической коммуникации, что обусловлено процессами, происходящими в современном мире.

Всеобщая демократизация общественных режимов, а также процесс глобализации заставляют изменить способ общения государственных лидеров и народов в целом. Если раньше возникающие конфликты часто разрешались силовым путем, с помощью угроз, войн, гонки вооружений и т.п., то современная действительность требует от политиков поиска других, демократичных способов выхода из сложных ситуаций.

Таким образом, очевидно, что в современных условиях, когда российское общество переживает сложную и ответственную стадию своего развития, государственная политика в социальной сфере тоже меняется. Она переходит от социальной защиты к более широкой деятельности – активизации социального развития. Следствием этих изменений является новое отношение к политической коммуникации, переход «от директивного варианта иерархической коммуникации, где роль получателя информации была занижена, к новому, демократическому, когда потребитель информации перемещается с пассивных на активные позиции»¹. На первый план выходит необходимость поиска общего языка для двух сторон – власти и граждан, необходимость обеспечения обратной связи между властными структурами и обществом. Условием достижения взаимопонимания является необходимость договориться, т.е. вникнуть в позиции друг друга и понять стиль аргументации собеседника, при этом роль языка, а именно политического языка, становится все более важной.

Как отмечают исследователи², для современной России наиболее актуальны проблемы функционирования политических партий, политических коммуникативных сетей и технологий. Данные вопросы еще недостаточно изучены и не раскрывают полностью особенности ситуации перехода одного типа общественного устройства к новому типу социального государства.

Одним из важнейших аспектов проблемы является исследование закономерностей политических коммуникаций. Под политической коммуникацией понимается речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, созидание общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях плюрализма общественных мнений. Любое участие члена социума в общественной жизни, любые решения, принимаемые им, будь-то участие в выборах или хотя бы просто обсуждение насущных социально-политических проблем про-

⁵⁴ Андропова И.В. Указ. соч. С. 148.

⁵⁵ Там же. С. 153.

⁵⁶ Васильев В.А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки // Соц.-полит. журн. 1997. № 4. С. 105.

⁵⁷ См.: Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. С. 10.

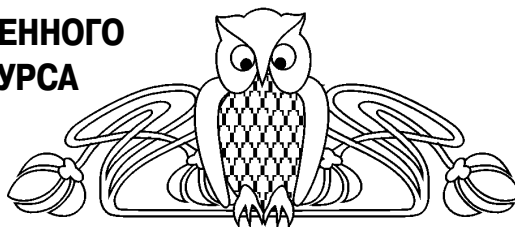
⁵⁸ См.: Андропова И.В. Указ. соч. С. 58.

УДК 323.232

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет
E-mail: martynovayu@mail.ru

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты современного политического дискурса, в частности, описывается роль метафоры в политическом тексте с точки зрения формирования чувства патриотизма с помощью употребления метафор в речи политиков. Подчеркивается особенность метафоры как когнитивного феномена влиять на восприятие человеком тех или иных социальных событий или явлений, а также формировать их оценку. **Ключевые слова:** патриотизм, метафора, соглашение, общество, информация, демократия.

Metaphor Foundations of Modern Russian Patriotic Discourse

Yu.A. Martynova

This article considers some aspects of the modern political discourse. In particular, it describes the role of metaphor in political texts from the point of view their ability to form the sense of patriotism. The ability of metaphor as a cognitive phenomenon to influence a person's attitude to different social events and form the evaluation of them is underlined.

Key words: patriotism, metaphor, agreement, society, information, democracy.

Характерной особенностью развития современной научной мысли является пересечение разных областей знания: нанотехнологии, например, вбирают в себя достижения не только естественных наук, но и наработки информационных технологий. Активно развивается и политическая лингвистика, новая область науки, совместившая языкознание и политологию. Возникновение такого синтеза научных сфер объясняется увеличивающимся интересом общества к закономерностям политической коммуникации, что обусловлено процессами, происходящими в современном мире.

Всеобщая демократизация общественных режимов, а также процесс глобализации заставляют изменить способ общения государственных лидеров и народов в целом. Если раньше возникающие конфликты часто разрешались силовым путем, с помощью угроз, войн, гонки вооружений и т.п., то современная действительность требует от политиков поиска других, демократичных способов выхода из сложных ситуаций.

Таким образом, очевидно, что в современных условиях, когда российское общество переживает сложную и ответственную стадию своего развития, государственная политика в социальной сфере тоже меняется. Она переходит от социальной защиты к более широкой деятельности – активизации социального развития. Следствием этих изменений является новое отношение к политической коммуникации, переход «от директивного варианта иерархической коммуникации, где роль получателя информации была занижена, к новому, демократическому, когда потребитель информации перемещается с пассивных на активные позиции»¹. На первый план выходит необходимость поиска общего языка для двух сторон – власти и граждан, необходимость обеспечения обратной связи между властными структурами и обществом. Условием достижения взаимопонимания является необходимость договориться, т.е. вникнуть в позиции друг друга и понять стиль аргументации собеседника, при этом роль языка, а именно политического языка, становится все более важной.

Как отмечают исследователи², для современной России наиболее актуальны проблемы функционирования политических партий, политических коммуникативных сетей и технологий. Данные вопросы еще недостаточно изучены и не раскрывают полностью особенности ситуации перехода одного типа общественного устройства к новому типу социального государства.

Одним из важнейших аспектов проблемы является исследование закономерностей политических коммуникаций. Под политической коммуникацией понимается речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, созидание общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях плюрализма общественных мнений. Любое участие члена социума в общественной жизни, любые решения, принимаемые им, будь-то участие в выборах или хотя бы просто обсуждение насущных социально-политических проблем про-

исходит под влиянием субъектов политической коммуникации.

Политическая власть, ее достижение и осуществление является важнейшей задачей политической коммуникации. С помощью привычных государственных институтов и функций (выборов, назначений, создания общественного мнения и прочего) политическая коммуникация оказывает прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация служит для создания и оформления существующей политической реальности. Путем многообразных способов воздействия на распределение и использование власти субъекты власти оказывают влияние на сознание избирателей, депутатов, чиновников и др., то есть тех социальных слоев, которые способны принимать политические решения. Таким образом не только передается информация, но и происходит эмоциональное воздействие, способное изменить существующую в сознании человека политическую картину мира.

Развитие социального государства, в котором человеческий фактор признается наиболее важным для экономического, политического и духовного развития общества, требует перехода от бывшей модели «власти и подчинения» к новой модели «партнерства», что предполагает открытость диалога власти с населением и, следовательно, возможность регистрировать, учитывать и реагировать на мнение населения, что при тоталитарных режимах не требовалось.

В условиях демократии власть, строя послания к населению, не может не учитывать общую систему ценностей, присущую своему народу. В частности, среди ценностей, неизменно присутствующих в русском сознании, всегда было чувство патриотизма. Вот что пишет о патриотизме русских А. Сергеева: «Русские – большие патриоты, они очень чувствительно относятся к разговорам о войне, считая, что Россия вела большинство войн, обороняясь от агрессивных соседей с Востока и Запада. Особенно чувствительно для них упоминание о Второй мировой войне, в которой ею было потеряно около 40 млн человек. Почти в каждой семье до сих пор живет скорбная память о погибшем родственнике или близком человеке. Такая трагическая реальность не вполне совпадает с современными западными представлениями о ней»³.

Патриотизм определяется как «преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу»⁴, однако меняющаяся историческая обстановка накладывает определенный отпечаток на проявление этого чувства. Если в условиях тоталитаризма, войн, противостояния мировых держав патриотизм, в первую очередь, предполагал готовность защищать свою страну от врагов, даже ценой своей жизни, то в условиях демократии, глобализации

такая необходимость отпадает, поскольку явных врагов Отечества больше не существует. Однако это не означает, что и преданности и любви к Родине и своему народу не существует тоже. Просто патриотизм приобретает другие формы в соответствии с требованиями нового времени. Так, например, в публикациях начала нового века шла речь о так называемом «путинском патриотизме», под которым теоретики понимали военно-силовое сближение с США на ниве общей борьбы с международным терроризмом⁵.

Развитие отечественной промышленности, усиление экономики страны, охрана ее природных ресурсов также могут рассматриваться как проявления патриотизма.

Властные структуры, общаясь с народом, должны способствовать выработке целостной системы взглядов, способной быть идеологической основой демократического преобразования общества России, и чувство патриотизма является немаловажной составляющей этой системы ценностей.

При анализе общих проблем политической коммуникации, с учетом ее особенностей по сравнению с коммуникацией в других сферах, следует изучать не только жанры политической речи (листовка, лозунг, программа, выступление в парламенте, речи на митингах и др.), но и средства, используемые в риторике и аргументации отдельных политиков, политических партий и направлений. Необходимо рассматривать стратегию и тактику политической коммуникации, композицию, лексику и фразеологию политических текстов, а также использование в них разнообразных образных средств. На первый план выходят такие проблемы, как определение понятийно-терминологического аппарата переговорного общения; соблюдение внешней, ритуальной или этикетной стороны переговорного общения; а также возможность понять и сблизить базовые метафорические, т.е. образные, концепты, которые играют ключевую роль в категоризации действительности у носителей тех или иных языков.

Отметим, что для достижения объективности исследований общественных явлений следует придерживаться дискурсивного подхода к изучению общественно-политических текстов, другими словами, рассматривать тексты без отрыва и именно в контексте той политической ситуации, в которой они были созданы. Критериями для анализа должны служить как политические взгляды и целевые установки автора, специфика восприятия текста различными социальными слоями людей, так и та роль, которую может играть данный текст в политической коммуникации в целом.

Не претендуя в рамках одной статьи обозначить все многообразие задач, касающихся политического дискурса, остановимся лишь на одном небольшом аспекте проблемы – рассмотрим некоторые возможности, которые дают языковые средства для формирования картины мира

человека, его системы ценностей, в частности, патриотических чувств.

Метафорическая система языка является сложным и противоречивым феноменом в составе лексико-семантической системы языка в целом. Изучение закономерностей процесса метафоризации на протяжении многих лет остается в центре внимания лингвистов, а теперь они заинтересовали и когнитологов, и политологов, и социологов. В непосредственной связи метафоры с познавательной деятельностью человека и категоризацией им действительности проявляется такое глубинное свойство языка, как антропоцентризм, а системное описание метафорических полей в разных языках позволяет выявить общее и национально-специфическое в ассоциативно-образном восприятии действительности разными народами и реконструировать определенные фрагменты их языковых картин мира. Несмотря на то, что в настоящее время в лингвистике существует немало работ, в которых проводятся исследования метафорических единиц как формирующих национальную картину мира, нельзя считать эту область полностью изученной. Участие метафор в политическом дискурсе признано и не подлежит сомнению. В аспекте проблемы достижения консенсуса между властью и населением метафоры особенно важны при формировании первого, т.е. ценностного уровня, того уровня, который представляет собой отражение картины мира в сознании человека. Сила метафоры, метафорического образа для воздействия на сознание настолько эффективна, что в науке в течение двух тысяч лет обсуждается не этот феномен, а способы его осуществления и закономерности проявления этого явления в сознании человека в процессе обработки знаний. Рассмотрим, каково влияние феномена метафоры на воспитание чувства патриотизма у граждан современной России. Для наглядности возьмем только один ключевой концепт, играющий немаловажную роль в создании картины мира человека, а именно концепт СТРОЕНИЯ.

Значение «строения» можно определить как «наземное сооружение, имеющее внутри помещения, которые занимают большую часть его объема»⁶. Логичнее всего, опираясь на принцип антропоцентризма, рассмотреть отношения человека к строениям, когда «строение» понимается как страна, государство. Самый распространенный в этом случае перенос – это «Родина – дом». Не случайно, вступая в должность президента, в своей речи Д.А. Медведев произносит следующие слова: «Хотел бы заверить сегодня всех граждан страны, что буду работать с полной отдачей сил как президент и как человек, для которого Россия – это родной дом, родная земля»⁷.

Во-первых, человек может и должен быть строителем своего дома: архитектор (*архитектор перестройки*), строитель (*строитель светлого будущего*), зодчий (*зодчие прогресса*), прораб

(*прорабы перестройки*); строительство (*строительство социализма*), перестройка (*перестройка общества*). Также он может быть владельцем или пользователем: квартирант (*квартиранты в своей стране*), хозяин (*хозяин в доме*). Разумеется, что человек, занимающий активную позицию (архитектор, хозяин) воспринимается в положительном смысле и служит примером, в отличие от «квартиранта», например, так как квартирант не несет ответственности за свое жилище, которое является для него временным.

Переносное употребление «Родина – наш общий дом» является устойчивым и в полной мере отражает изменения политической ситуации в стране, сохраняя, тем не менее, патриотическое воздействие на чувства адресантов. Приведем несколько примеров времен перестройки: «Горбачев опоздал по крайней мере лет на десять, начинать нужно было, когда общество еще было устойчиво... Прежде чем перестраивать дом, настоящие хозяева подсчитывают, сколько надо бревен, кирпича, гвоздей, копят деньги и только потом уж приступают. А тут – начали без плана, без согласия в семье: одни тащат бревно туда, другие его же – обратно. Третьи вообще стоят в стороне и кричат: «Не так!» – и принципиально не хотят брать в руки ни лопату, ни молоток... /Иванов М./»; «Речь идет о судьбе страны, о судьбе нашей Родины, о нашем общем доме, о том, как жить нам с вами, нашим детям и внукам /Горбачев М./»; ««Демократы» предлагают нам новые страдания, скрывая их за страстными призывами и элементарной ложью. А зачем нам ломать свой социалистический дом, когда можно его достроить, используя добротный фундамент и стены. Разумнее и вернее совершенствовать социализм, совершенствуя политические структуры, ибо они мешали его развитию, замораживали навязанными ему долгами, сводили на нет его естественный ход /Чарнецка И./»⁸.

«Строительная» деятельность человека отражена в следующих примерах: «Это и есть «номенклатурная приватизация». Вот от такого завоевания перестройки номенклатура не отступит никогда – ни в новую брежневщину, ни тем более в новый сталинизм. Они будут строить свой социализм с человеческим лицом, плюралистичный – у него будет столько лиц, сколько будет лиц у президентов и генеральных директоров номенклатурных концернов и СП /Радзиховский Л./»; «Семьдесят лет жили, а социализм, говорят, не построили, или построили, да не тот – зря жили? /новое время/»⁹.

Другим образным средством, передающим чувство неотъемлемости человека от места, в котором он живет, о важности этого места, является «очаг»: родной дом, семья: «домашний (родной) очаг»¹⁰.

Своей стране, своему дому присуще понятие святости, которое часто реализуется с помощью образа храма: «Европейские марксисты с презрением и скукой смотрели на многомиллионную

крестьянскую Русь, с ее мистической культурой и верой. Коммунистический храм надлежало возводить не на русских суглинках и супесях, а в дымном индустриальном небе Европы, используя рациональное знание европейских наук и культур. /Проханов А./»¹¹.

В современных общественно-политических текстах метафорическое обоснование чувства причастности к своей стране, к своему народу встречается регулярно, что доказывает актуальность данного концепта для общественно-политического дискурса. Так, в речи Д.А. Медведева, посвященной отношениям России и Украины, метафора СТРОЕНИЯ/ДОМА также проявляет себя: «Россия стремится быть прогнозируемым, сильным, комфортным партнером для своих соседей»¹². Идея «дома», жилья «пососедству» смыкается с метафорой СЕМЬИ, что подчеркивает их личностную направленность, имеющую целью вызвать любовь к своей стране, к Родине, укрепить патриотические чувства. Неслучайно в этом же контексте говорится о братских отношениях между двумя народами: [с Украиной] «у нас не просто соседские, а, как принято считать, братские отношения», которые «не разрушить корыстными интересами политиков, изменчивой мировой конъюнктурой и ошибками отдельных руководителей...»¹³.

На воспитание чувства патриотизма работают другие ассоциации, связанные со строением: выдающихся деятелей страны называют «столпами общества», а для того чтобы подчеркнуть прочность каких-либо устоев, взглядов и воззрений, говорят о «краеугольном камне» и о «фундаменте»: «Крайне важно давать оценку, а иногда и просто отпор любым попыткам обеспечения национальных или групповых интересов в обход и в ущерб международному праву. Праву, которое было и остаётся самым прочным фундаментом в отношениях между государствами»¹⁴.

Стабильность миропорядка, прочность отношений между разными государствами регулярно описывается в терминах строительства: «Это имеет отношение и к российско-американской связке в области стратегической стабильности. Очевидно, что это общее наследие не сможет сохраниться, если одна из сторон будет выборочно разрушать отдельные элементы этой стратегической конструкции. Нас это не устраивает»¹⁵. Любое изменение, модернизация взаимодействий стран-партнеров представляются в терминах строительства: «Если эти принципы сохраняют своё универсальное значение, то надо честно ответить, почему они перестают также универсально применяться, посмотреть, насколько они адекватны новым условиям жизни или же думать о чём-то принципиально новом для строительства современной европейской архитектуры – той архитектуры, которая бы находилась в реалиях XXI столетия»; «Кстати, на то, что не всё ладно с европейской архитектурой, указывает и кризисная

ситуация вокруг [ратификации] Соглашения об адаптации ДОВСЕ и дальнейшая модернизация этого режима»¹⁶.

В своем выступлении Д.А. Медведев использует метафору, не свойственную русскому языку, но являющуюся устойчивой для английского языка: «Во всяком случае, видно желание воспользоваться таким, как принято говорить, “окном возможностей” для комплексного анализа ситуации»¹⁷. Данная метафора (window of opportunity – окно возможностей) является отражением представления о СТРОЕНИИ как о замкнутом внутреннем пространстве, отделенном от внешнего мира стенами, имеющими проемы – окна и двери, которые выступают путем, связующим внешнее и внутреннее пространство. И основанием для переноса является восприятие окна как проема в сплошной поверхности, возможности пройти сквозь преграду, выбраться из замкнутого пространства.

Те части строения, через которые осуществляется связь с внешним миром (окна и двери), переосмыслиются как то, что обеспечивает социальные контакты между людьми: образ открытой, распахнутой двери означает приглашение к налаживанию связей, взаимоотношений: «Что касается НДР – я еще раз хочу повторить: двери открыты. Мы их не закрываем ни для кого». (Речь идет о приеме в партию)¹⁸.

Для сохранения стабильности в обществе важно сохранять прочность существующих отношений, что представляется в образе строительной конструкции и реализуется и в следующем высказывании: «”Несущей опорой” Большой Европы без разделительных линий могло бы стать стратегическое партнёрство между Россией и Евросоюзом, которое включало бы интенсивное экономическое взаимопроникновение на основе согласованных “правил игры”. В том числе в топливно-энергетической сфере и высокотехнологичной сфере»¹⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что метафорические образы используются политиками для достижения первой фазы консенсуса, а именно для создания его ценностной составляющей. Образы, как устойчивые, так и вновь создаваемые, нужны для того, чтобы утвердить или преобразовать систему ценностей, на которой базируется возможность достижения согласия, консенсуса между властными структурами и гражданами государства. Проанализированный материал дает возможность предположить, что наиболее эффективными являются языковые метафоры, обладающие значительной степенью устойчивости и зафиксированные в словарях. Такие выражения воспринимаются слушателями-читателями практически неосознанно, помогая достижению взаимопонимания между оратором и аудиторией. Очевидно, что для лучшего понимания структуры политических коммуникаций необходима дальнейшая разработка этой проблемы, как с точки зрения политической составляющей, так и с лингвистической точки зрения.

Примечания

- 1 Кузнецов В.Ф. Интегрированные политические коммуникации в процессе формирования социального государства в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. С. 10.
- 2 См.: Хенкин С.М. Переходные периоды: слагаемые гражданского мира // Свободная мысль. 1994. № 12–18. С. 112–113.
- 3 Сергеева А.В. Русские стереотипы, традиции и ментальность. Межличностные коммуникации, социальная психология, корпоративная культура. М., 2004. С. 35.
- 4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 235.
- 5 Агентство политических новостей 2008-05-03. Итоги с Владимиром Путиным: внешняя политика. Ч. 3. Россия и США. URL: www.apn.ru.
- 6 Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995. С. 179.
- 7 Речь Дмитрия Медведева при вступлении в должность президента. URL: www.vesti.ru/doc.html.
- 8 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 47.
- 9 Там же. С. 50.
- 10 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. М., 1998. С. 55.
- 11 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч. М., 1991. С. 56.
- 12 Медведев отложил приезд на Украину нового посла РФ. URL: <http://lenta.ru/news/2009/08/11/noambassador/>
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч. М., 1991. С. 53.
- 16 На саммите ОБСЕ Медведев продвигает договор о коллективной безопасности и отмену виз. NEWSru.com // Новости в мире. 2010. 1 дек.
- 17 Там же.
- 18 Выступление С. Шойгу. 03.10.99. РТР. URL: <http://www.rtv.ru/>.
- 19 Выступление Президента России Д.А. Медведева на совещании послов и постоянных представителей России за рубежом, Москва, Министерство иностранных дел, 15 июля 2008 года. URL: www.prevedmedvedev.ru/2008-07.html.

УДК 327

АРКТИКА – НОВЫЙ РЕГИОН МИРА

Н.К. Харлампыева

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: nkhar@mail.sir.edu

Статья посвящена исследованию Арктики в качестве единицы международного политического анализа, где формируется новый регион. Особенности нового Арктического региона являются, во-первых, перспективы совершенствования межгосударственных отношений; во-вторых, возможность создания транснациональной среды взаимодействия государств, международных негосударственных объединений – международных организаций, частных компаний и северного сообщества.

Ключевые слова: Арктический регион, транснациональная среда взаимодействия, арктическая политика, международный режим Арктики.

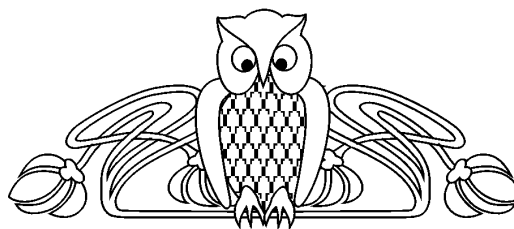
The Arctic – New Region of the World

Н.К. Kharlampieva

The article is devoted to research of the Arctic as the category of international political analyze, where shaping new region. Features of new Arctic region are: firstly, perspective of perfection of intergovernmental cooperation; secondly, possibilities of creating transnational sphere on interaction of states, international non-governmental organizations, private companies and northern community.

Key words: Arctic region, transnational sphere on interaction, Arctic politic, international regime of the Arctic.

Арктика, полярная часть земного шара, ранее выступавшая только в аналогии с Антарктикой, сегодня становится объектом горячих политических дискуссий. Прежде чем выяснить причины

такого пристального внимания, стоит остановиться на изучаемом объекте – Арктике, как единице международного политического анализа.

В отличие от Антарктики, на прибрежных территориях Северного Ледовитого океана (Arctic Ocean), за полярным кругом постоянно проживает более 4 млн населения суверенных государств – Дании (о. Гренландия), Канады, Норвегии, России и США, а также государств, имеющих северные поселения за полярным кругом – Исландии, Швеции и Финляндии. Эти восемь государств объединены в межправительственную организацию «Арктический Совет» и называются «арктическими государствами».

Региональное сотрудничество на Севере на многостороннем уровне берет свое начало с момента подписания Соглашения о белой медведе в 1973 г., к которому СССР подключился в 1976 году. Далее мурманская инициатива СССР 1987 г. положила начало становлению региональных международных организаций и их деятельности на современном этапе.

На стыке двух столетий определена повестка дня Арктики:

- 1) Арктика – регион экосистемного баланса Земли,
- 2) Арктика – регион биоэнергетического резерва человечества.

Примечания

- 1 Кузнецов В.Ф. Интегрированные политические коммуникации в процессе формирования социального государства в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. С. 10.
- 2 См.: Хенкин С.М. Переходные периоды: слагаемые гражданского мира // Свободная мысль. 1994. № 12–18. С. 112–113.
- 3 Сергеева А.В. Русские стереотипы, традиции и ментальность. Межличностные коммуникации, социальная психология, корпоративная культура. М., 2004. С. 35.
- 4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 235.
- 5 Агентство политических новостей 2008-05-03. Итоги с Владимиром Путиным: внешняя политика. Ч. 3. Россия и США. URL: www.apn.ru.
- 6 Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995. С. 179.
- 7 Речь Дмитрия Медведева при вступлении в должность президента. URL: www.vesti.ru/doc.html.
- 8 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 47.
- 9 Там же. С. 50.
- 10 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. М., 1998. С. 55.
- 11 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч. М., 1991. С. 56.
- 12 Медведев отложил приезд на Украину нового посла РФ. URL: <http://lenta.ru/news/2009/08/11/noambassador/>
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч. М., 1991. С. 53.
- 16 На саммите ОБСЕ Медведев продвигает договор о коллективной безопасности и отмену виз. NEWSru.com // Новости в мире. 2010. 1 дек.
- 17 Там же.
- 18 Выступление С. Шойгу. 03.10.99. РТР. URL: <http://www.rtv.ru/>.
- 19 Выступление Президента России Д.А. Медведева на совещании послов и постоянных представителей России за рубежом, Москва, Министерство иностранных дел, 15 июля 2008 года. URL: www.prevedmedvedev.ru/2008-07.html.

УДК 327

АРКТИКА – НОВЫЙ РЕГИОН МИРА

Н.К. Харлампыева

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: nkhar@mail.sir.edu

Статья посвящена исследованию Арктики в качестве единицы международного политического анализа, где формируется новый регион. Особенности нового Арктического региона являются, во-первых, перспективы совершенствования межгосударственных отношений; во-вторых, возможность создания транснациональной среды взаимодействия государств, международных негосударственных объединений – международных организаций, частных компаний и северного сообщества.

Ключевые слова: Арктический регион, транснациональная среда взаимодействия, арктическая политика, международный режим Арктики.

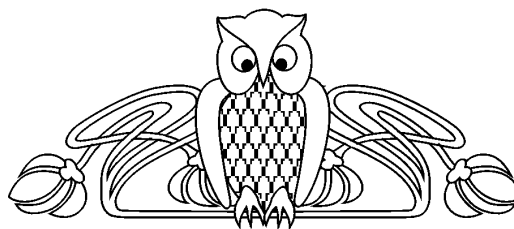
The Arctic – New Region of the World

Н.К. Kharlampieva

The article is devoted to research of the Arctic as the category of international political analyze, where shaping new region. Features of new Arctic region are: firstly, perspective of perfection of intergovernmental cooperation; secondly, possibilities of creating transnational sphere on interaction of states, international non-governmental organizations, private companies and northern community.

Key words: Arctic region, transnational sphere on interaction, Arctic politic, international regime of the Arctic.

Арктика, полярная часть земного шара, ранее выступавшая только в аналогии с Антарктикой, сегодня становится объектом горячих политических дискуссий. Прежде чем выяснить причины

такого пристального внимания, стоит остановиться на изучаемом объекте – Арктике, как единице международного политического анализа.

В отличие от Антарктики, на прибрежных территориях Северного Ледовитого океана (Arctic Ocean), за полярным кругом постоянно проживает более 4 млн населения суверенных государств – Дании (о. Гренландия), Канады, Норвегии, России и США, а также государств, имеющих северные поселения за полярным кругом – Исландии, Швеции и Финляндии. Эти восемь государств объединены в межправительственную организацию «Арктический Совет» и называются «арктическими государствами».

Региональное сотрудничество на Севере на многостороннем уровне берет свое начало с момента подписания Соглашения о белой медведе в 1973 г., к которому СССР подключился в 1976 году. Далее мурманская инициатива СССР 1987 г. положила начало становлению региональных международных организаций и их деятельности на современном этапе.

На стыке двух столетий определена повестка дня Арктики:

- 1) Арктика – регион экосистемного баланса Земли,
- 2) Арктика – регион биоэнергетического резерва человечества.

Эти два фактора возвели регион в ранг регионального международного сотрудничества и мировой политической дискуссии.

Многосторонние межгосударственные отношения

За последние годы сформирован институт региональной самоидентификации (северной/арктической) с помощью проведения официальной политической дискуссии и попытки создания механизмов проектной деятельности в рамках региональных международных организаций, так называемого «Совета четырех» – Арктического Совета (АС), Совета Баренц/Евроарктического региона (СБЕАР), Совета

министров Северных стран (СМСС), Совета государств Балтийского моря (СГБМ). Эти межгосударственные объединения являются официальными структурами на уровне министерств иностранных дел стран.

Принцип «формата четырех Советов» (inter-council formats)¹ был принят по итогам московской встречи председателей комитетов Высших должностных лиц региональных международных организаций в 2006 г., где стороны договорились упорядочить проектную деятельность в целях эффективного сотрудничества на межгосударственном уровне. Основные направления международного общения и наиболее приемлемая региональная дифференциация по тем или иным вопросам представлены в табл. 1.

Таблица 1

Принцип «формата четырех Советов»

Показатель	АС	СБЕАР	СМСС	СГБМ
Изменение климата	+	+	–	–
Энергетика	+	+	+	–
Коренные народы	+	+	+	–
Приграничное и таможенное сотрудничество	–	+	+	+
Демократия, гражданское общество			+	+
Предотвращение чрезвычайных ситуаций	+	+		+
Обмен опытом между секретариатами	–	–	+	+

Особое положение России с ее огромными северными территориями на суше и морскими пространствами в Северном Ледовитом океане является привлекательным для арктических соседей. В этой связи наибольшее внимание регионального международного сотрудничества уделялось Арктической зоне России. Необходимость упорядочивания проектной деятельности было нужно больше всего Российской Федерации. Так, Скандинавские страны оказались в зоне реализации проектов приграничного и таможенного сотрудничества, что связано, прежде всего, с активностью деловых, торговых и инвестиционных связей. Вопросы демократии и становления гражданского общества развиваются между Скандинавскими, Прибалтийскими и Северо-западными регионами Российской Федерации. Меры по предотвращению чрезвычайных ситуаций оказались в зоне внимания морских прибрежных регионов как Северного Ледовитого океана, так и Балтийского моря. Однако Совет государств Балтийского моря не претендует на решение вопросов изменения климата, энергетики и коренных народов. Арктического Совета не касаются такие направления, как приграничное и таможенное сотрудничество, демократия и гражданское общество, обмен опытом между секретариатами, зато остаются первостепенными изменение климата, коренные народы, энергетика и предотвращение чрезвычайных ситуаций. Дифференциация по принципу «формата четырех

Советов» (inter-council formats) стала показателем усилий государств выйти на новый уровень взаимоотношений. Примечательно, что деятельность региональных международных организаций на первом этапе международного взаимодействия оправдала свою состоятельность по 8 направлениям: защите окружающей среды и обеспечения безопасности, устойчивому развитию, здравоохранению и социальным вопросам, культурному измерению, молодежным взаимосвязям, развитию информационных и коммуникационных технологий, сотрудничества парламентариев, научно-исследовательским и образовательным проектам.

Таким образом, можно констатировать, что признание официальных государственных структур возможности социальной практики международного общения на различных уровнях при его непосредственном участии показывает с теоретической точки зрения неореалистичный государственно-центричный подход начального этапа формирования арктической политики (курсив мой. – Н.Х.). Возможно, в будущем более четко сформулированные вопросы арктической политики станут вкладом в развитие человечества и неотъемлемой частью мировой политики.

Транснациональная среда Арктики

Транснациональный принцип взаимодействия стал усиливаться после направления Россией представления в Комиссию по границам

континентального шельфа на предмет уточнения континентального шельфа за пределами 200 миль от территориального моря России в Северном Ледовитом и Тихом океанах в 2001 году. Очередная российская инициатива побудила прагматичное развитие событий на Севере и в Арктике. Данная инициатива имела продолжение в принятии Илулиссатской декларации в 2008 г. министрами иностранных дел пяти стран, омывающихся Северным Ледовитым океаном – Канады, Дании, Норвегии, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, так называемой Арктической пятеркой, которые договорились рассматривать вопросы Северного Ледовитого океана *в рамках обширной международно-правовой базы*². Конфе-

ренция показала намерения сторон сотрудничать в рамках Международной морской организации (ММО/ИМО) для усиления существующих мер и принятия новых законов с целью повышения безопасности морской навигации и предотвращения риска загрязнения Северного Ледовитого океана.

Подтверждением намерений стали арктические стратегии, выдвигающие концепции укрепления суверенитета и механизмы международного взаимодействия.

В табл. 2 показаны основные направления взаимодействия: военно-политические, экономические, социально-гуманитарные, а также существующие международные механизмы.

Таблица 2

Основные направления арктической стратегии

Стратегия	Россия	США	Канада	Норвегия
Военно-политическая	Защита и охрана государственной границы, обеспечение благоприятного оперативного режима	NATO NORAD Navy Arctic Roadmap Защита морских торговых путей Свобода морского перемещения	NATO NORAD Organization for Security and Cooperation in Europe Соглашение по чрезвычайным ситуациям	NATO
Экономическая	Государственно-частное партнерство	Управление шельфовыми ресурсами (АС), Международный форум по регулированию Международная организация по стандартизации Управление трансграничными запасами рыбы и запасами далеко мигрирующих рыб	–	Управление рыбными запасами, контроль за загрязнением морей
Социально-гуманитарная	–	МНИ: Северный совет и Европейский Полярный консорциум, отдельно взятые страны, партнерство GEO (Группа наблюдений за Землей). Межведомственная комиссия по исследовательской политике в Арктическом регионе (IARPC)	АС + 6 постоянных участников коренных народов Университет Арктики Международные научные ассоциации	Университет Арктики, Баренцево сотрудничество
Механизмы	Взаимовыгодное двустороннее и многостороннее сотрудничество с приарктическими государствами	Международная морская организация Соглашение об охране природы и природопользования АС	ММО, Конвенция ООН по изменению климата, Международный Арктический центр Канады в Норвегии	ММО, Конвенция ООН по изменению климата, Баренцево сотрудничество

Динамика принятия документов арктическими странами и их содержание свидетельствуют о серьезном намерении этих стран обратить особое внимание до сих пор мало востребованному региону. Вот лишь некоторый перечень документов: Арктическое окно Дании/Гренландии (1999 г.), проект Арктической стратегии Дании/Гренландии (2006 г.), Северное измерение внешней политики Канады (2000 г.), Заявление Канады по арктической внешней политике (2010 г.), Стратегия Норвегии в северных регионах (2006 г.), Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую

перспективу (2008 г.), Президентская директива «Арктическая региональная политика США» (2009 г.), Арктическая дорожная карта США (2009 г.), Арктическая политика Исландии (доклад, 2009 г.), Стратегия Финляндии в Арктическом регионе (2010 г.).

Принятие арктических стратегий является своего рода показателем улучшения качества предпринимаемых намерений, формирования внутренней арктической политики в период внешнего давления. Имея небольшой опыт регионального сотрудничества, официальные власти пересматривают вопросы управления ресурсами,

сохранения и укрепления суверенитета. Они в большей степени связаны ревизией состояния военно-морской инфраструктуры арктического побережья, северных территорий, северной или арктической экономикой, соотношением внутренней и внешней политики с учетом международной, региональной нормативно-правовой, декларативно-рекомендательной базы, итогов переговорной процедуры многостороннего сотрудничества, политической дискуссии на разных уровнях.

Внутреннее сосредоточение стран проходит при наличии и обсуждении документов международных объединений – Коммюнике Еврокомиссии «Европейский Союз и Арктический регион» в 2008 г., а также Доклада Арктической программы Всемирного фонда дикой природы «Новое море. Необходимость в региональном соглашении по управлению и сохранению морской окружающей среды Арктики» 2008 г., которые обращают на себя внимание желанием создать *международный режим Арктики* (курсив мой. – Н.Х.) и разделить ответственность за спокойное будущее Арктики в духе универсального эволюционизма и принципа «всеобщего наследия человечества». Дискуссия носит острый характер, когда речь идет о членстве в Арктическом Совете Европейского Союза, Китая, Японии, Бразилии и Индии, а также побуждает арктические страны к подготовке вызовам будущего преобразования Арктики.

Вопросы справедливого управления, перераспределения энергетического сырья, предоставления высокотехнологичного оборудования вызывают живой интерес частных международных компаний. А гарантией безопасного освоения арктических ресурсов озабочены военные ведомства стран, а также блок НАТО.

Таким образом, транснациональное взаимодействие предполагает двусторонние и многосторонние эффективные взаимодействия в первую

очередь на уровне государственных береговых охран, ведомств по чрезвычайным ситуациям, прибрежного взаимодействия, портовых инфраструктур, дальнейшие взаимодействия государств с международными организациями и транснациональными корпорациями.

На этом фоне прогноз Н. Петерсена «Потенциальные возможности Арктического режима к 2030 г.»³ кажется более реалистичным. На базе прогноза Н. Петерсена составлена табл. 3, которая является показателем конкретного участия транснациональных акторов, в том числе международных организаций и частных компаний по арктическим вопросам. Роль и место не только арктической пятерки (А5) и региональных международных организаций, но и всех прибрежных стран и стран флага будут стимулом или препятствием для достижения консенсуса между арктическими странами для принятия коллективного решения при *формировании арктической политики* (курсив мой. – Н.Х.). Кроме того, эффективное действие таких организаций, как Международная морская организация (ММО/ИМО) и Всемирная метеорологическая организация (ВМО/ВМО), Северо-Восточная атлантическая комиссия по рыболовству (СВАКР/NEAFC) станет показателем *благоразумного управления Арктикой* (курсив мой. – Н.Х.). Арктическому совету и Европейскому Союзу (ЕС) отведена роль регулирующего механизма по конкретным направлениям, в частности, разработки и выполнения ограничения загрязнения окружающей среды в рамках Конвенции ООН по морскому праву (КООНМП/UNKLOS) и участия в регулировании рыбными запасами соответственно. Частные и страховые компании, участвующие в транспортировке, выдаче сертификатов, строительстве судов ледокольного класса, разработке правовых систем и др., составляют отдельный блок реальной политики.

Таблица 3

Транснациональная среда арктической политики

Направление	А5	Страна флага	ММО	ВМО	АС	ЕС	Частные компании	Страховые компании	NEAFC (North East Atlantic Fishery Commission)	Прибрежные страны
Судоходство										
Транспортировка	+	+	+	-	-	-	-	+	-	+
Система подсчета судов	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Выдача сертификатов судам	-	-	+	-	-	-	+	+	-	+
Исследование и предотвращение чрезвычайных ситуаций	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Готовность к чрезвычайным ситуациям	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Метеоуслуги и ледовая обстановка	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+

Окончание табл. 3

Направление	A5	Страна флага	ММО	ВМО	АС	ЕС	Частные компании	Страховые компании	NEAFC (North East Atlantic Fishery Commission)	Прибрежные страны
Ледокольные возможности	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+
Рыболовство										
Рыбные запасы (ТАСs) и другие	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Консервация	государства	–	–	–	–	+	–	–	+	+
Нефть и газ										
Существующие правовые системы	государства	–	–	–	–	–	–	+	–	–
Ограничение загрязнения ЮНКЛОС	+	–	–	–	+	–	–	–	–	+

Вывод

В качестве вывода можно констатировать, что в политической карте мира появился Арктический регион – новый регион суверенных прибрежных стран Северного Ледовитого океана с большим потенциалом и возможностями для дальнейшего поддержания баланса на Земле и открытия резервов человечества.

Новый регион формирует свою политику – арктическую. На пути к ней Арктические страны за короткий срок создали региональные институты взаимодействия, где ведут дискуссии официальные представители северного сообщества на уровне правительств, научных, деловых кругов и коренных народов. В настоящее время в ходе дискуссии становится понятным усиление государственных мер сохранения суверенитета Арктических стран, предполагающее сосредоточение на внутренней арктической политике. Происходит пересмотр соотношения национального и международного законодательств, также наряду с межгосударственными взаимодействиями фор-

мируется транснациональная среда Арктического региона, связанная биоэнергетическим потенциалом региона. К транснациональному процессу активно подключились международные организации и объединения, не-арктические государства и транснациональные корпорации.

Примечания

- ¹ Шестая ежегодная встреча председателей комитетов Высших должностных лиц региональных международных организаций Севера, Москва, 18 августа 2006 г. // Арктическая идея/Arctic Idea. 2006. Сентябрь.
- ² Илуиссатская Декларация. Конференция по Северному Ледовитому океану, Илуиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 г. // Арктическая идея/Arctic Idea. 2008. Август. С. 12–13.
- ³ Petersen N. The Arctic as a New Arena for Danish Foreign Policy: The Ilulissat Initiative and its Implications // Danish Foreign Policy Yearbook 2009. Danish Institute for International Studies. P.35–46. URL: www.diisk.dk/sw82334.asp.

Слово молодым политологам

УДК 329 (470)

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ПАРТИИ ВЛАСТИ» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КЛАНОВОЙ ПОЛИТИКИ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х годов (на примере Ульяновской области)

А.Е. Домашенко

Ульяновский государственный университет
E-mail: dom-andrey@yandex.ru

В статье исследуется феномен «партии власти» как элемент современной российской политики на локальном уровне. Отмечено, что взаимоотношения региональных лидеров и различных версий «партий власти» представляли собой варианты взаимной адаптации в условиях политической неопределённости переходного периода.

Ключевые слова: партия власти, политическая трансформация, политические кланы, региональный режим.

Transformation of the «Party of Power» in Context of Russian Regional Clan System on the Threshold of 21st Century (the Ulyanovsk Case)

A.E. Domashenko

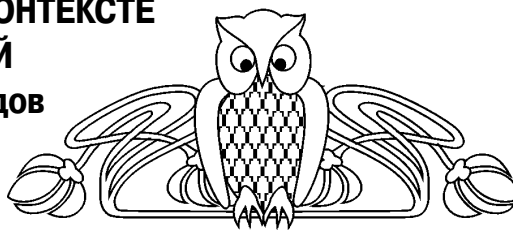
This paper is studying the “party of power” phenomenon as an important element of modern Russian political transformation on a local level. There is little doubt that the sustainability of the non-competitive regime built during the 2000s will continue to wane, while demand for an alternative political system will grow. The problem of “party of power”, indeed, looks even more relevant in Russia today than it did in the 1990s, when it was first articulated.

Key words: party of power, political transformation, political clans, regional regime.

Предварительные концептуальные пояснения

Под понятием «партия власти» мы имеем в виду партию, движение или блок, создаваемый правящей группой для реализации определенных политических целей.

Проблема «партии власти» в российской политической науке занимает одно из центральных мест. Пик популярности этой темы среди российских политологов приходится на 2001–2006 гг., когда многие эксперты исследовали сущность этого политического явления в разных аспектах: изучали природу партии власти, ее состав, взаимоотношения с различными политическими субъектами, особенности функционирования и различные политические практики. Среди основных работ, которые задавали ориентир для исследований этого феномена, можно выделить: «Российские партии на выборах: картель «хватать всех» О. Гаман-Голутвиной, «Перспективы

доминирующей партии в России» В. Гельмана, «“Партия власти” в русской публичной политике» И. Глебовой, «Партия власти: от идеи к воплощению» Ю. Пивоварова, «Квазипартийные образования в поле российской политики» А. Соловьева.

Все авторы признают то, что «партия власти» создается правящей элитой для сохранения своей власти. «Партия власти» призвана выражать позиции власти в парламенте, упрощая процесс принятия и реализации политических решений, объединять электорат вокруг находящейся у власти группировки, консолидировать элиты, служить кадровым резервом для правящих элит. Однако подход к изучению феномена и акценты в исследованиях, разумеется, были разными. Например, И. Глебова, используя подход Ю. Пивоварова, выдвинула объяснительную модель, согласно которой «партия власти» – инструмент управления властью обществом в условиях демократизации и сохранения доминирующего положения правящих элит¹. О. Гаман-Голутвина подчеркивает важность того, что партия власти является инструментом управления и контроля за политической обстановкой в регионах со стороны федеральной власти².

Однако существует ряд моментов, в которых исследователи расходятся, и их стоит выделить отдельно. Во-первых, спор ведется относительно того, что «партия власти» – это сугубо российское явление в связи со спецификой российских политических институтов и формированием партийной системы «сверху». Также неоднозначно, какую партию считать первой «партией власти» в России: «Выбор России», либо «НДР», либо какие-то более ранние варианты. К тому же актуальным является противоречивость доводов относительно разрешения конфликтов внутри «партии власти»: она служит органом, сглаживающим конфликты и ослабляющим их (Ю. Пивоваров), или же напротив, консервирует противоречия, что способствует лишь их усилению (М. Острогорский). Кроме того, если С. Васильцов, С. Обухов склонялись к тому, что «партия власти» – «приводной ремень» Администрации президента³, то А. Соловьев обозначает партию власти как «административный сегмент власти, адаптированный для присутствия в структурах гражданского представительства»⁴.

Процесс трансформации отечественной посткоммунистической «партии власти» продолжается уже около 17 лет. И сейчас большой интерес представляют причины поражений одних и побед других проектов «партий власти». Период утверждения идеи и института «партии власти» в политическом пространстве России приходится на 1993–1999 годы. За это время две версии «партии власти» сошли с политической сцены («Выбор России» и «НДР»), а одна («Единство») приобрела существенный политический вес, что позволило ей стать фундаментом для строительства доминирующей ныне партии – «Единой России». Однако в регионах этот процесс происходил во многом иначе, чем на федеральном уровне. Ульяновская область в этом смысле представляет собой один из ярчайших примеров.

В данной статье автор ставит своей целью рассмотрение факторов эволюции «партии власти» в Ульяновской области в контексте становления местного политического режима.

Трансформация «партий власти» в рамках ульяновского локального политического режима

Региональные практики создания «партий власти» отличались от федеральных и зависели от установившегося в регионе политического режима. Ульяновская область как регион, традиционно относящийся к «красному поясу», длительное время обособленный от федеральных властей, представляет особый интерес.

Начавшаяся в ранние 1990-е гг. регионализация Российского государства привела к образованию в Ульяновской области специфической формы локального авторитаризма бывшего губернатора Ю. Горячева. Задолго до появления в кремлёвских верхах идеи «партии власти» Горячев на местном уровне создал законченный тип локальной «партии администрации». Последняя стала порождением специфического ульяновского номенклатурного клана. Это объединение сложилось после августа 1991 г. как хорошо организованная группировка, контролировавшая властные структуры и бизнес в Ульяновском регионе вплоть до своего падения в конце 2000 г. Сплочённость горячевской правящей группировки обеспечивалась посредством проникновения различных узлов власти и взаимопереплетения карьер.

В начале 1990-х гг. Ю. Горячев был настоящим народным лидером, образцовым «локальным героем». Во имя защиты интересов жителей региона он сумел бросить вызов политике «шоковой терапии» Ельцина–Гайдара. В общероссийском масштабе эта политика получила громкое название «ульяновского феномена», сами же местные руководители называли такой курс «мягким входением в рынок». Символы политики, проводимой в 1992–1995 гг. – талонная система, административное регулирование, устойчивая

социальная ориентация – действительно выдавали Горячева как народного лидера, приверженного непартийному эгалитаризму.

Такой была политическая среда, в рамках которой начинались и проваливались попытки создания различных «партий власти». Что касается партийной системы, то кроме местной организации КПРФ, все партии в Ульяновской области характеризовались малочисленностью, организационной и финансовой слабостью, а также отсутствием ярких лидеров⁵.

За время нахождения Горячева на губернаторском посту в области появились три федеральные «партии власти», две из которых были поддержаны региональной администрацией. Если с определенной оговоркой на федеральном уровне «Выбор России» можно было назвать «партией власти», то в Ульяновской области эта партия изначально не вписалась в региональную систему власти. Главным образом потому, что «Выбор России», в котором идеологическая составляющая была более выражена, чем в последующих вариантах «партий власти», был всецело ориентирован именно на поддержку проводимого Е.Т. Гайдаром курса на либерализацию цен и политику «шоковой терапии». Само собой разумеется, что в Ульяновской области «Выбору России» пришлось встать в оппозицию к региональным властям. В блок «Выбор России» в Ульяновской области входили преимущественно предприниматели, фермеры, президенты банков и часть вузовской и творческой интеллигенции. На выборах 1995 г. блок «Выбор России» набрал 1,2%, что означало уход данной партии с отечественной политической сцены.

Быстрое исчезновение «Выбора России» на федеральном уровне предопределило недолговечность этой партии в Ульяновской области. Так называемые демократические реформы были всячески дискредитированы ухудшением уровня жизни населения, и большинство жителей Ульяновской области испытывало потребность в социальном патронаже. Ю. Горячев с блеском исполнял роль «героя» и «защитника», и в первой половине 1990-х гг. не стремился идти на компромисс с какими-либо политическими силами.

Второй «партией власти», являвшейся более бюрократической и приближенной к высшим эшелонам российской власти, была «Наш дом – Россия» (НДР). К тому времени – с середины 1990-х гг. – наметился крах проводимой в Ульяновской области политики «мягкого вхождения в рынок», а вместе с ним и падение авторитета Ю. Горячева. В целях закрепления своего положения Ю. Горячев начал стабилизировать отношения с Кремлем. Если ранее Горячев публично не демонстрировал своих политических симпатий, то теперь близость ульяновского губернатора к «партии власти» была подтверждением политической лояльности Кремлю, согласием ульяновского губернатора примкнуть к общероссийской властной конструкции. Это проявилось во всту-

плении Ю. Горячева в политсовет всероссийского движения «Наш дом – Россия», возглавляемого премьер-министром страны В.С. Черномырдиным. Главный мотив участия Горячева в работе «НДР» заключался в стремлении заручиться поддержкой сильной федеральной политической фигуры сначала в лице Черномырдина, затем, как в случае с движением «Единство», Примакова и, наконец, Путина. Подобное поведение, впрочем, стало хрестоматийно образцовым для большинства российских региональных лидеров того времени.

К формированию движения «НДР» в Ульяновской области были привлечены областная администрация, банкиры, директора крупных предприятий и другие влиятельные люди области. По свидетельству очевидцев, впечатление о «НДР» как партии начальства прикрепило еще с учредительного собрания – большинство членов на нем были бывшими членами КПСС. Напоминали о КПСС как практика проведения мероприятий в «НДР» с его дружным и единогласным голосованием, так и система коллективного членства, действующая в движении⁶. Членство Горячева в движении «НДР» было сугубо формальным: он почти не принимал участие в деятельности движения в Ульяновской области и практически не участвовал в мероприятиях федерального масштаба, инициированных центральным органом партии⁷.

На выборах 1995 г. «НДР» набрала меньше половины от среднероссийского результата – 4,7%. На конференциях региональной организации очень часто упоминалась одна из ключевых проблем движения – большинство населения России и Ульяновской области не считает «НДР» «своим». 19 марта 2000 г. ульяновская региональная общественно-политическая организация всероссийского политического движения «Наш дом – Россия» прекратила свою деятельность.

Третьей «партией власти» в Ульяновской области стало региональное отделение движения «Единство», ориентированного на фигуру нового Президента РФ В.В. Путина. Следует отметить, что к появлению «Единства» на российском политическом небосклоне ульяновская правящая элита оказалась совершенно не готова. Привыкнув к торгу и взаимному попустительству в отношениях с федеральным центром, региональная элита была сбита с толку неожиданным приходом к власти Путина и мощной рекламной кампанией «Единства». Поначалу Ю. Горячев отказался от связей с этим движением, а СМИ областной администрации начали выступать с антипутинскими заявлениями. Однако затем областная администрация осознала свою ошибку и начала активно сотрудничать с новой «партией власти». Формирование «Единства» в Ульяновской области было осуществлено по той же схеме, что и предыдущая версия «партии власти» – движение было создано в короткие сроки, во главе которого был назначен заместитель губернатора А. Павлов.

«Единство» появилось в Ульяновской области в поворотный период не только для Ульяновской области, но и для всей России. Избиратели Ульяновской области ощущали необходимость перемен, и «Единство», представляющее новую политическую силу и опирающееся на популярного лидера, представало в выгодном положении. В итоге полученный «Единством» результат на выборах 1999 г. в Ульяновской области (23,4%) мало отличался от общероссийского показателя (23,9%).

Однако, несмотря на авторитет среди ульяновских избирателей, местная организация «Единства» оказалась в весьма сложном положении перед губернаторскими выборами декабря 2000 г. Это было связано с тем, что она раскололась на торе относительно поддержки кандидата генерала В. Шаманова на предстоящих выборах губернатора Ульяновской области. Руководители районных администраций и активисты местных отделений «Единства» начали агитировать за Ю. Горячева, городские представители «Единства» стали выступать за кандидатуру В. Шаманова, а обком партии занял нейтральную позицию. Многие из представителей регионального «Единства» входили в горячевский политический клан, однако решающей оказалась воля федеральной власти. «Единство» поддержало на пост главы области генерала В. Шаманова. Во-первых, Горячев, несмотря на демонстрацию лояльности, был «чужой» фигурой для постельцинского Кремля; во-вторых, Ю. Горячев существенно потерял в своем рейтинге, и население области остро ощущало необходимость перемен; в-третьих, при старом губернаторе было бы существенно сложнее оттеснить от власти и собственности местные элиты.

В начале 2000-х гг., на фоне краха горячевской политики популистского регионализма в виде «мягкого вхождения в рынок», Ульяновская область подошла к очередным губернаторским выборам. В декабре 2000 г. новый претендент на пост главы региона генерал В. Шаманов при поддержке Кремля одержал победу над Ю. Горячевым. Окончание эпохи Горячева породило надежды на рост общественной энергии и гражданской активности в регионе. Однако, как показали дальнейшие события, новый губернатор стал придерживаться кланового стиля руководства взамен политической соревновательности.

Таким образом, взаимоотношения региональных лидеров и различных версий «партий власти» представляли собой варианты взаимной адаптации в условиях политической неопределенности переходного периода.

Победа третьего проекта «партии власти» в лице «Единства» стала следствием не столько смены схем в построении этой политической организации (хотя и это имело место), а отражением изменения политического режима всей страны в постельцинский период.

Примечания

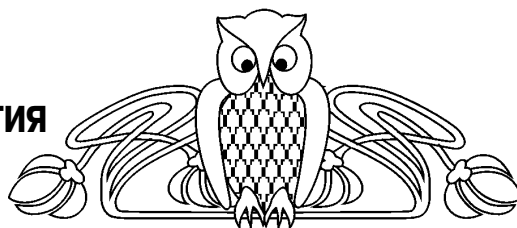
- 1 См.: Глебова И.И. «Партия власти» в русской публичной политике // Политическая наука. 2005. № 1.
- 2 См.: Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // Россия сегодня. 2004. № 1.
- 3 Васильцов С., Обухов С. «Единая Россия»: попытки превратиться из «партии для власти» в «партию власти». Интернет-ресурс «Центр исследования политической культуры России»: URL: <http://www.alpha.perm.ru/iaproject/txt.php?n=13777>. 12.10.10.
- 4 См.: Соловьев А.И. Квазипартийные образования в поле российской политики // Власть. 2003. № 12.
- 5 См.: Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (На примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы. М., 2004; Магомедов А.К. Три возраста новейшей ульяновской политической истории: политический патронат взамен партийной традиции // Российский парламентаризм: история и современность: сб. ст. Ульяновск, 2005. С. 259–270.
- 6 См.: Мамонтов О.Г. «Нашдомовцы» поделили область // Симбирские губернские ведомости. 1998. 18 марта.
- 7 См.: Бикметов Р.М. Избирательный процесс, власть и оппозиция в Ульяновской области // Полис. 1999. № 3.

УДК 323.396

ГОРОДСКИЕ ЭЛИТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ

Д.П. Соснин

Ульяновский государственный университет
E-mail: uldps@mail.ru

В статье анализируются основные политологические подходы к определению понятия «элита» и предлагается прикладная модель для идентификации и исследования городских элит постсоветской России.

Ключевые слова: городские элиты, принятие решений, муниципальная власть.

City Elites: Theoretical and Applied Concept Interpretations

D.P. Sosnin

In this article on the basis of the analysis of the main political science approaches to definition of concept «elite» is offered applied model for identification and research of city elites of Post-Soviet Russia.

Key words: city elites, decision-making, local government.

В современных условиях Российская Федерация сталкивается с глобальными вызовами, связанными с последствиями мирового экономического кризиса, усилением международной конкуренции, обострением борьбы за ресурсы. Актуальной для страны является задача преодоления экспортно-сырьевой ориентации экономики, а также организация производства конкурентоспособных на мировом рынке отечественных товаров на базе передовых технологий. Необходимость модернизации осознана федеральными органами власти и зафиксирована в целом ряде документов, в том числе в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года¹. Существенная роль в реализации модернизационной стратегии в указанной Концепции отводится «зонам опережающего экономического роста», к которым в первую очередь относятся:

- крупнейшие агломерации с наиболее динамичным экономическим ростом, обеспечивающим приток населения и инвестиций (в среднесрочной перспективе сохранится тенденция к опережающему развитию столичных агломераций и концентрации в них основных финансовых и инновационных ресурсов);

- крупные города – центры регионов, рост которых обеспечивается концентрацией сервисных функций и промышленных производств (с растущей долей обрабатывающих отраслей, ориентированных преимущественно на внутренние рынки).

Однако решение поставленных федеральным центром амбициозных задач требует наличия на местах своего рода «агентов модернизации». Поэтому принципиальным является вопрос: могут ли существующие городские элиты быть на локальном уровне «проводниками» процессов социально-экономического развития?

Использование в данном контексте понятия «городские элиты» требует определенных пояснений.

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* – выбирать; в современной литературе он получил широкое хождение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный. В категориальный аппарат социальных наук понятие «элита» было введено итальянским экономистом и социологом Вильфредо Парето на рубеже XIX–XX веков. Элиту он определял как «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности»².

В настоящее время в социальных науках существуют два основных методологических под-

Примечания

- 1 См.: Глебова И.И. «Партия власти» в русской публичной политике // Политическая наука. 2005. № 1.
- 2 См.: Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // Россия сегодня. 2004. № 1.
- 3 Васильцов С., Обухов С. «Единая Россия»: попытки превратиться из «партии для власти» в «партию власти». Интернет-ресурс «Центр исследования политической культуры России»: URL: <http://www.alpha.perm.ru/iaproject/txt.php?n=13777>. 12.10.10.
- 4 См.: Соловьев А.И. Квазипартийные образования в поле российской политики // Власть. 2003. № 12.

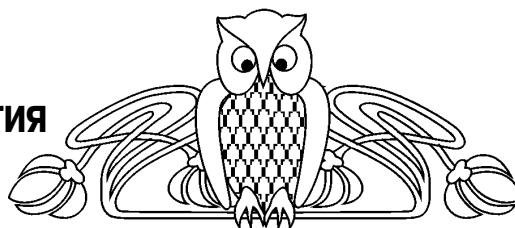
- 5 См.: Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (На примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы. М., 2004; Магомедов А.К. Три возраста новейшей ульяновской политической истории: политический патронат взамен партийной традиции // Российский парламентаризм: история и современность: сб. ст. Ульяновск, 2005. С. 259–270.
- 6 См.: Мамонтов О.Г. «Нашдомовцы» поделили область // Симбирские губернские ведомости. 1998. 18 марта.
- 7 См.: Бикметов Р.М. Избирательный процесс, власть и оппозиция в Ульяновской области // Полис. 1999. № 3.

УДК 323.396

ГОРОДСКИЕ ЭЛИТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ

Д.П. Соснин

Ульяновский государственный университет
E-mail: uldps@mail.ru

В статье анализируются основные политологические подходы к определению понятия «элита» и предлагается прикладная модель для идентификации и исследования городских элит постсоветской России.

Ключевые слова: городские элиты, принятие решений, муниципальная власть.

City Elites: Theoretical and Applied Concept Interpretations

D.P. Sosnin

In this article on the basis of the analysis of the main political science approaches to definition of concept «elite» is offered applied model for identification and research of city elites of Post-Soviet Russia.

Key words: city elites, decision-making, local government.

В современных условиях Российская Федерация сталкивается с глобальными вызовами, связанными с последствиями мирового экономического кризиса, усилением международной конкуренции, обострением борьбы за ресурсы. Актуальной для страны является задача преодоления экспортно-сырьевой ориентации экономики, а также организация производства конкурентоспособных на мировом рынке отечественных товаров на базе передовых технологий. Необходимость модернизации осознана федеральными органами власти и зафиксирована в целом ряде документов, в том числе в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года¹. Существенная роль в реализации модернизационной стратегии в указанной Концепции отводится «зонам опережающего экономического роста», к которым в первую очередь относятся:

- крупнейшие агломерации с наиболее динамичным экономическим ростом, обеспечивающим приток населения и инвестиций (в среднесрочной перспективе сохранится тенденция к опережающему развитию столичных агломераций и концентрации в них основных финансовых и инновационных ресурсов);

- крупные города – центры регионов, рост которых обеспечивается концентрацией сервисных функций и промышленных производств (с растущей долей обрабатывающих отраслей, ориентированных преимущественно на внутренние рынки).

Однако решение поставленных федеральным центром амбициозных задач требует наличия на местах своего рода «агентов модернизации». Поэтому принципиальным является вопрос: могут ли существующие городские элиты быть на локальном уровне «проводниками» процессов социально-экономического развития?

Использование в данном контексте понятия «городские элиты» требует определенных пояснений.

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* – выбирать; в современной литературе он получил широкое хождение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный. В категориальный аппарат социальных наук понятие «элита» было введено итальянским экономистом и социологом Вильфредо Парето на рубеже XIX–XX веков. Элиту он определял как «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности»².

В настоящее время в социальных науках существуют два основных методологических под-

хода к определению понятия элиты: ценностный и структурно-функциональный.

Ценностный подход базируется на исходном смысле понятия «элита» (то есть «лучшее»). Подразумевается, что входящие в элиту индивидуумы обладают более высоким интеллектом, талантом, способностями, компетентностью, а также более высокой моралью и нравственностью по сравнению со средними показателями конкретного социума. Данный подход часто также называется меритократическим.

Структурно-функциональный подход связывает существование элиты с реализацией ею функций управления в социальных системах (причем выполнение данных функций с необходимостью осуществляется меньшинством).

В рамках структурно-функционального подхода можно выделить позиционную и десизионную методологические парадигмы.

С точки зрения позиционной парадигмы элита рассматривается как группа лиц, которые занимают руководящие позиции в важнейших социальных и политических институтах – правительственных, экономических, военных, культурных, безотносительно к моральным и иным качествам самих этих лиц. Примером трактовки элиты в духе позиционной парадигмы является следующее определение О.В. Крыштановской: «элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса»³. Позиционный анализ исходит из предположения, что официальные государственные институты, а также важнейшие негосударственные институты с их формальной иерархией дают адекватную картину иерархии реальных властных отношений.

Многие исследователи придерживаются десизионной парадигмы (от англ. decision – решение). Так, О.В. Гаман-Голутвина определяет элиту как «внутренне сплоченную социальную общность, являющуюся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом»⁴. С одной стороны, данная исследовательская парадигма тесно связана с позиционной: как правило, лица, занимающие высшие посты в социальных институтах как раз и принимают ключевые решения и имеют наибольшие ресурсные возможности для их реализации. С другой стороны, она позволяет избежать опасности отождествления формальной и неформальной социальной структуры, учесть наличие лиц, не занимающих высоких постов в формальной иерархии, но оказывающих существенное косвенное влияние на принятие стратегических решений.

Ряд исследователей дополняют десизионную парадигму требованием учета качества принятия элитой управленческих решений. В частности, А.К. Магомедовым отмечается, что ключевым при изучении элит является вопрос: «несут ли те, кто “наверху”, ответственность, задают ли они масштабы развития своих сообществ, подают

образцы и управляют развитием, или они только находятся “наверху”?»⁵. В.И. Буренко предлагает «инструментальный подход» к определению элит, который предполагает выявление в правящих слоях «наиболее достойных» на основе классического критерия «элитарности» – «достижение наивысших результатов в своей сфере деятельности», а именно: в сфере политики, продуктом которой является «общее благо»⁶.

Рассмотрим возможности, которые открывает использование указанных парадигм исследования городских элит.

Во многих случаях для выделения «элиты» в рамках муниципальной власти наиболее адекватен позиционный метод. Формальная структура органов местного самоуправления (иерархия должностей, распределение полномочий и ресурсов) является своеобразной несущей конструкцией для формирования и функционирования городских элит. Можно сказать, что ключевые городские элитные группы кристаллизуются вокруг значимых, ресурсных позиций муниципальной власти, ведя борьбу за обладание указанными позициями. При этом следует учитывать, что структура органов местного самоуправления не является статичной, раз и навсегда определенной⁷. В рамках, допустимых действующим законодательством, городскими элитами (зачастую под давлением региональной элиты) осуществляется перестройка «здания» муниципальной власти в соответствии со сложившимся балансом сил основных игроков. Например, принципиальным моментом, с точки зрения «архитектуры» муниципальной власти является порядок избрания и полномочия главы муниципального образования.

В современных условиях в качестве «элитных» могут быть определены следующие позиции в органах местного самоуправления:

- глава муниципального образования;
- глава администрации муниципального образования;
- депутаты представительного органа;
- заместители главы местной администрации;
- руководители ключевых структурных подразделений местной администрации.

Соответственно «держателей» указанных позиций правомерно рассматривать в качестве членов городской муниципальной элиты. Кроме того, к муниципальному сегменту городской элиты целесообразно относить и руководителей крупных муниципальных предприятий и учреждений.

Однако при современном диверсифицированном социальном устройстве простое отождествление городской элиты с высшей стратой органов местного самоуправления было бы сильным упрощением реальных процессов управления. В этом смысле, несмотря на все методологические сложности, эвристическую ценность при изучении российских городов имеет именно понимание

городских элит как составных социальных образований, включающих как руководство муниципалитетов, так и представителей ряда других социальных групп, в первую очередь бизнеса и гражданского общества.

При рассмотрении бизнес-сообщества в качестве городской элиты возникает важный методологический вопрос: собственно, какую часть бизнес-сообщества следует относить именно к городской элите, какую – к региональной или ведомственной (особенно в столицах субъектов РФ), а какую – к «внеэлитным» слоям общества?

Для выделения элитных групп городского уровня в структуре бизнес-сообщества целесообразно использовать метод анализа участия в принятии важнейших стратегических решений. В качестве критериев можно предложить: наличие у конкретных представителей бизнеса интересов и возможностей участвовать в городском управлении; «объективация» интереса в определенных действиях, например, посредством продвижения «своих» людей в муниципальные властные структуры либо лоббирования конкретных решений органов местного самоуправления.

Кроме того, само понятие элиты предполагает наличие в той или иной степени консолидированных коллективных субъектов социальных отношений (команд, групп, обойм). В указанном контексте особое значение приобретает степень консолидации городских бизнес-сообществ, осознание им собственных интересов и мотиваций к участию в городском управлении.

Важным критерием разграничения городской и региональной бизнес-элиты во многих случаях является и масштаб их деятельности: крупные предприниматели тяготеют к региональной элите, средние – к городской. Определенное значение имеет и сфера деятельности предпринимателя. Например, высокая объективная заинтересованность к участию в городском управлении отмечается у предпринимателей, работающих в жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве.

Метод анализа участия в принятии важнейших стратегических решений целесообразно использовать при рассмотрении «элитного статуса» тех или иных персоналий некоммерческого сектора.

Так, непосредственным правом принятия ключевых решений городского уровня обладает муниципальная власть, тем не менее, у представителей некоммерческого сектора имеется возможность влиять на принятие стратегических решений через механизмы экспертного, общественного обсуждения.

Федеральная власть в последние годы предприняла ряд серьезных шагов по институционализации участия гражданского общества в принятии принципиальных общественно значимых решений, учредив Общественную палату Российской Федерации. Аналогичные институты

были созданы на региональном уровне, а также во многих муниципалитетах. Решения городских общественных палат и подобных им структур носят исключительно рекомендательный характер. Однако сам факт их создания оказывает консолидирующее влияние на некоммерческое сообщество, создает предпосылки для их системной коммуникации как между собой, так и с муниципальной властью.

На практике при реализации функций общественной экспертизы социально значимых решений городских властей возникают определенные сложности, связанные с дефицитом у представителей гражданского общества специальных профессиональных знаний по рассматриваемым вопросам. Несмотря на это, можно утверждать, что без активного участия представителей гражданского общества в экспертизе социально значимых решений муниципальной власти невозможно добиться существенного повышения их качества. Коллегиальные общественные структуры при органах местного самоуправления призваны аккумулировать «интеллектуальный ресурс», который необходимо задействовать в практике городского управления.

Концептуальный анализ характеристик и структуры постсоветских городских элит позволяет сделать следующие выводы.

- В прикладных исследованиях идентификацию городских элит целесообразно проводить на базе синтеза позиционной и десизионной парадигм. В муниципальном властном сегменте городской элиты формальная, иерархическая структура в целом является надежной основой для выявления «элитной страты». Анализ участия в принятии общегородских решений является инструментом для выделения «городской элиты» в бизнес-среде и гражданском обществе.

- Будучи, как правило, достаточно сильно консолидированными вокруг собственных интересов, по отношению же к процессам принятия общегородских решений городские элитные группы консолидированы гораздо слабее. Можно утверждать, что как «машины» принятия городских стратегических решений городские элиты в настоящее время недостаточно институционализированы. Однако только при отлаженной системной коммуникации представителей различных сегментов городских элит по вопросам городского управления, координации ими своих действий в рамках реализации стратегических ориентиров возможно полноценное участие городских сообществ в инновационной модернизации.

Примечания

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // СЗ Российской Федерации. 2008. № 47.

- ² *Парето В.* Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 61.
- ³ *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 73.
- ⁴ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 10.
- ⁵ *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. С. 31.
- ⁶ *Буренко В.И.* Инструментальное измерение политической элиты // Элиты в прошлом и настоящем. Социально-психологические и исторические аспекты. М., 2010. С. 407.
- ⁷ См.: *Putnam R.* Making Democracy Work. Princeton; New Jersey, 1994. P. 82–99.